

Л.А. Крушанова

**Миграционная политика СССР
на Дальнем Востоке
(середина 1940-х — 1970-е гг.)**

Federal budget state establishment of science
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East,
the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences

L.A. Krushanova

Migration Policy
in the Far East of the USSR
(mid-1940s — 1970s)

Vladivostok
2014

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН

Л.А. Крушанова

Миграционная политика СССР
на Дальнем Востоке
(середина 1940-х — 1970-е гг.)

Владивосток
2014

УДК: 947.088(571.6)

ББК 63.3(2)

К84

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Рецензенты

Е.А. Поправко, д-р ист. наук,

С.И. Лазарева, канд. ист. наук

Ответственный редактор А.С. Ващук, д-р ист. наук

Крушанова, Л.А.

К84 Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х — 1970-е гг.):
монография / Л.А. Крушанова ; ИИАЭ ДВО РАН ; [отв. ред. А.С. Ващук]. — Владивосток :
ИИАЭ ДВО РАН, 2014. — 268 с.

ISBN 978-5-906739-09-4

В монографии на дальневосточном материале исследуется советская миграционная политика с момента окончания Второй мировой войны и до конца 1970-х гг.; рассматривается комплекс причин и факторов, обусловивших развитие миграционной политики, выделяются специфические особенности, характерные для разных периодов. Особое внимание в работе уделено деятельности работников Главного управления по переселению и оргнабору, краевых и областных отделов, занимавшихся как набором, так и обустройством организованных мигрантов. Проанализированы успехи и неудачи в реализации советской миграционной политики на Дальнем Востоке. Миграционная политика СССР рассматривается комплексно — внутреннее перераспределение трудовых ресурсов и привлечение иностранных рабочих.

Passed for printing by academic council of Institute of History, Archaeology
and Ethnology, FEB RAS

Reviewers:

E.A. Popravko, Dr. Sc. (History),

S.I. Lazareva, Cand. Sc. (History)

Executive Editor: A.S. Vashchuk, Dr. Sc. (History)

Krushanova L.A.

К84 Migration Policy of the USSR in the Far East (mid-1940s — 1970s). — Vladivostok:
IHAE FEB RAS, 2014. — 268 p.

ISBN 978-5-906739-09-4

The monograph examines Soviet migration policy since the end of World War II until the end of 1970s on the Far Eastern material. The complex of causes and factors contributing to the development of migration policy is considered, specific features that are distinctive for different periods are highlighted. Particular attention is paid to the activity of the Main Directorate of Resettlement and organized collection, regional and provincial departments involved in collection or arrangement of the organized workers. The successes and failures in implementing the migration policy in the Soviet Far East are analyzed. Migration Policy of the USSR is considered complexly: internal reallocation of labor resources and attraction of foreign workers.

ISBN 978-5-906739-09-4

© Крушанова Л.А., 2014

© Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Миграционная политика СССР в чрезвычайных условиях послевоенного десятилетия	17
1.1. Репатриация советских граждан и ее результаты на Дальнем Востоке	17
1.2. Влияние послевоенных факторов на внутренние миграционные процессы в СССР	42
1.3. Реализация миграционной политики на Дальнем Востоке СССР	72
1.4. Иностранцы граждане как специфический источник пополнения трудовых ресурсов в СССР. ...	109
Глава 2. Изменения в миграционной политике СССР на Дальнем Востоке в середине 1950-х — 1970-е гг. ...	147
2.1. Внешние и внутренние факторы развития миграционной политики на Дальнем Востоке	147
2.2. Изменения в дальневосточной миграционной политике	176
2.3. Итоги миграционной политики	216
2.4. Советский опыт привлечения иностранных рабочих на Дальний Восток	232
Заключение	247
Сборники документов, монографии, статьи	255
Фотоиллюстрации	265
Приложение 1	266
Приложение 2	267

Введение

В конце XX — начале XXI в. Россия вышла на новый этап исторического развития. Изменения, произошедшие на постсоветском пространстве, привели к смене политического строя, росту сепаратизма и национализма, а также к массовому перемещению людей как внутри постсоветских государств, так и между ними. В этом контексте представляется актуальным изучение влияния государства на миграционные процессы в исторической ретроспективе.

В практике переселенческого движения в СССР роль государства была велика. Управленческому аппарату принадлежало организующее начало в способах переселения: добровольное (плановое переселение, организованные наборы рабочих, общественные призывы), принудительное (ссылка лиц, признанных виновными в совершении преступлений, депортации и т.д.).

В конце 1980-х гг. страну потрясли вооруженные столкновения и невооруженные конфликты, имевшие признаки межгосударственной, межэтнической, межконфессиональной или межклановой конфронтации. В России появились беженцы и вынужденные мигранты. В начале 1990-х гг. на территории бывшего СССР разразился сильнейший экономический кризис. За вынужденными мигрантами в Россию потянулись иностранные рабочие из республик СНГ, появились гастарбайтеры из стран традиционного зарубежья. Обозначился круг проблем, которые требовалось решить немедленно. Среди них — формирование миграционной политики с учетом требований времени и ситуации, предоставление статуса беженца (вынужденного переселенца), обустройство на новом месте.

После распада СССР правительство РФ более 10 лет разрабатывало правовую базу для постсоветской модели миграционной политики, был принят ряд концептуальных документов: программа «Миграция» (1992), Федеральная миграционная программа (1994). К концу 2006 г. появилось ещё несколько документов, в которых предусматривалось (прямо или косвенно) регулирование миграционных процессов на период до 2015 г.

Анализ результатов советской миграционной политики является важной и актуальной задачей. Ретроспективное

изучение условий её реализации с учётом современной историографической ситуации позволит ответить на актуальный вопрос: каким образом советское государство достигало баланса интересов между «пришлым» и постоянно проживающим населением в слабоосвоенных регионах? Решение этой задачи даст возможность исследователям расширить знания о роли и значении Дальнего Востока в структуре народного хозяйства страны, социальных и демографических особенностях населения дальневосточного региона и изменениях, которые происходили под влиянием миграционной политики, об отношении центра к региону на различных этапах развития советского государства во второй половине XX в.

Изучение миграции на Дальнем Востоке имеет большие историографические традиции, связанные с 150-летней историей освоения дальневосточного региона и миграцией населения. Исследование миграционного движения населения в СССР в рассматриваемый период имеет свою специфику. Его изучение началось в обратном хронологическом порядке: сначала получили освещение миграционные процессы 60—80-х гг., а затем 40—50-х гг. XX в. Причиной столь непоследовательного исследования проблемы переселений стало то, что в 1940—1950-е гг. тема миграции была в разряде секретных. Всесоюзная перепись населения 1959 г. и требования времени по развитию государства вызвали интерес к этой теме экономистов и демографов при дефиците статистического материала о движении населения и квалифицированных научных кадров. Учёным 1960-х гг. пришлось заново разрабатывать методологическую базу, отчасти опираясь на труды дореволюционных авторов. Первый вклад в разработку внесли сибирские учёные (В.Н. Переведенцев, Т.И. Заславская и др.) [1], особое значение имеют труды Л.Л. Рыбаковского. Итогом исследований на Дальнем Востоке стала его монография «Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока», в которой впервые было обосновано понятие генетической структуры населения, давшее возможность распределить население территории по продолжительности проживания в местах постоянного жительства и районах выхода [2].

Дальнейшее исследование проблемы миграционных процессов вывело ученых на дискуссию о соотношении политики и управления в миграционных процессах (А. Хомра, Л.Л. Рыбаковский, В.М. Моисеенко, М.Б. Денисенко) [3]. В 1970-х гг. с открытием академических научно-исследовательских центров (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Институт географии и Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН) формируется дальневосточная школа учёных. Миграционные процессы на Дальнем Востоке в 1970—1980-е гг. стали объектом исследования прежде всего экономистов (Е.А. Мотрич, С.Н. Леонов, Л.А. Колтунов и др.) [4]. Однако за пределами исследовательского интереса экономистов осталась реконструкция миграционных процессов 40—50-х гг., деятельность управленцев партийно-государственных и советских органов в вопросах проведения социально-экономических решений, направленных на закрепление населения в регионе. Восполнили этот пробел дальневосточные историки Э.В. Ермакова, которая рассматривала рост рабочего класса, в том числе сквозь призму миграции, а также В.Е. Борчанинова [5].

С середины 1980-х гг. начинается второй этап изучения миграционных процессов. Открытие фондов центральных и региональных архивов расширило исследовательское поле для историков. Популярным направлением стало изучение принудительных миграций 40—50-х гг. (В.Н. Земсков и Е.Н. Чернолуцкая) [6], а также описание принудительного трудоустройства граждан и подданных иностранных государств (военнопленных немцев и японцев) (П. Полян, В.П. Галицкий, М.А. Кузьмина и др.) [7]. В конце 1980-х гг. новой темой стало пребывание иностранных рабочих в СССР. Авторами таких работ были Е.Ю. Бондаренко и А. Кузин [8]. Репатриация как составляющий элемент внешних миграций советских граждан и подданных бывшей Российской империи получила освещение в работах Н. Аблажей и А. Кузина [9]. В 1991 г. вышла совместная работа В.Е. Борчаниновой и Е.Н. Чернолуцкой, где особое внимание уделяется структуре миграционных потоков, системе льгот и т.д. [10]. Появление новых тем в исторических

исследованиях оттеснило изучение традиционной проблемы для Дальнего Востока — миграционных процессов. Слабоизученной остается и региональная миграционная политика в СССР.

Во второй половине 1990-х гг. вновь проявляется интерес к этой теме. В отличие от исследований 1980-х гг. отечественные историки в большей степени изучали преимущественно переселенческую политику (Л.В. Занданова, О.В. Горбачев, Л.А. Герасимова, С.А. Пискунов, Е.Ю. Селезнева) [11].

В начале 2000-х гг. вышли в свет обобщающие труды по миграции, проходившей в России и в отдельных регионах в XX в. [12]. В них отражены миграции, проходившие преимущественно в стране, но слабо освещена региональная специализация. Восполнить этот пробел предприняли региональные исследователи. Например, авторы коллективного труда «Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке» [13] рассмотрели историю заселения Приморского края с момента его вхождения в состав Российского государства. Значительный объем исследовательских работ посвящен заселению Южного Сахалина после окончания Второй мировой войны (В.В. Щеглов, М.И. Шубина, Н.И. Колесников) [14].

Следует выделить историографический пласт научной литературы. В 1980-х гг. вышли работы М.И. Ищенко и Э.В. Ермаковой [15], в дальнейшем — В.В. Щеглова и др. [16]. Особый интерес представляет статья Н.В. Абрамовой, анализирующей работы зарубежных авторов (Р. Норт, Е.С. Кирби, Дж. Стефан, П. Мерфи и др.) по проблемам трудовых ресурсов в СССР, в том числе на Дальнем Востоке [17].

Авторское представление о различных аспектах миграционной политики складывалось под влиянием данной литературы. Историографический анализ показал, что несмотря на большое количество публикаций, выпшедших как в советский, так и в современный период, далеко не все проблемы получили освещение. Менее изучены структура миграционной политики, деятельность органов власти, а также численность и функции управленцев, занимавшихся реализацией миграционных процессов, добровольного и принудительного трудоустройства иностранных граждан.

Хронологические рамки исследования охватывают период середины 1940-х — 1970-е гг. Нижний рубеж (1946 г.) является первым послевоенным годом; верхний рубеж (конец 1970-х гг.) обусловлен пиком притока населения на Дальний Восток, что стало отражением совокупного развития социальной и демографической политики советского государства.

Географические рамки включают в себя значительную часть Дальнего Востока современной России — Приморский и Хабаровский края. В послевоенные годы в состав Хабаровского края входили Амурская, Сахалинская и Камчатская области, а также Еврейская автономная область. При разработке государственных миграционных мероприятий по формированию населения в регионе отмечены общие обоснования: Дальний Восток является приграничной территорией; имеет богатые природные ресурсы; специфические природно-климатические условия. Исходя из этого, правительство гарантировало потенциальным переселенцам различный объём льгот в зависимости от места вселения. Магаданская область и Чукотка не описаны в монографии, поскольку там проводились минимальные мероприятия по формированию стабильного населения. Длительное время эти территории заселялись в основном спецконтингентом.

Советская миграционная политика и её реализация рассматриваются с учетом используемых в исторической науке методов и подходов. В основу исследования положен принцип историзма и объективности. Проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, социологический, антропологический, структурно-функциональный анализ дополняется элементами методики повседневности, что особенно применительно к исследованию образа действий управленцев и жизни мигрантов. С помощью нормативно-ценностного подхода выявлено значение переселенческих льгот в целом, которые выражались в конкретных материальных ценностях и использовались государством для достижения поставленных целей по заселению Дальнего Востока. Привлечение большого числа текстов, особенно переписки, предполагает применение текстологического анализа и методологии герменевтической школы, направленных на выявление и понимание миграционной политики в середине 40-х — 80-е гг. XX в.

Важной частью методологического исследования является понятийный аппарат. В историческом плане миграционная политика — это комплекс государственных мер, включающих разновекторные мероприятия, направленные на достижение конкретных демографических, социальных и политических целей, отвечающих внутренней и внешней стратегии государства. Для этого автор использует обширный пласт как опубликованных, так и неопубликованных документов, находящихся в центральных и региональных архивах, в которых зафиксированы основополагающие идеи и задачи миграционной политики СССР и её реализация на Дальнем Востоке. Исследование миграционных процессов проводилось на базе делопроизводственной документации, которая находится в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном архиве новейшей истории, Государственных архивах Приморского и Хабаровского краёв. Интерес представляют научные отчёты сотрудников Хабаровского комплексного научно-исследовательского института ДВО АН СССР за 1960—1980-е гг.

Ещё одну группу источников представляют опубликованные и неопубликованные статистические материалы. Важное значение имеют Всесоюзные переписи населения, проводившиеся в 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Специфическую группу источников составляют анкеты, разработанные сотрудниками ИИАЭ, которые позволили реконструировать процесс переселения мигрантов на юг Дальнего Востока (Приморский край) в середине 1940-х — 1980-е гг.

Автор предпринимает попытку комплексного исследования миграционной политики советского государства. На основе широкого круга источников проанализированы малоизученные аспекты: внутренняя и внешняя миграционная политика как целое, способы набора, контроля и обустройства мигрантов, деятельность центральных и региональных чиновников, участвовавших в создании и реализации управленческих решений в центре и регионах набора и вселения мигрантов в дальневосточном регионе на протяжении 35 послевоенных лет.

1. Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири. Новосибирск: СО АН СССР, 1961; Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975; Кокосов Н.И. Улучшить использование трудовых ресурсов Сибири и Дальнего Востока // Социалистический труд. М., 1961. № 2; Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978.
2. Рыбаковский Л.Л. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. Хабаровск: Хабаровский КНИИ СО АН СССР, 1969; Его же. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987.
3. Хомра А.У. Миграция населения: Вопросы теории, методики исследования. Киев, 1979. С. 51; Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. С. 163; Моисеенко В.М. Содержание и тенденция развития миграционной политики в СССР // Вторая Всесоюзная научная школа-семинар «Проблемы управления развитием народонаселения в социалистическом обществе». М.: МГУ, 1982. С. 1—8; Денисенко М.Б. и др. Миграциология. М., 1989.
4. Мотрич Е.Л. Заселение южной зоны Дальнего Востока на современном этапе развития производственных сил: дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 1973; Леонов С.Н. Совершенствование форм обеспечения трудовыми ресурсами промышленности пионерских районов: дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 1985; Колтунов Л.А. Квалификационный уровень трудовых ресурсов, занятых в сельском хозяйстве Приморья // Использование трудовых ресурсов в районах Дальнего Востока. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1965; Его же. Резервы совхозов Дальнего Востока. Владивосток, 1974.
5. Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Приморья в годы коммунистического строительства в СССР (1959—1965 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1974; Ермакова Э.В. Рабочий класс Дальнего Востока в послевоенные годы: дис. ... канд. ист. наук, 1967.
6. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930—1960. М.: Наука, 2003; Его же. Спецпоселенцы (по документам НКВД — МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11; Его же. ГУЛАГ (ист.-социол. аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6; Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е — начале 50-х годов (о роли спецконтингентов). Препр. Владивосток, 1993; Её же.

- Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестн. ДВО РАН. 1995. № 6; Её же. Немцы на советском Дальнем Востоке: стат.-демогр. аспект // Этнос и культура в условиях общественной трансформации. Владивосток: Дальнаука, 2004; Её же. Спецпоселенцы в Дальстрое (1946—1956) // Наука Северо-Востока России — начало XXI века: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти акад. К.В. Симакова; Бусик Н. Причины депортации народов СССР в конце 30-х — конце 40-х гг. // Культура и образование этнических общин Сибири: судьбы народов России. Сибирь. XX век: Материалы VII науч.-практ. конф. (Новосибирск, 17 апр. 2004 г.). Новосибирск, 2004; Галишников В.Н., Пиманов А.С. Этническая ссылка в Ямало-Ненецком национальном округе (1941—1964) // Тюмен. ист. сб. 2004. Вып. 6.
7. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001; Его же. Вестарбайтары: Интернированные немцы на советских стройках // Родина. 1999. № 9; Его же. Интернированные немцы в СССР // Вопр. истории. 2001. № 8; Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Пробл. Дальнего Востока. 1990. № 6; Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-ист. журнал. 1991. № 4; Карасев С.В. Японские военнопленные в Читинской области (1945—1949 гг.) // Сибирь и Япония в Северо-Восточной Азии: материалы рос.-яп. семинара (Иркутск, 8—9 сент. 2002 г.). Иркутск, 2003; Смыкалин С.А. Иностранные военнопленные на территории Урала в 1942—1956 гг. // Рос. ист. журнал. 2001. № 1; Кузьмина М.А. Плен. Комсомольск-на-Амуре, 1996; Поршнева О.С. Повседневность плена: иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле (1943—1949 гг.) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: История России, 2003. № 2; Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914—1956). Владивосток, 2002; Её же. Военнопленные: Формирование и деятельность управления по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР на Дальнем Востоке России (30—50-е годы XX в.) // России и АТР. Владивосток, 2003. № 4; Абдрашидов Э.В. Отношение к военнопленным в России и СССР в первой половине XX в. // Вестн. Челябин. ун-та. Серия 1, История. 2002. № 1.
8. Бондаренко Е.Ю. Трудовые интернациональные связи дальневосточников с народами зарубежных стран в период строительства социализма в СССР (1938—1960 гг.). Препр. Владивосток, 1989; Королева Е.

- Интернациональные студенческие отряды Иркутской области (1964—1980 гг.) // Экономические, социальные и правовые вопросы реформирования России. Иркутск, 2004; Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993.
9. Аблажей Н.Н. Миграционный обмен России (СССР) и Китая: основные этапы и тенденции развития в XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ. Вып. 3. 2002; Её же. Реэмиграция из Китая в СССР в конце 1940—1950-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2; Ауриллине Е.Е. Российская эмиграция в Китае (1920—1950-е гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Хабаровск, 2004; Лунева И.А. Феномен «невозвращенцев» в пропагандистской войне СБОНР против Советского Союза // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. Политология. Международные отношения. Вып. 1. 2003; Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996; Молодова И.Ю. Проверочно-фильтрационные дела в Госархиве документов новейшей истории Калужской области // Отеч. архивы. 2003. № 1; Христофоров В.С. Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отеч. архивы. 2001. № 6; Лунева И.А. Феномен «невозвращенцев» в пропагандистской войне СБОНР против Советского Союза // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. Политология. Международные отношения. Вып. 1. 2003; Земсков В.Н. Рождение второй эмиграции (1944—1952) // <http://www.history.turdnsk.ru/> (дата обращения: 16.04.2005).
10. Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке (40—60-е годы). Препр. Владивосток, 1991.
11. Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е годы // Вопр. истории. 2003. № 2. С. 137—143; Герасимова Л.А. Проблемы организации сельскохозяйственных переселений на юге Дальнего Востока во второй половине 1940-х — 1950-е годы // Восьмая Дальневост. конф. молодых историков: сб. материалов. Владивосток, 26—29 апреля. Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 44—52; Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997; Пискунов С.А. Политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на юге Дальнего Востока СССР в середине 1940-х — середине 1960-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005.; Её же. Жилищное строительство

- для переселенцев на Дальнем Востоке в 50—60-е годы XX в. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.): материалы междунар. науч. конф. 17—18 мая 2004 г. Благовещенск, 2004; Его же. Центральные и дальневосточные переселенческие органы: 1950-е гг. — середина 1960-х гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке: Хабаровск, 2005. № 4. С. 117—126.; Селезнева Е.Ю. Особенности формирования трудовых ресурсов Дальнего Востока в период 30-х — начала 50-х годов // Российский рынок труда: новации, проблемы, перспективы развития. Пенза: РИО ПГСХА, 2004. С. 101—102.
12. Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. М.: ОГИ, 2005; Эмиграция и репатриация в России // Ионцев В.О., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.М. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.
  13. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002.
  14. Щеглов В.В. Эволюция государственной политики формирования населения Сахалинской области (1925—1998 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 1999; Колесников Н.И. История освоения и развития Сахалинской области в 1947—1991: опыт и проблемы // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994; Шубина М.И. Из истории формирования славянского населения Южного Сахалина в 1945—1960 гг. // Там же.
  15. Ищенко М.И. Историография заселения и хозяйственного освоения Сахалина русскими людьми. Препр. Южно-Сахалинск, 1984; Ермакова Э.В. Историография дальневосточного отряда рабочего класса СССР // Проблемы истории Дальнего Востока СССР (XVII—XX вв.) в отечественной литературе. Владивосток, 1986.
  16. Щеглов В.В. Миграционные процессы в Сахалинской области в 1925—1995 гг.: (историография вопроса) // Материалы XXXII науч.-методол. конф. преподавателей и аспирантов ЮСГПИ (апрель, 1997); Исследования миграции населения в России. Социология в России. 2-е изд. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 438—445.
  17. Абрамова Н.В. Проблемы формирования населения и трудовых ресурсов в дальневосточном регионе России (1965—1985 гг.): (по материалам зарубежных публикаций) // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX в.: сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 1999. С. 171—178.

Глава 1. Миграционная политика СССР в чрезвычайных условиях послевоенного десятилетия

1.1. Репатриация советских граждан и её результаты на Дальнем Востоке

Окончание Великой Отечественной и Второй мировой войн поставило перед руководством СССР ряд задач, одной из которых было восстановление численности населения в стране. Прямые военные потери, увеличение смертности от чрезмерного труда, недоедания и болезней, снижение рождаемости, разрыв семейных связей и т.д. привели к тому, что в СССР нарушился половозрастной баланс. В Великой Отечественной войне советский народ, по разным данным, потерял 20—28,5 млн чел.

Уничтожение гражданского населения в оккупированных областях в 1939—1944 гг. заставило многих людей покинуть родные места и переселиться на территорию других государств. Миграционный обмен между СССР и Польшей, достигший в послевоенный период 3 млн чел. [1], дает представление о массовости этого процесса. После окончания войны каждое государство требовало возвращения своих граждан на родину.

Численность советских граждан, оказавшихся к концу войны за пределами СССР, превышала 5 млн чел.¹, в том числе около 2 млн чел. военнопленных. Беженцы представляли все

---

¹ П. Полян называет цифру 8,7 млн чел., правда, с оговоркой, что эти расчеты оценочные и неокончательные (см.: Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. М.: ОГИ, 2005. С. 511).

слои общества — от крестьян до ученых. На начало 1947 г. среди прибывших в СССР репатриантов колхозники составляли 55,1%, рабочие — 14,2%, единоличники — 11,5%, служащие — 6,1%, партийные и советские работники — 0,2%, прочие — 12,9% [ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 667. Л. 215]. Определенную группу составляли те, кто решил сражаться против Красной Армии и советской власти, помогая немцам на оккупированных советских территориях (от 0,8 до 1 млн чел.) [2, с. 35].

Репатриация, проходившая в послевоенные годы, имела политическую и идеологическую основу. В стране практически не было ни одной советской семьи, где не погиб кто-то из ее членов. Отчасти в этом виновны и советские граждане, находившиеся на службе у оккупантов. Честные советские люди, ненавидевшие и презиравшие предателей, были заинтересованы в их выявлении и суровом наказании. В этих условиях проводимая руководством СССР политика тотальной репатриации была одним из способов реализации общенародного требования.

Через полную репатриацию советских граждан руководство СССР также выполняло просьбу простых людей: разыскать и вернуть домой родных и близких, угнанных в Германию или пропавших без вести [3]. Таким образом, мероприятия государства по недопущению новой эмиграции вполне соответствовали настроению основной массы населения СССР.

Руководство СССР начало проводить мероприятия по возвращению собственных граждан задолго до окончания войны в Европе. В августе 1944 г. были созданы проверочно-фильтрационные пункты, которые вскоре стали принимать первых репатриантов. Кроме отделов по репатриации возвращением советских граждан занимались НКВД и СМЕРШ. Их привлечение было вызвано чрезвычайными условиями.

После проверки советских граждан в фильтрационных лагерях, в сборно-пересыльных и контрольно-пропускных пунктах специальная комиссия выявляла лиц, причастных к преступной деятельности. Если такого выявлено не было,

Фото 1. Остарбайтеры 1943—1945 гг.
(Фотография сделана немцами)

Фото 2. Советские военнопленные. Эти фотографии делали солдаты
Вермахта, чтобы потом в родном фатерланде показывать, как они
покоряли «великую Россию»

то военнопленных, как правило, направляли в действующую армию, а гражданских лиц — по месту жительства. Если в ходе проверки было установлено, что они совершили такие преступления, как измена Родине, шпионаж, дезертирство, то их арестовывали, на них заводились уголовные дела [4, с. 13]. В 1944—1946 гг. совместными усилиями было учтено около 2 млн военнопленных, из них 1 836 562 чел. репатриировали [5, с. 6].

Возвращение домой у многих репатриантов вызывало не только чувство радости от предстоящей встречи с близкими, но и обеспокоенность за свою судьбу. Вопросы с просьбой разъяснить, что будет с теми, кто оказался за границей

(военнопленные и беженцы), поступали в разные органы. 11 ноября 1944 г. газета «Правда» опубликовала интервью Ф.И. Голикова корреспонденту ТАСС, в котором была изложена позиция руководства СССР по вопросу репатриации советских граждан. В нем говорилось: «Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т.п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла

Фото 3. Уполномоченный по делам репатриации начальник ГРУ генерал Филипп Голиков

их... Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости...». Далее говорилось, что Советское государство не будет привлекать к ответственности даже тех, кто находился на службе у фашистов при условии, что они станут честно выполнять свой долг перед Родиной. Вся последующая пропагандистская ра-

бота официальных представителей СССР с советскими перемещенными лицами была построена на основе интервью, данного Ф.И. Голиковым [3].

С января 1945 г. отмечалось повышенное внимание со стороны ЦК ВКП(б) и СНК СССР к деятельности органов по репатриации. В это время выходят постановления СНК СССР № 30-12с «Об организации приема и устройства репатрируемых граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран» и № 31-13с «О порядке репатриации союзных военнопленных и интернированных граждан, освобожденных Красной Армией» [3]. На основе этих постановлений решались задачи, связанные с возвращением на родину советских граждан. Таким образом, к моменту проведения Крымской конференции у Советского Союза были выстроены стратегия и правовая основа проведения в Европе репатриационных мероприятий.

На Крымской конференции советская сторона предприняла попытку закрепить условия репатриации собственных граждан в Ялтинских соглашениях. В частности, были достигнуты соглашения между государствами антигитлеровской коалиции по делам военнопленных и гражданских лиц. В них оговаривались мероприятия «...для защиты, содержания и репатриации военнопленных и гражданских лиц Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов, освобожденных союзными вооруженными силами». До выделения транспортных средств для репатриированных граждан союзников каждая из сторон обеспечивала их питанием, одеждой, медицинским обслуживанием [6, с. 154—158].

После капитуляции Германии СССР инициировал переговоры о передаче перемещенных лиц, которые состоялись в мае 1945 г. в Галле (Германия). Советскую делегацию возглавил генерал-лейтенант К.Д. Голубев, делегацию союзников — американский генерал Р.В. Баркер. На этих переговорах союзники предприняли попытку провести принцип добровольности репатриации и свое толкование понятия «советские граждане». Этим правом в первую очередь могли воспользоваться те, кто запятнал себя сотрудничеством с фашистскими

Фото 4. К.Д. Голубев, уполномоченный по делам репатриации

захватчиками, и преступные элементы, положив начало новой антисоветской эмиграции [3]. Однако эту позицию советская сторона встретила решительными протестами, и американская сторона была вынуждена согласиться с принципом обязательной репатриации граждан СССР в границах до 17 сентября 1939 г. Далее переговоры зашли в тупик, так как Баркер заявил, что жители Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии не являются советскими гражданами и не подлежат обязательному возвращению в СССР.

Но инициатива находилась в руках советской делегации, и 22 мая Баркер поставил свою подпись под документом, в котором закреплялся принцип обязательной репатриации всех советских граждан [3]. Таким образом, репатриации подлежали граждане, которые на 21 июня 1941 г. являлись советскими.

Мероприятия, связанные с репатриацией, в Европе шли достаточно активно. Срок проверки лиц, подлежащих возвращению в СССР, варьировался от одного до двух месяцев. На 1 декабря 1945 г. из 5 млн чел., находившихся в Европе, было выявлено и учтено в Западной Германии и Дании 2 289 091 советских граждан, из них к этому сроку отправили на родину 2 102 253 чел., еще 186 816 чел. ожидали репатриации, находясь в американской (49 875 чел.) и английской (114 790 чел.) оккупационных зонах [6, с. 486]. Большинство из них являлись жителями прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии, но возвращаться в СССР не желали по различным причинам [ГАРФ. Ф. 9526.

Фото 5. А.Я. Вышинский, в 1949—1953 гг.
министр иностранных дел СССР

Оп. 6. Д. 91. Л. 108]. Предвидя такую ситуацию, советское руководство издало директиву, в которой определение гражданства СССР было четко прописано и указывалось, что «эти люди будут репатриированы, каково бы ни было их личное желание». К.Д. Голубев сообщал А.Я. Вышинскому, что в американских лагерях большое количество советских граждан, преимущественно жителей Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, которые, желая избежать репатриации, выдавали себя за поляков или «бесподданных» [Там же. Д. 89. Л. 127].

Идея полной репатриации советских граждан не находила понимания ни у руководства, ни у офицерского состава лагерей. Они пытались всеми допустимыми способами противодействовать возвращению граждан СССР на родину. Например, начальник лагеря Штаттольденфорф (г. Хольцминден) майор Бернс лично проводил антирепатриационную пропаганду [Там же. Д. 48. Л. 20—23]. Иногда она достигала цели.

Как указывает В.Н. Земсков, с позиций сегодняшнего дня обязательная репатриация выглядит грубейшим нарушением такого права человека, как право жить там, где ему хочется, а не там, где его заставляют жить сильные мира сего [3]. Однако в тех условиях советское правительство руководствовалось политическими и идеологическими принципами.

Одной из организационных мер советского правительства стало выявление «спорных» и «бесподданных». Кто не хотел возвращаться в СССР, отыскивал всевозможные «лазейки», чтобы перебраться в желаемую страну. С началом репатриации польских граждан в октябре 1945 г. из лагеря г. Гиссен, расположенном в американской оккупационной зоне, выехало 260 чел. (в том числе русские, украинцы и литовцы), заявивших о своей польской принадлежности. Советской стороной перед польским Правительством национального единства был поставлен вопрос о выявлении и отправке советских граждан на сборные пункты с целью их дальнейшей репатриации в СССР [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 91. Л. 3].

Проводимые советской разведкой проверки и сбор информации о положении дел в англо-американской оккупационной зоне показали, что советских граждан находилось там больше, чем указывалось в сводках, или факт их наличия умалчивался вообще. В лагеря, где содержались «спорные», «бесподданные» и граждане других государств, союзники советских офицеров не допускали, так как их посещение сводило на нет всю антирепатриационную работу. К примеру, после того как лейтенант Жданович побеседовал с контингентом, проживавшим в лагере в г. Траунштайн, из 125 чел. пожелали вернуться на родину 50 чел. [Там же. Л. 6—7].

Однако была обратная ситуация. В лагере Каунас (г. Гослер) люди размещались в деревянных бараках. Основным видом трудовой деятельности были лесозаготовки и работа на немецких предприятиях, на которых трудились бывшие рабочие, крестьяне, а также относившие себя к интеллигенции. Большинство жителей лагеря были семейными, до 30% из них — дети. В отчете офицера по репатриации указывалось:

«...несмотря на то, что люди лагеря живут в плохих материальных условиях, создавшаяся обстановка не позволяет рассчитывать на успех репатриации» [Там же. Д. 48. Л. 20—23].

В результате деятельности советских офицеров по репатриации желание «колебавшихся» вернуться домой возрастало. Проведенный В.Н. Земсковым анализ опросных листов и объяснительных записок репатриантов показал, что около 70% интернированных гражданских лиц и военнопленных намеревались вернуться в СССР независимо от того, будут там их наказывать или нет². Гораздо больше их пугала перспектива стать эмигрантами (слово «эмигрант» в среде возвращенцев было ругательным). Твердых невозвращенцев среди советских граждан на 17 сентября 1939 г. (без «власовцев» и т.п.) было только около 5%. Примерно 25% составляли так называемые «колебавшиеся», в массе своей они были не против возвращения в СССР, но опасались репрессий [3]. Однако некоторые военнослужащие Красной Армии, в том числе и офицеры, говорили репатриантам, что есть приказ не пускать их в Советский Союз, «...а кого пустят, то будут жить на севере» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 314. Л. 17]. Таким образом, заверения, данные Ф.И. Голиковым корреспонденту ТАСС, не смогли подавить у людей страха перед предстоящим возвращением на родину.

С 1946 г. с началом холодной войны численность невозвращенцев увеличивалась. Репатриационные органы Англии и США, игнорируя подписанные на Ялтинской конференции соглашения о взаимной репатриации военнопленных и гражданских лиц, проводили работу по восстановлению демографического баланса стран — участниц Второй мировой войны. Если в 1945—1948 гг. в СССР не вернулись 32 733 чел.,

---

² Н.Д. Толстой указывает, что в 1944—1947 гг. западные союзники, обеспокоенные огромным количеством предполагаемых эмигрантов, которых необходимо было обустроить, насильно выдали Сталину более 2,5 млн советских граждан (см.: Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. С. 11). Таким образом, доля «твердых возвращенцев» опускается до более низкой отметки по сравнению с той, что приводит В.Н. Земсков.

то к 1952 г. их численность увеличилась в 6,5 раза и составила 213 388 чел. [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 427. Л. 2, 14; 7. С. 78].

Кроме выявления и отправки на родину бывших военнопленных, органы по репатриации регистрировали беженцев, которые уже обустроились на территории других государств. Советские офицеры столкнулись с проблемой их уклонения от возвращения на родину. Например, в Румынии было выявлено и учтено 92 692 советских граждан, из которых 79 597 чел. были отправлены на родину в принудительном порядке. В октябре 1946 г. в этой стране оставалось 4660 чел., которые не желали возвращаться в СССР³, из них по состоянию здоровья и возрасту — 1131 чел., наличие брака с румынскими подданными — 526 чел., владельцы ресторанов, предприятий, гостиниц, служащие учреждений — 3003 чел. [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 433. Л. 47].

В отличие от тех, кто оказался в Европе вместе с отступавшими фашистскими армиями, эти люди были беженцами. Поэтому вряд ли можно говорить о том, что они совершили военные или другие преступления. Из почти 93 тыс. чел., проживавших в Румынии, 5% адаптировались в новых условиях. Они предпочли остаться в Румынии еще и потому, что в СССР им пришлось бы начинать обустройство заново.

Таким образом, для возвращения своих граждан из-за границы советская сторона достигла договоренности с союзниками о взаимной репатриации, были сформированы сборные и сборно-пересыльные пункты и лагеря, где бывшим военнопленным оказывали медицинскую и материальную помощь, переправляли в СССР. Что касается гражданских лиц, то их сначала регистрировали, а затем доставляли на пересыльные пункты, откуда они возвращались на родину.

Однако предпринятые советской стороной усилия по проведению репатриации сделать ее «тотальной» в полной мере не удалось. Проверка, проведенная комиссией под руководством Д.А. Волкогонова, выявила, что из лагерей беженцев

---

³ Резолюция заведующего консульским отделом посольства Союза ССР в Румынии Шутова: «А что будем делать с ними?»

не вернулось 504 тыс. чел. В это число не вошли те, кто избежал лагерей и тем самым не был включен в статистику перемещенных лиц. И.А. Дуглас и Ф.Я. Черон считают, что вне лагерей находилось еще около 300 тыс. советских граждан, которые также не пожелали возвращаться в СССР [7, с. 81]. В совокупности (с учетом вывезенных из англо-американских оккупационных зон) в Советский Союз не вернулось от 0,7 до 1 млн чел.⁴ [8, с. 511].

Отношение государства к своим военнопленным является индикатором соблюдения властью прав и интересов собственных граждан [9, с. 101]. Отношение советского руководства к тем, кто оказался за границей, особенно к военнопленным, было известно еще с советско-финской войны 1939—1940 гг. Нежелание части репатриантов возвращаться на родину наносило удар по престижу советского строя. Сложность работы по репатриации не помешала советскому правительству преимущественно силовыми методами решить основную задачу — вернуть на родину большую часть советских граждан. Судьба многих из них, несмотря на все заверения советского правительства, оказалась драматичной.

Советские законы в период сталинского правления отличались крайней жесткостью, особенно к гражданам, которые оказались в плену. Они не были защищены ни международным, ни внутренним законодательством [9, с. 102]. В статье 58-1б Уголовного кодекса СССР от 1934 г. для них предусматривалось соответствующее наказание. Во время войны Сталин самолично издал ряд приказов, угрожавших драконовскими мерами расправы с дезертирами и военнопленными. В случае попадания в плен советским солдатам предписывалось покончить с собой, в противном случае их семьи лишались материальной поддержки государства.

---

⁴ По нашим подсчетам, в СССР не вернулись примерно 1 млн советских граждан. П. Полян называет цифру 0,7 млн чел. (8,1%), правда, он оговаривается, что данные оценочные и неокончательные (см.: Россия и её регионы в XX веке. М., 2005. С. 511).

Отношение советского правительства к своим гражданам, «запятнавшим себя контактами с иностранцами», отражено в воспоминаниях сержанта, который, будучи дважды награжден советским правительством, попал в плен под Одессой. Брошенный советским государством на произвол судьбы, он вступил в армию Власова: «Вы думаете, что мы продались немцам за кусок хлеба? Но скажите мне, почему советское правительство продало нас? Почему продало миллионы пленных? Мы видели военнопленных разных национальностей, и обо всех заботились их правительства. Они получали через Красный Крест посылки и письма из дому, одни только русские не получали ничего... Коли Сталин отказался знать о нас, то и мы не желали иметь с ним ничего общего» [2, с. 36—38]. В его словах звучит горечь и боль за отношение советского руководства к своим гражданам, главная вина которых заключалась в том, что они заглянули в «несоциалистический» мир. Советские граждане, оказавшиеся в Европе, заранее знали о последствиях своего пребывания за границей, поэтому искали возможные пути, чтобы не возвращаться в СССР.

Согласно официальной советской статистике, опубликованной в 1945 г., в СССР было репатриировано 5 236 130 чел., в т.ч. 750 тыс. чел. находились в пути, 4 491 403 чел. вернулись в родные места или получили работу в других районах, из них мужчины — 59% (3 104 284 чел.), женщины — 28,5% (1 498 153 чел.), 12,5% (633 693 чел.) — дети в возрасте до 16 лет [10, с. 377].

Сравнительный анализ позволяет отметить значительные расхождения между официальной статистикой и альтернативными данными И.А. Дугласа и Ф.Я. Черона. Если отталкиваться от того, что в Европе была проведена полная репатриация, то можно предположить, что руководство СССР скрыло информацию о том, что более 1 млн чел. в страну не вернулось. Возникает вопрос: если из 5,2 млн чел. 85,7% «...вернулись в родные места или же получили работу в других районах», то из кого формировались рабочие батальоны?

[illegible]

По возвращении репатриантов в СССР, особенно военнопленных, их ждала новая проверка. Сеть проверочных лагерей была раскинута по всей стране. К 1 декабря 1945 г. в СССР прибыло 946 107 репатриированных. К началу следующего года в лагерях НКВД, расположенных на Дальнем Востоке, содержалось 50 680 (5,3%) чел., в том числе в Дальстрое (Магадан) — 34 680 чел., в лагере «Строительство-500» (Комсомольск-на-Амуре) — 15 000 чел., в лагере «Байкало-Амурская магистраль» — 1000 чел. [ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 18, 48]. На Дальний Восток кроме репатриантов прибыли изменники и «предатели родины» («власовцы») и некоторая часть «оуновцев». На 1 января 1953 г. их численность в регионе составила 64 125 чел., в том числе 32 843 чел. «оуновцев» и 7214 «власовцев», размещенных в основном в Хабаровском и Приморском краях, Амурской области [11, с. 18—19].

18 августа 1945 г. вышло постановление ГОКО № 9871-с о создании рабочих батальонов из репатриантов для работы в народном хозяйстве страны, которые занимали пограничное положение между принудительными мигрантами и воененизованными частями. В них зачислялись репатрианты, не запятнавшие себя сотрудничеством с врагом, на момент фильтрации достигшие призывного возраста для военной службы, а также военнопленные рядового и сержантского состава недемобилизуемых возрастов и незначительная часть офицеров [12, с. 131]. Во второй половине 1945 г. репатрианты в составе рабочих батальонов трудились на сахалинских предприятиях Дальнефти (1000 чел.) [ГАХК. Ф. П.-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 100], в Торговом порту Владивостока (229 чел.) [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 617. Л. 16—19], на предприятиях рыбной промышленности Петропавловска-Камчатского (738 чел.), на лесозаготовках в Хабаровском крае (1633 чел.) [ГАХК. Ф. П.-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 116, 118]; в 1950 г. на шахте 6—6-бис Приморского края работали 820 чел. [13, с. 117].

К маю 1946 г. через проверочно-фильтрационные лагеря, расположенные в Хабаровском и Приморском краях, прошли проверку 19 103 чел., было выявлено 3058 чел., служивших

в немецкой армии, из них арестовано органами МГБ 158 чел., МВД — 47 чел., СМЕРШ — 96 чел. Прочая убыль (направлены к месту жительства и по причине смерти) составила 557 чел. (0,3%), из остальных 18 245 чел. были сформированы рабочие батальоны [ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 50, 68].

Оказавшись в лагерях, многие репатрианты приобрели профессию и специальность. Например, работавшие на предприятиях «Дальнефти» трудились в бригадах, связанных с разведкой, бурением и добычей нефти, производили подземный ремонт и ремонт транспорта [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 286. Л. 100], некоторые становились мастерами и бригадирами [13, с. 117].

Определенный срок пребывания в подобном статусе жестко не заканчивался в положенное время. На основании постановления Совета Министров № 2229-917с от 2 августа 1946 г. и распоряжения Совета Министров № 7240-рс от 12 июня 1947 г. к местам своего прежнего жительства в 1948 г. должны были вернуться все репатрианты. В 1948 г. в Управление уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации и в отдел репатриации Приморского военного округа от репатриантов, работавших в торговом порту г. Владивостока, поступили жалобы, в которых указывалось, что их незаконно удерживают на работах в порту. Многие из них имели семьи в других республиках, и поэтому они желали уехать домой. Заявления репатриантов об увольнении даже не рассматривались, несмотря на вышедшие постановление и распоряжение. В большинстве случаев им говорили: «Приходите через пару месяцев, сейчас уволить не имеем возможности ввиду отсутствия замены». Характер и степень обоснования увольнения (например, по состоянию здоровья, туберкулез или наличие дома иждивенцев) не имели никакого значения [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 617. Л. 18].

Трудности, а порой даже невозможность реализовать свое желание вернуться домой вызывали у репатриантов протестную реакцию, которая принимала формы от бунтов до бегства из лагерей. Например, в Козыревском леспромхозе на

Камчатке после объявления приказа по Госрыбтресту о зачислении 200 репатриантов в качестве постоянных рабочих 2—3 апреля 1946 г. они не вышли на работу, заявив о своем нежелании оставаться там работать и жить. Репатрианты потребовали огласить постановление ГКО № 9871, считая этот «перевод» творчеством местных властей, а также выплатить заработную плату, которую они не получали несколько месяцев, и демобилизовать их как военнослужащих. Аналогичная ситуация сложилась и на Петропавловской судовой верфи. После выступлений репатриантов задолженность по зарплате была ликвидирована [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 286. Л. 118].

С октября 1945 г. в Оборском леспромпхозе (район им. Лазо Хабаровского края) на лесозаготовках трудился 24-й отдельный рабочий батальон (984 чел.) и 10 офицеров. В 1946 г. им объявили, что они уже являются постоянными рабочими. Как и рабочие-репатрианты на Камчатке, они выдвинули требования о немедленной отправке домой. Получив разъяснения, что они остаются на работе и отпущены быть не могут, половина из них перестала выходить на работу, занялась сбором и торговлей орехами. На требование руководства леспромпхоза приступить к работе, бывшие репатрианты отвечали угрозами и запугиванием администрации [Там же. Л. 97, 98]. Такое поведение поддерживалось командным составом батальона. Секретарь райкома ВКП(б) им. Лазо М. Щелканов докладывал секретарю Хабаровского крайкома Р.К. Назарову, что «...командный состав батальона сжился с бойцами, совместно пьянствуют... Из 984 чел. 145 чел. сбежало (дезертировало), а из оставшихся 839 чел. 50% не работают, занимаются сбором орехов и продажей их в г. Хабаровске». «Орешники», как их называли, превратились в шайки преступников (убили ветфельдшера Лизунова, избили мастеров Романюка и Корвина, председателя крайкомсоюза леса и сплава Почекуна и др.) [Там же. Л. 97].

В структуре населения доля репатриантов была незначительной. Но если их рассматривать как составляющую часть трудовых ресурсов Дальнего Востока, то они составляли при-

мерно 7%⁵. С учетом того, что они работали в отраслях, где дефицит рабочих рук был постоянным, их вклад в хозяйственное освоение региона был значимым. Преимущества этого вида источника трудовых ресурсов состояли в том, что для репатриантов не требовалось строить отдельное жилье, отсутствие которого становилось одной из главных причин оттока вольнонаемных рабочих. Попытка перевести репатриантов из временных работников в постоянные привела к тому, что в регионе обострилась криминальная ситуация.

Следующим направлением деятельности советского правительства по механическому приросту населения в СССР стала разработка ряда документов о возвращении бывших граждан Российской империи. Руководство СССР предоставило правовую возможность вернуться на родину тем, кто проживал в Европе, Китае и других странах. В 1946 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 15. Л. 3]. На основе двух постановлений Верховного Совета СССР (№ 1919-809с от 29 августа 1946 г. и 2077-544с от 17 июня 1947 г. [8, с. 529]) советскими гражданами стали около 18 тыс. чел., проживавших во Франции. К началу 1950-х гг. репатриация в СССР из Франции завершилась, численность прибывших реэмигрантов составила около 40 тыс. чел. [ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 954. Л. 17].

Подданные бывшей Российской империи проживали и в Китае. После ввода войск Красной Армии в Китай (август 1945 г.) советское правительство в ноябре заявило о предоставлении им советского гражданства. В 1946—1947 гг. прошение подали более 150 тыс. чел. К началу 1947 г. около 18 тыс. чел. приняли советское гражданство, в том числе 8 тыс. чел. пожелали вернуться в СССР. Летом 1947 г. из Китая началась

---

⁵ Согласно данным В.Е. Борчаниновой и Е.Н. Чернолуцкой, численность рабочих и служащих на Дальнем Востоке в 1945 г. составила 685 тыс. чел. (см.: Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР (40—60-е годы). Владивосток, 1991. С. 24.

Фото 7. Переселиться из приемного пункта (вверху) в собственную квартиру (внизу) семья, вернувшаяся в СССР из Франции) удавалось немногим репатриантам

репатриация бывших российских подданных [14, с. 305]. Вернуться в СССР некоторые эмигранты хотели и ранее. Кроме эмоциональных и политических мотивов паспорт гражданина СССР давал им защиту и покровительство от некоторых притязаний японских и китайских властей.

Значительный объем информации о принятии гражданства и возвращении в СССР поступал от сотрудников Советского посольства и консульств. Но часть информации могли предос-

тавлять некоторые эмигрантские общественные организации. Например, в Бюро труда Шанхайской Ассоциации граждан СССР был налажен учет безработных, которых трудоустроивали на Камчатке и Курильских островах для строительства фортификационных сооружений [15, с. 72].

13 августа 1947 г. из г. Шанхая в порт г. Находки прибыла первая группа бывших российских эмигрантов (1151 чел.). Как сообщал в своем отчёте старший группы по репатриации подполковник Некрасов, «первый и второй приход теплохода «Ильич» встречался представителями Госморпароходства, Приморского крайисполкома, местными властями из города

Находка и оркестром моряков Тихоокеанского флота» [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 495. Л. 43]. Кроме представителей властей их встречали работники Министерства цветной металлургии, Министерства строительных предприятий тяжелой индустрии СССР, уполномоченный треста «Уралмедь» [16, с. 72—73].

Первый рейс и сход эмигрантов на советскую землю был заснят журналистами Приморского краевого кинопроката на киноплёнку. Фильм о прибытии бывших эмигрантов демонстрировали на экранах Владивостока. Второй рейс и высадку снимали для кинохроники Москвы. В отчёте говорилось о положительном настрое возвратившихся в СССР: «При входе в порт Находка пароход украшали лозунгами, подготовленными репатриантами, исполнялись гимн СССР, советские песни и марши» [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 495. Л. 43]. Возвращение подданных бывшей Российской империи было обставлено демонстративной праздничностью. Создание фильмов о прибытии из Китая советских граждан являлось пропагандой, направленной в первую очередь на тех, кто еще сомневался, возвращаться ли в СССР.

Прибытие советских граждан из Китая в СССР имело важное значение. В этой акции партийное руководство СССР решало двудединую задачу: во-первых, государство таким образом демонстрировало мировому сообществу социальные и идеологические преимущества социализма, скрывая при этом реалии обустройства реэмигрантов; во-вторых, попутно решалась прагматическая задача — в страну приезжали высококвалифицированные кадры и специалисты. В то же время основную массу репатриантов государство предполагало задействовать в капитальном строительстве, тяжелой и добывающей промышленности, хотя большинство из них имели профессии служащих и работников культуры, многие владели несколькими иностранными языками. В числе тех, кто прибыл в первом и во втором рейсах теплохода «Ильич», было 2067 специалистов, в том числе по автотранспорту — 244 чел., медицинских работников — 148 чел., работников искусства — 298 чел., квалифицированных рабочих — 342 чел., моряков — 42, других

профессий — 553 чел.; 2682 чел. не имели никакой профессии, но это были преимущественно иждивенцы и дети в возрасте до 16 лет. Вместе с ними прибыло два лучших оркестра: оркестр Райского (направлен в Кемеровскую область) и джаз-оркестр О. Лундстрема (в Татарскую АССР) [Там же. Л. 44].

До конца 1947 г., по данным Е.Н. Чернолуцкой, через Приморский край осуществили переезд из Китая в СССР 6050 репатриантов (2929 семей). Из них примерно 62% родились в бывшей Российской империи. Среди вернувшихся в СССР из Шанхая 743 чел. — выходцы из Сибири, 777 чел. — с Дальнего Востока [15, с. 79—80].

После прибытия в порт г. Находки реэмигрантов поездами отправляли к конечному пункту своего маршрута. Согласно перечню рекомендованных для вселения районов было шесть сибирских и уральских областей и две автономные республики. Что касается Дальнего Востока, то Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1938 № 612-132сс

Фото 8. Джаз-оркестр О. Лундстрема.
Источник: ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 36, 61—62

Приморский и Хабаровский края, Камчатская, Нижне-Амурская и Сахалинская области были отнесены к территориям, где установлен режим запретной пограничной зоны. Это означало, что не все желающие могли селиться в этих районах. Например, во Владивостоке, согласно приказу МГБ № 00108 от 14 февраля 1952 г., запрещалось проживать всем репатриантам, включая реэмигрантов, бывших военнопленных, пособников фашистов, в том числе уже отбывшим наказание [ГАРФ. Ф. 9416. Оп. 3. Д. 1440. Л. 95, 122].

Чтобы привлечь репатриантов из числа подданных бывшей Российской империи в трудодефицитные отрасли, правительство приняло ряд постановлений, на основании которых им предоставлялись льготы. Так, трудоустроившимся на предприятия министерств угольной, лесной промышленности и черной металлургии разрешили выделить денежные ссуды на индивидуальное жилищное строительство и первоначальное хозяйственное обустройство [16, с. 80—81]. В сентябре 1947 г. железнодорожным эшелоном отправилась первая группа из 877 чел. в Свердловскую и Молотовскую (Пермскую) области. К концу года наибольшее число репатриантов — 3337 чел. (1642 семьи) расселилось в Свердловской области — в Кемеровскую область получили «назначение» 596 чел. (294 семьи), Молотовскую — 872 чел. (403 семьи), Челябинскую — 402 чел. (200 семей), Чкаловскую (Оренбургскую) — 113 чел. (51 сем.), Тюменскую — 78 чел. (35 семей), в Татарскую АССР — 275 чел. (129 семей), Башкирскую АССР — 236 чел. (105 семей) [15, с. 73].

Переезд репатриантов осуществлялся через порт г. Находки, поэтому часть имущества, ранее принадлежавшая им, была передана Приморскому краю, в том числе несколько зубных и рентгеновских кабинетов, две типографии. Отмечая общее материальное положение прибывших, полковник Некрасов указывал, что они везли с собой «музейные ценности, большое количество велосипедов, мотоциклов, пишущих машинок, пианино и другое имущество», что свидетельствовало об их достатке [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 495. Л. 44].

Близость государственной границы сделали Приморский, Хабаровский края и Амурскую область запретными для размещения подданных бывшей Российской империи. Поэтому для тех, кто прибыл в 1947 г. в СССР через порт г. Находки, Дальний Восток стал транзитной территорией. Но уже в 1950 г. руководство страны изменило отношение к существовавшим запретам на заселение приграничных территорий некоторыми категориями мигрантов. Так, реэмигранты, пожелавшие поселиться рядом с родственниками, получили такую возможность. Правда, эти случаи были единичными. Чаще всего их селили к родственникам, которые предварительно давали на это письменное согласие. Например, в 1950 г. в Амурскую область из Китая прибыла Шелупугина. В отчете указывалось, что она «находится на иждивении брата, материально-экономически обеспечена хорошо», а в хозяйственном устройстве не нуждалась. В Хабаровский край также из Китая прибыли 4 чел. и поселились в ведомственных домах [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 74. Л. 94—97]. К 15 марта 1957 г. в Приморском крае проживало 159 репатриантов (69 семей) из Китая; из них 96 чел. были трудоспособными и 43 детей [ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 305. Л. 20]. В Амурской области на 1 января 1961 г. проживало 29 таких семей [16, с. 124].

В 1957—1958 гг. в консульское управление МИД СССР с ходатайством о въезде в СССР и поселении на постоянное местожительство в Приморском крае обратились 17 чел., в том числе 14 граждан СССР, а также гражданин Польши, подданный бывшей Российской империи, проживавший в США, и гражданин Китая (кореец). Обоснованием для их приезда в Приморский край было проживание близких родственников [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 306. Л. 5, 7, 9, 12, 15, 16, 21, 26].

Все прибывшие в индивидуальном порядке решали вопросы обустройства самостоятельно, не прибегая к помощи государства, хотя такая возможность им предоставлялась постановлениями Верховного Совета СССР № 1919-809 с от 29 августа 1946 г. и 2077-544с от 17 июля 1947 г. и внутренними приказами Главного переселенческого управления. В первой половине 1950-х гг. в Приморье прибыло 69 семей, однако

27 семей в 1956 г. продолжали жить на квартире у родственников. Фактов получения ими ссуды на приобретение или строительство собственного дома нами не обнаружено [Там же. Оп. 33. Д. 305. Л. 20].

Обращает внимание, что все семьи, прибывшие самостоятельно, немногочисленны, в среднем 2—3 чел. Очевидно, что чем больше участников переезда, тем выше семейные расходы. Не каждая семья могла себе позволить приехать из Китая за собственный счет. Но были семьи, которые не прибегали к государственной поддержке, поэтому имели определенную свободу в выборе места жительства и работы. В 1948 г. советские консульства в Китае столкнулись с нежеланием большинства россиян возвращаться в СССР и даже с отказом от советского гражданства. Информация о том, что некоторые репатрианты оказались в лагерях, быстро распространялась и доходила до тех, кто еще остался в Китае [15, с. 76—77].

Одновременно с репатриацией советских граждан из Китая проходила массовая иммиграция русскоговорящего населения, преимущественно из Шанхая в США, Австралию, Канаду. Ее пик пришелся на лето 1949 г., когда накануне занятия Шанхая Народно-освободительной армией страну покинули около 5,5 тыс. чел. Под давлением СССР Китай ввел ограничение на выдачу эмигрантам вида на жительство [14, с. 306]. Изменения в советской репатриационной политике пришлось на середину 1950-х гг., что было вызвано смягчением политического режима в СССР и продиктовано экономическими соображениями. С началом освоения целинных и залежных земель в Казахстане, на Урале и в Сибири особенно остро ощущался дефицит трудовых ресурсов в аграрном секторе. Правительством было озвучено, что целинные земли дают стране рекордный по тем временам урожай. Это вызвало необходимость дополнительного притока рабочей силы.

Напряжённая обстановка и уровень социально-экономического развития в КНР в местах сосредоточения русскоговорящей диаспоры способствовали тому, что в 1954—1955 г. в СССР вернулось еще 114 тыс. чел. Массовый отток граждан

бывшей Российской империи из КНР вызвал протест китайской стороны, которая объявила об ограничении миграции этнических групп казахов и уйгур. В 1956 г. под давлением КНР советская сторона заявила, что массовой репатриации советских граждан в СССР не будет. Однако выезды из Китая продолжались. В 1956—1959 гг. КНР покинули примерно 86 тыс. выходцев из России [14, с. 306].

Репатриантов из Китая размещали во вновь организованных совхозах, которых к весне 1954 г., например в казахской степи, было создано более 100. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 18 апреля 1954 г. выезд из Китая в СССР советских граждан и членов их семей, изъявивших стать «целинниками», осуществлялся по упрощенной схеме — коллективной визе. Им оплачивали суточные из расчета 10 руб. на одного человека во время следования по советской территории. Из Китая поток мигрантов направлялся по железной дороге до ст. Отпор (Забайкальск) Забайкальской железной дороги, репатрианты до места назначения добирались либо железнодорожным транспортом, либо водным путем.

В 1959—1961 гг. по причине массового голода в Китае в советские консульства с просьбой о въезде в СССР обратилось большое число русскоговорящих граждан, что вызвало недовольство правительства КНР. Во избежание ухудшения отношений с Китаем СССР принял решение о завершении репатриации. Это стало началом массового бегства в СССР. Так, из провинции Синьцзянь в июне 1962 г. перешли советско-китайскую границу более 67 тыс. чел., после чего она была закрыта. При этом число нарушителей границы не только не уменьшилось, а, наоборот, в 1963 г. возросло до 100 тыс. чел. [14, с. 305].

В это время ухудшились советско-китайские отношения. А в Советском Союзе стали уделять особое внимание вопросам обустройства граждан, прибывших из КНР. Размер денежного пособия тех, кто согласился работать в сельском хозяйстве, составил в 1955 г. 3000 руб. на главу и по 600 руб. на каждого члена семьи. На строительство индивидуальных домов выдавались ссуды от 10 до 15 тыс. руб. На приобретение коровы можно бы-

ло получить от 2 до 3 тыс. руб. Общий объем финансирования мероприятий, связанных с прибытием советских граждан из Китая, в 1955 г. составил 65 млн руб., из которых 19,5 млн руб. были израсходованы на выдачу пособий и оплату расходов по переезду от границы до мест вселения [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 3с. Л. 1—3]. На этих реэмигрантов распространялись льготы, установленные для сельскохозяйственных переселенцев.

Репатриационные мероприятия Советский Союз проводил во многих странах. В 1946 г. в СССР вернулось 17 145 семей ингерманладцев, в 1946—1958 гг. — более 170 тыс. армян. География прибытия советских граждан в 1945—1950-е гг. была очень обширной: Сирия, Иран, Греция, Югославия и др. В 1963 г. на постоянное местожительство в РСФСР из 35 стран прибыли 704 семьи (1420 чел.) [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 239. Л. 11; 7, с. 374—375]. К началу 1960-х гг. завершились межгосударственные перемещения, которые стали своеобразным итогом окончания политических и социальных катаклизмов в СССР и в мире в первой половине XX в.

Подводя итог, можно отметить, что репатриация как форма миграции способствовала перемещению огромных масс людей из одних государств в другие. Она была добровольной (реэмиграция подданных бывшей Российской империи) и обязательной (репатриация граждан СССР). Основная цель репатриации — восстановление демографического потенциала в СССР. Были выявлены государства, откуда ожидалось прибытие максимального числа репатриантов: в западном направлении — страны Европы, в восточном — Китай. Итогом репатриации стало прибытие 6 млн чел., в том числе репатриантов из Европы (советские граждане, оказавшиеся в 1941—1944 гг. за границей) — 5 млн чел., реэмигрантов из Китая и других стран — 1 млн чел.

Однако для Дальнего Востока репатрианты не стали массовыми мигрантами, выбравшими регион для дальнейшего проживания в СССР, отчасти по причине запрета на вселение в приграничные края и области. Их вклад в хозяйственное освоение региона был незначительным в силу малочисленности, а по времени — непродолжительным.

1.2. Влияние послевоенных факторов на внутренние миграционные процессы в СССР

В довоенный период внутригосударственные миграционные процессы испытывали влияние исторически сложившихся условий, к которым можно отнести цивилизационную особенность роста Российского государства, — движение населения «встречь солнца». В частности, заселение проходило под патронажем государства и непосредственном его участии в обустройстве переселенцев. Советское руководство в решении хозяйственных вопросов обобщило дореволюционный опыт миграционной политики, адаптировав его к довоенным условиям. В миграционные процессы государство вовлекало все слои советского общества, при этом применялись добровольные и принудительные формы миграции.

Великая Отечественная война оказала заметное влияние на все сферы и стороны жизни советского народа. Ее окончание явилось радостным событием, которое давало надежду на улучшение жизни, что проявилось в стремлении людей вернуться в родные места, воссоединиться с родственниками. По мере освобождения западных областей РСФСР, Украины и Белоруссии от фашистских захватчиков в 1944 г. жители этих республик стали самостоятельно покидать места, где проживали в период оккупации, и возвращаться домой. С окончанием войны в Европе на Дальний Восток шёл встречный поток мигрантов, состоявший из демобилизованных воинов Советской Армии. В июне 1945 г. Верховный Совет принял закон о демобилизации воинов старших возрастов, которая завершилась в 1948 г. К мирному труду вернулись примерно 8,5 млн чел. [17, с. 45].

В конце 1945 г. стали возвращаться домой воины-дальневосточники. Так, в начале 1946 г. в Амурскую область (на 15 февраля) вернулось 17 327 чел., в г. Александровск-Сахалинский (на 20 января) — 4786 чел., в г. Комсомольск-на-Амуре — 1665 чел., в Хабаровский край в северные районы — 907 чел.,

в Вяземский район — 814 чел., в Кур-Урмийский район — 173 чел. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 234. Л. 15, 19]. Миграционные перемещения проходили в тяжелых условиях. Послевоенная разруха усугублялась сильнейшей засухой 1946 г. в аграрных районах СССР (Украина, Молдавия, Поволжье, Курская, Воронежская, Тамбовская, Орловская, Ростовская области и Краснодарский край), ставшей причиной голода в стране. В этих условиях трудно приходилось как городскому, так и сельскохозяйственному населению.

В своей докладной записке министр заготовок СССР Б. Двинский писал заместителю председателя Совета Министров СССР А. Микояну: «Хлеба на селе мало, и сельское население набросится — как уже набрасывается — на государственный хлеб» [18, с. 41]. В этих высказываниях управленца высшего звена проявилось отношение советского руководства к крестьянам, которые занимали самое низкое положение в распределительных мероприятиях Советского государства.

Последствия засухи 1946 г. оказали негативное влияние на политику правительства в деревне. Для снижения напряженности правительство пошло на крайние меры: для горожан были сокращены суточные нормы и лимиты продовольствия, а 70% сельского населения было снято со снабжения. Из 27,5 млн чел. сельских жителей, находившихся на гарантированном пайковом снабжении, к октябрю 1946 г. осталось лишь 4 млн чел., при общей численности сельского населения страны 109,7 млн чел. [17, с. 45].

Руководство страны принимало меры помощи районам, пострадавшим от засухи, но они лишь немного сглаживали острую ситуацию, при этом не снижало крестьянские налоги. Например, в 1946 г. среднее хозяйство, имевшее корову и 25 соток посева картофеля, должно было уплатить государству сельхозналог свыше 1,5 тыс. руб. и сдать за бесценок 150—260 л молока. Большую часть продукции с личного подворья они вынуждены были продавать, чтобы уплатить денежный налог, отрывая продукты питания от своих семей. О непосильном для сельского населения налоговом бремени

свидетельствуют цифры: в 1947 г. в стране числилось недоимок за индивидуальными хозяйствами по зерну 7,3 млн пуд., мясу — 124,8 тыс. т, яйцам — 415 млн шт., молоку — 488,7 тыс. т, по мелкому кожсырью — 1,1 млн шт. [18, с. 38]. В 1947 г. была отменена карточная система, что являлось морально-психологической акцией, которая базировались прежде всего на труде крестьян. Однако это не привело к улучшению положения крестьянства.

Нищенское существование аграрного населения вынуждало многих к бегству в города или регионы освоения. Руководство страны и местные руководители выявляли причины недостатка рабочих рук в сельском хозяйстве и старались не допустить сокращения численности крестьянства. Например, в своем письме местный руководитель одной из областей Нечерноземья П. Касаткин писал: «Имеются массовые случаи, когда в хозяйстве остается один престарелый или нетрудоспособный с тем, чтобы сохранить приусадебный участок колхозника, а остальные члены семейства уходят в различные организации» [18 с. 37]. Таким образом, в селах сложилась ситуация несанкционированного оттока населения и трудовых ресурсов из колхозов.

Миграцию населения государство стремилось сделать подконтрольной, так как через нее решались задачи демографического укрепления в определенных регионах. Таковыми являлись области, приобретенные Советским Союзом по результатам окончания Второй мировой войны, где шла замена проживавшего ранее населения на советских граждан. Это Калининградская область на западе и Южный Сахалин и Курилы на востоке.

Вступление советских войск сопровождалось боевыми действиями на этих территориях, что вызывало полную разруху. Для восстановления социально-бытовой инфраструктуры в Калининградской области и на Южном Сахалине правительство выделило значительные средства. Например, в плане развития Сахалинской области на 1946 г. расходы на коммунальное хозяйство, местную пищевую отрасль и промыш-

ленность строительных материалов, а также автомобильный транспорт утверждались в сумме 7900 тыс. руб., в том числе 3600 тыс. руб. для проведения работ по капитальному ремонту, оборудованию жилых домов, гостиниц, школ и коммунальных предприятий [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3636. Л. 1].

Через контролируемую миграцию советское руководство решало другую не менее важную задачу — обеспечивало народное хозяйство трудовыми ресурсами. В них особенно нуждались регионы, разрушенные фашистами: западные области РСФСР, Украина и Белоруссия. Руководство страны, придавая большое значение роли природных ресурсов (лес, рыба, полезные ископаемые) в восстановительном процессе, традиционно обратило внимание на восточные районы РСФСР. В середине 1940-х гг. некоторые управленцы высшего уровня делали попытки обратить внимание политического руководства страны на Дальний Восток. На первой сессии Верховного Совета СССР в 1946 г. при рассмотрении плана на 1946—1950 гг. руководитель Госплана Н.А. Вознесенский говорил: «В районах Дальнего Востока намечается всестороннее развитие народного хозяйства, особенно металлургии, энергетики, топливной промышленности и судостроения, обеспечивается развитие всех видов транспорта, расширяется сельскохозяйственное производство в целях сокращения завоза продовольствия из других регионов» [19, с. 15].

Пятилетним планом на 1946—1950 гг. намечалась широкая программа социально-экономического развития Дальнего Востока, но реально она отражала прежнюю экстенсивную модель хозяйственного освоения. Ставились задачи по развитию в регионе лесной, золотодобывающей, угольной, рыбной промышленности. Подавляющая часть ресурсов страны направлялась на восстановление разрушенного хозяйства центральных областей Советского Союза. Этим объясняется, что до конца 1940-х гг. на Дальнем Востоке ввод новых предприятий был незначительным. Единственная рыбопромышленная отрасль развивалась быстрыми темпами, что обуславливалось, с одной стороны, её значением в формировании государственного

продовольственного фонда, с другой — тем, что рыбоперерабатывающие предприятия были построены в довоенные годы.

В начале 1950-х гг. стали строиться предприятия, способствовавшие обеспечению и поддержанию деятельности ресурсодобывающих отраслей и жизни населения. В Приморье, например, открывались новые предприятия машиностроения и судоремонта, химической, пищевой промышленности [20, с. 25, 26, 31, 84, 172 и др.]; в Комсомольске-на-Амуре вступил в строй завод подъемно-транспортного оборудования (1950 г.), в 1949 г. началось строительство Хабаровского станкостроительного завода [21, с. 50, 57].

Наряду с промышленным развитием пятилетним планом намечалось расширение сельскохозяйственного производства с целью сокращения завоза продовольствия из других районов страны. Но начинать его приходилось с более низкого уровня по сравнению с довоенным. Из-за дефицита рабочих рук и техники к 1946 г. сократились посевные площади на 13,5% (по сравнению с 1940 г.). В совхозах Хабаровского зернотреста сокращение посевов зерновых культур составило 27%, а урожайность снизилась с 11,5 ц с одного га в 1940 г. до 7 ц в 1946 г. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 17. Д. 4. Л. 13—14]. Материальный ущерб в сельском хозяйстве региона составил 181 млрд руб. [22, с. 61]. В те годы началось создание вокруг крупных городов и промышленных центров собственной продовольственной базы, увеличивалось число подсобных хозяйств. По мнению руководства страны, это должно было свести к минимуму, а затем и исключить завоз овощей и мясопродуктов на Дальний Восток. В числе мер, направленных на развитие сельского хозяйства в регионе, было обеспечение отрасли трудовыми ресурсами, особенно квалифицированными кадрами. Вопрос о привлечении кадров в Приморье, Хабаровский край, Амурскую область и на Камчатку оказался в числе приоритетных.

Партийно-государственная стратегия развития народного хозяйства дальневосточного региона состояла в том, чтобы через регулируемую миграцию обеспечить трудовыми ресурсами имеющиеся отрасли. Кроме этой задачи партийное руко-

водство страны решало и другую — проводило демографическое укрепление приграничных территорий, что диктовалось внешнеполитическими обстоятельствами (гражданские войны в Китае и Северной Корее и развернутая США борьба за господство в Юго-Восточной Азии) [23, с. 27].

После непродолжительного перерыва, связанного с Великой Отечественной войной, переселение в регион возобновилось. К этому времени у советского правительства имелся опыт по созданию и реализации миграционной политики, основным звеном которой было переселение. Прежде всего укреплялся механизм управления переселенческим движением (см. Схема 1). В сентябре 1945 г. отдел по хозяйственному

Схема 1

Примечание. Схема составлена на основе источников: Пискунов С.А. Центральные и Дальневосточные переселенческие органы: 1950 — середина 1960-х гг.; ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5675. Л. 18; А-324. Оп. 1. Д. 9. Л. 18—21.

устройству эвакуированного населения при Совнаркоме преобразовался в самостоятельное Переселенческое управление СССР [24, с. 10]. В 1946—1952 гг. сельскохозяйственным переселением занималось Переселенческое управление при Совете Министров СССР [25, с. 144—145]. Ему подчинялись управление по многоземельным районам, управление по переселению на орошаемые земли, управление по переселению в районы нового промышленного и железнодорожного строительства и лесных разработок [26, с. 26]. В 1953 г. уточняется название и меняется его подчиненность: оно становится Главным переселенческим управлением в структуре Министерства сельского хозяйства СССР. Но в декабре 1954 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР «Об упорядочении дела организации сельскохозяйственного и промышленного переселения» Главное переселенческое управление было упразднено. Вместо него создавались переселенческие управления при Советах Министров РСФСР, Украинской, Казахской и Узбекской ССР [24, с. 11].

Особое внимание государства к заселению Сахалинской области обуславливалось некоторыми изменениями в общей системе управления переселениями на эти территории. В 1946—1949 гг. переброской крестьян и орграбочих на Сахалин и Курилы занималось Министерство трудовых резервов. С 1 мая 1950 г. обязанности по проведению организованного набора для Сахалина и Курил было возложено на Главное переселенческое управление [ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 852. Л. 9].

Правительство уделяло внимание укреплению вертикали власти по плановому переселению на местах, пытаясь найти лучший способ процесса регулирования. Так, в Приморском крае с 1938 по май 1953 г. вопросами сельскохозяйственного переселения занимался Переселенческий отдел исполнительного комитета краевого Совета народных депутатов, с мая по декабрь 1953 г. — краевое управление сельского хозяйства и заготовок. Но в итоге пришло к пониманию, что переселенческий отдел — более эффективное управленческое звено, и в 1954 г. вновь был восстановлен Переселенческий отдел

исполкома Приморского края, который как структура просуществовал до июля 1956 г. [ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 29. Л. 1—2].

В вопросах трудового обеспечения Дальнего Востока важное значение имело Министерство трудовых резервов. Силами его аппарата проводился организованный набор рабочих. До 1956 г. оргнабором рабочих на высшем уровне занималось Главное управление организованного набора рабочих, которое входило в Министерство трудовых резервов СССР. На республиканских, краевых и областных уровнях создавались конторы по организованному набору рабочих для угольной, нефтяной, лесной, цементной промышленности, металлургии, строительства, погрузочно-разгрузочных работ на речном и морском транспорте. Центральные органы определяли территории для набора и расселения, социально-профессиональный состав организованных мигрантов, численность штатов региональных управленцев, разрабатывали инструкции и систему льгот, контролировали процесс набора, переселения и обустройства новоселов. Миграционная политика СССР осуществлялась через переселение.

Партийное руководство страны, используя организационные и мобилизационные меры вкупе с субъективными факторами, учитывало существовавшую региональную численность населения в регионах РСФСР. В вопросах формирования политики перераспределения населения внутри страны государство подходило дифференцированно. Поставленные задачи экономического развития и демографического укрепления приграничных территорий Дальнего Востока определили количество и состав мигрантов. Чтобы получить статус переселенца, главным условием являлось наличие в семье не менее двух трудоспособных, о чем регулярно указывалось в приказах Переселенческого управления, изданных в 1946—1950-х гг. Были и другие ограничения: «...в число переселенцев не принимаются лица, недобросовестно работающие в колхозах, а также семьи, ранее уже переселившиеся в другие области СССР, получившие там льготы и пособия и своевольно выбывшие с мест вселения» [Там же. Л. 2].

К переселявшимся на восток предъявлялись особые требования к состоянию здоровья. 6 мая 1949 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР «О мероприятиях на 1949 г. по борьбе с заболеваемостью туберкулезом», а 19 мая Переселенческое управление РСФСР издало приказ «О запрещении отправки на переселение лиц, больных открытыми и активными формами туберкулеза». 21 октября 1950 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР «О неблагоприятном положении с заболеваемостью трахомой». Приказом Переселенческого управления № 64 от 24 октября 1950 г. «О запрете отправки на переселение лиц, больных трахомой», лица, имевшие этот диагноз (I, II, III стадии заболевания), к переселению также не допускались [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 43. Л. 91; Д. 70. Л. 104].

Регулирование как способ управления миграционными процессами осуществлялось на плановой основе, которая возникла в 1920-х гг. и в таком виде продолжала существовать в 1940—1950-х гг. В планах указывалось — сколько семей/человек необходимо набрать в каждой области, районе и т.д., куда и сколько из набранных семей/человек вселить. Руководство страны продолжало развивать преимущественно организованные формы миграции. Выделение денежных средств на сельхозпереселения и оргнаборы являлось одновременно способом привлечения населения в другие районы страны и дополнительной формой контроля над миграциями.

Механизм переселения строился на добровольном желании потенциальных мигрантов стать реальными мигрантами. В исполком одного из дальневосточных краёв и областей приходили письма из исполкомов регионов-доноров, сообщавшие о том, что люди желают переселиться либо в Приморье, Хабаровский край и Амурскую область, либо на Сахалин или Камчатку. Райисполкомы регионов вселения доводили содержание писем до колхозов и назначали сроки проведения в них собраний, где формально колхозники принимали решение о количестве семей, которых может принять хозяйство. Из правления колхоза оно поступало в райисполком, где формировались районные планы приема новоселов. Оттуда их передавали

в край/облисполкомы. Здесь разрабатывались планы приема сельхозпереселенцев в край или область и поступали в Главное переселенческое управление, где готовился проект соответствующего постановления. С момента его опубликования Переселенческое управление «спускало» планы набора переселенцев на управления автономных республик и отделы край/облисполкомов, оттуда — в районы, из района — в колхозы.

Как только информация о планах набора приходила в райисполкомы, к работе приступали «вербовщики». Они рассказывали потенциальным мигрантам прежде всего о льготах, которые им полагались в регионах выхода и вселения: в местах выхода снимали недоимки с переселенческого двора, выдавали единовременные пособия; при переезде государство предоставляло возможность бесплатного или льготного провоза имущества и проезда до места вселения; в дороге организовывали горячее питание. В местах вселения переселенцев обеспечивали жильем с надворными постройками или предоставляли кредиты на строительство жилья (50% погашалось государством), приобретение коровы, овец, свиней, птицы. Все кредиты и денежные ссуды предоставлялись в рассрочку на 3—7 лет, освобождались от налогообложения на 5—10 лет. В результате переселенческих мероприятий, разработанных государством, в 1946—1950 гг. централизованно должны были переселиться на Сахалин 12 375 крестьянских семей⁶ [26, с. 139; 28, с. 7], в Хабаровский край — 9000 семей [ГАХК. Ф.П.-35. Оп. 19. Д. 3. Л. 1], Еврейскую автономную область — 4737 семей [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 44. Л. 6; Д. 29. Л. 2; Д. 43. Л. 8; Д. 69. Л. 1, 3, 63], всего 26 112 семей.

Система управления миграционными процессами разрабатывалась управленцами нескольких уровней. Верхний уровень занимали работники Главного переселенческого управления

---

⁶ Нет единых данных о том, сколько планировалось переселить на Сахалин семей и сколько переселили. О.В. Горбачев приводит цифру 22,5 тыс. семей, В.Е. Борчанинова и Е.Н. Чернолуцкая указывали, что в эти годы реально переселилось 17,5 тыс. семей.

и Главного управления оргнабора рабочих. Они разрабатывали переселенческие мероприятия, готовили проекты постановлений, распоряжений, вводили инструкции и положения, формируя законную базу, направленную на снижение тягот переезда переселенцев и орграбочих и оказание им помощи в обустройстве через систему льгот.

Центральный аппарат Главного переселенческого управления при Совете Министров РСФСР состоял из 11 отделов [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5675. Л. 18]. В дальнейшем некоторые отделы преобразовались: вместо отделов снабжения и эвакуации был создан отдел внутриобластного переселения (1950), вместо отдела отбора и приема переселенцев — отделы северных и восточных районов, центральных районов и Поволжья, переселения в южные районы (1952) [16, с. 120]. В систему переселенческих органов входили 58 областных, краевых отделов и управлений автономных республик, 7 районных отделов, 6 приемно-переселенческих пунктов, 4 строительных контор «Переселенстрой», состоявших из 42 районных стройучастков, 7 подсобных хозрасчетных предприятий и 5 лесозаготовительных участков [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5675. Л. 18].

На вершине структуры переселенческих органов стояли председатели Главного управления по сельхозпереселению и Главного управления организованного набора рабочих. Так, в 1946—1949 гг. Главное управление по переселению Совета Министров РСФСР возглавлял Л. Т. Дмитриев. В конце 1949 г. обязанности председателя исполнял М. П. Шалаев, который в 1950 г. стал действующим руководителем; с 1956 по 1965 г. — М. М. Поляков [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 8. Л. 5]. Каждый из них являлся номенклатурой ЦК, т. е. назначался с учетом мнения Президиума. В подчинении председателя Главного управления сельхозпереселения в 1949 г. находилось 70 чел., работавших в центральном аппарате, и 938 чел., которые трудились в переселенческих отделах и управлениях автономных республик, приемно-переселенческих пунктах, строй- и лесозаготовительных участках, и т. д. Численность работников этой

вертикали была сопоставима с численностью работников некрупных министерств, например здравоохранения.

На следующем уровне располагались работники управлений автономных республик и отделов краев / областей. В регионах-донорах сотрудники второго уровня анализировали возможности выполнения плана набора переселенцев, в большей или меньшей степени оказывали содействие по его выполнению, докладывали в Главное управление, как прошли наборы переселенцев и орграбочих, их отправка к новому месту жительства.

Служащие переселенческих управлений и отделов в регионах вселения вели учет о количестве прибывших и убывших обратно в первые годы вселения, выясняли, сколько семей обеспечено жильем, коровами, получили ли они продовольственную ссуду и в каком объеме, а также товары первой необходимости; в отношении орграбочих — сколько должно было их прибыть по плану, а сколько прибыло реально, из них приступило к работе, общая сумма, связанная с дорожными расходами и выплатами единовременных пособий, обеспеченность жильем (в квадратных метрах), сколько рабочих предыдущих лет прибытия выбыло обратно, в том числе по окончании срока договора или досрочно. Анализ набора и закрепления переселенцев и орграбочих в виде отчетов, докладных записок и предложений начальники местных отделов переселения совместно с управленцами региона, руководителями предприятий и колхозов направляли в Совет Министров, плановые органы, главные управления переселения и оргнабора.

В дальневосточных переселенческих отделах работу возглавляли в Хабаровском крае в 1946—1948 гг. Б. Гребенников, в 1948—1953 гг. — И. Лакнер, с 1953 г. — М. Остафьев; в Приморском крае в 1946—1947 гг. — Т. Пискун, в последующие годы — Д. Новичков и Клименко; в Сахалинской области — Н. Воробьев, в Амурской области — Н. Коробов. Они входили в номенклатуру краёв и областей как типичные руководители того времени. Как правило, их преданность делу партии

и советскому государству была проверена в боях Гражданской или Великой Отечественной войны (например, Д. Новичков). На Дальний Восток они прибыли из центральных областей СССР по направлению партии.

Организация отделов строилась по образцу. Во главе стоял председатель отдела, в своей работе он опирался на районных уполномоченных, а те — на инспекторов. Количество районных уполномоченных устанавливалось Главным переселенческим управлением, а районных инспекторов — Советом министров автономной республики, отделами край/обл/исполкома. Штат сотрудников зависел от объема выполняемой работы. Например, в переселенческом отделе Сахалина численность сотрудников достигала 30 чел. (не включая сотрудников приемных пунктов в городах Корсакове, Невельске и Холмске) [26, с. 26]. В переселенческом отделе Приморского края в 1946 г. вместе с председателем работали всего 4 чел., в 1949 г. — 7 чел. Однако в период массового прибытия плановых переселенцев столь малочисленный штат не обеспечивал нормальной работы по их приёму. В связи с этим руководитель отдела переселения Приморского края Д. Новичков в 1949 г. обратился в Главное управление с просьбой прислать в пос. Рыбак г. Владивостока (ныне пос. Рыбачий) сотрудников переселенческого отдела Сахалинской области и Камчатки, так как «...во время потока переселенцев на Сахалин, Камчатку и Курильские острова 7 человек ни в коей мере не обеспечивают нормальное обслуживание переселенцев... В период отправки переселенцев на Сахалин, Камчатку и Курилы работники переселенческого отдела работали по 2—3 дня круглосуточно» [29].

Основные обязанности инспекторов — учёт семей переселенцев. Особенно трудно им приходилось в период массового прибытия людей (февраль — май), когда создавались авральные ситуации. В это время дефицит кадровых работников ощущался наиболее остро. Об этом регулярно сообщали начальники дальневосточных отделов по переселению в вышестоящие органы. В первые послевоенные годы система информирования о количестве вселяемых семей не была отлажена

[ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 29. Л. 11]. Информация о численности семей переселенцев предоставлялась на основе заявлений, поданных в переселенческие отделы регионов-доноров. Были случаи, когда потенциальные мигранты так и не становились реальными. О сложившейся ситуации знали в Главном управлении переселения из докладных записок начальников переселенческих отделов краёв и областей.

Из-за неполной информации о количестве прибывших выделение финансовых средств не соответствовало постатейным расходам. Финансирование, связанное с переездом и выплатой единовременных пособий, превышало фактическую численность переселенцев, а объем кредитования, связанный с хозяйственным и бытовым обустройством, не обеспечивал новоселов в соответствии с тем, что было оговорено в документах. Так, в первой половине 1950-х гг. в Приморский край ежегодно прибывало 2400 семей [29, с. 89], при этом выделенные средства на строительство жилья, например для переселенцев 1951 г. вселения, могли удовлетворить нужды только 460 семей [31]. Кредитами, выделяемыми в 1950 г. на покупку коровы, во всех краях и областях могли воспользоваться не более 3 тыс. семей, прибывших только в Приморье и частично в Хабаровский край [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 35. Л. 44].

Отсутствие достоверной информации рождало финансовые злоупотребления чиновников. Например, в Приморье в 1948 г. над сотрудниками переселенческого отдела состоялся суд, решением которого они были признаны «растратчиками государственных средств», предназначенных для реализации переселенческих мероприятий. Общая сумма похищенных и растраченных средств составила 12 150 руб., в том числе В.В. Нефедова растратила 890 руб., А.И. Кайсель — 1848 руб., Э.И. Фабиан — 2266 руб., Т.М. Пискун (руководитель отдела) — 7147 руб. Решением суда Т.М. Пискуна лишили свободы сроком на 15 лет, остальных сотрудников — от 7 до 10 лет. Растраченные средства виновные не вернули, как указано в документах, «в виду несостоятельности ответчиков» [Там же. Л. 70]. В среднем размер их заработной платы варьировался от 600 до 800 руб.

Злоупотребления работников переселенческих структур были и в областях выхода. Например, в 1948 г. районные уполномоченные из Ростовской, Костромской, Полтавской областей и Татарской АССР занимались приписками. В акте указано, что предприятиям передали рабочих больше, чем это было в действительности. В Ульяновской конторе бывший инспектор Мурашов совместно с работниками отделов кадров предприятий, куда передавались рабочие оргнабора, составил фиктивные ведомости на 321 рабочего, присвоив 134 тыс. руб. (примерно столько же он получил бы суммарно, проработав в течение 20 лет). В Татарской республиканской конторе уполномоченные составили фиктивные акты на 242 рабочих. Размер похищенных средств превысил 100 тыс. руб. Их также привлекли к уголовной ответственности [ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 852. Л. 2]. Чтобы предотвратить растраты и хищения, правительство проводило своеобразную «реформу»: с 1949 г. ввело новый порядок приобретения железнодорожных билетов — только по безналичному расчету. В ходе этих акций сократилось количество лиц, занимавшихся выплатой единовременных пособий и суточных рабочим. Изменилась система финансирования расходов контор, связанных с организацией проведения набора и отправки рабочих. Деньги на вышеуказанные мероприятия должны были поступать в конторы только после того, как рабочие были «переданы» предприятиям. Инструкциями запрещалось выплачивать орграбочим единовременные пособия из кассы контор или через доверенных лиц на сборных пунктах. Но это не ликвидировало нарушений. В архивных документах встречаются жалобы переселенцев, в которых говорится, что им недоплатили единовременные пособия на членов семей.

В некоторых случаях начальникам переселенческих отделов за содеянное выносили выговоры с формулировкой за «систематическое» и «злостное неисполнение своих обязанностей». В документах за ними закреплялась персональная ответственность за использование денежных средств. Однако весь социально-экономический порядок толкал управлен-

цев на преступления. Например, руководители отделов через приписки и недовыплаты пытались ликвидировать задолженности, которые образовались вследствие самовольных выездов переселенцев.

В 1950 г. в Главном управлении оргнабора был создан контрольно-ревизионный отдел из 20 чел. В штаты республиканских, краевых и областных контор по оргнабору ввели 7 старших ревизоров, 28 ревизоров, 4 бухгалтера и 40 экономистов-финансистов. Кроме того, в штатах контор устанавливалась должность сопровождающего из расчета один на 50 рабочих [Там же. Л. 7, 9].

В системе механизма реализации миграционной политики особое место занимали «вербовщики». Они не входили в штат переселенческих отделов, однако проводили значительную часть работы — агитировали население на переезд в дальневосточный регион. В своей работе «вербовщики» опирались на агитматериалы. По распоряжению Переселенческого управления в регионах набора издавался специальный выпуск газеты и другая агитационная литература, информирующая о регионах, куда шло организованное переселение. В местах вселения также выходили специальные тиражи газет, посвященные новосёлам.

Правительство, регулируя миграционные потоки на Дальний Восток, издавало очередные постановления, в которых уточнялись численность и регионы набора. С этой целью в 1954 г. была образована единая управленческая структура, куда вошли управления РСФСР, Украинской, Казахской и Узбекской республик, которые отдельными постановлениями были определены как основные республики, участвующие в миграционном обмене с Дальним Востоком. В частности, на основе Распоряжения Совета Министров РСФСР № 1831-р от 28 августа 1948 г. из Узбекской ССР планировалось переселить 200 семей в Еврейскую автономную область [ГАРФ. Ф. А-250. Оп. 6. Д. 5054. Л. 4]. В январе 1949 г. вышли постановление Совета Министров СССР № 93 и распоряжение Совета Министров РСФСР № 68-р

«О переселении из Украинской ССР в колхозы ЕАО в 1949 г. 600 семей и в 1950 г. — 1000 семей» [ГАРФ. А-327. Оп. 1. Д. 43. Л. 8; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 3. Л. 1].

В 1952 г. был утвержден план вселения из УССР в Приморский край, на Сахалин и Камчатку. Как мы предполагаем, отсутствие в течение 5—6 лет в планах набора переселенцев с Украины было вызвано тем, что в период войны и голода население этой советской республики пострадало максимально. В 1952—1954 гг. план принятия переселенцев в Приморье составил 5993 украинских семей, на Сахалине и Камчатке — 1850 семей в 1952 г. и 1800 семей в 1954 г.

Управление миграционными процессами опиралось на систему различных выплат и льгот как на стимулирующие меры. Дальний Восток относился к региону активного хозяйственного освоения. Это означало, что для работавших в Приморье, Хабаровском крае, Амурской области и на Камчатке государство установило более высокие заработные платы, о чем гласил Указ о льготах для всех работающих в районах, приравненных к Крайнему Северу от 1 августа 1945 г. В нем говорилось, что месячные оклады увеличивались на 50%. Многочисленные инструкции изменяли этот указ, однако из Дополнения вытекало, что не все дальневосточники могут претендовать на получение более высоких доходов. На сельхозмигрантов дополнительно распространялась льгота в виде освобождения от всех видов налогов сроком на 10 лет (в остальных краях и областях Дальнего Востока — на 5 лет). Для орграбочих и сельхозпереселенцев, прибывавших в эти районы, единовременные выплаты были выше, чем для тех, кто переселялся на Урал, в Поволжье, Крым и на Северный Кавказ. Остающимся в регионе демобилизованным воинам выплачивались пособия от 3 до 5 тыс. руб. [27, с. 24—25].

Послевоенная система ценностей определяла выбор этих льгот. При вселении в колхозы Дальнего Востока семьям переселенцев и сельхозспециалистов через предприятия Министерства торговли СССР продавали по госценам: одно пальто, 30 м хлопчатобумажной ткани, 10 л керосина, 10 кг соли,

40 коробок спичек, на каждого члена семьи — один головной убор (платок или шапка), 2 пары носков или чулок, 2 катушки ниток и 2 кг мыла [30, с. 133]. Эти промышленные товары во второй половине 1940-х гг. были дефицитными. Возможность приобрести эти товары формировала у потенциальных переселенцев мотивацию к переселению в отдаленные районы страны. Составляющим элементом государственного управления являлся контроль, который осуществлялся через оплату проезда организованных мигрантов к месту их вселения. Для тех, кто переселялся группами, государство предоставляло бесплатный проезд, провоз скота и имущества (до двух тонн на каждую семью), для мигрантов-одиночек проезд и провоз имущества весом до одной тонны составлял 50% [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 43. Л. 14].

Советское руководство в эти годы продолжило начатую в 30-е гг. политику по увеличению численности населения в Еврейской автономной области, куда через сельхозпереселение направлялись семьи, в составе которых был хотя бы один еврей. В 1947—1950 гг. население Дальнего Востока пополнилось еврейскими семьями (3570), прибывшими из Украины [31, с. 150]. В 1949 г. из Самаркандской области в ЕАО переселилось 200 еврейских семей [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5054. Л. 6].

Механизм переселения, приспособленный к распределительной системе, был затратным. Он оплачивался всем обществом через низкие заработки, принудительный труд и др. Анализ государственных затрат на переселение свидетельствует о значительных по объему вложенных средствах. В 1946 г. расходы для сельхозпереселенцев, прибывших в Приморье, составили 2824,5 тыс. руб., в том числе единовременные пособия — 502,5 тыс. руб. (17,8%), организационные расходы — 202 тыс. руб. (7,1%), оплата провоза железнодорожным транспортом — 2120 тыс. руб. (75,1%). В отчёте об исполнении сметы о расходах Госбанка по приему 2 тыс. семей переселенцев, прибывших в Приморский край в 1949 г., фактически использованная сумма составила 295 368 руб. (в среднем на

одну семью около 150 руб.), в том числе почтовые, телеграфные и типографско-издательские расходы — 11 910 руб. (4%), медико-санитарное обслуживание — 7146 руб. (2,4%), культобслуживание — 5955 руб. (2%), командировки — 55 977 руб. (19%), расходы по доставке переселенцев — 190 560 руб. (64,5%), содержание на станциях выгрузки — 238 203 руб. (8,1%) [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 35. Л. 4]. Таким образом, советское руководство в будущее Дальнего Востока вкладывало значительные средства.

В послевоенный период для обеспечения промышленности трудodeфицитных регионов и отраслей государство вернулось к практике организованных наборов рабочих, которые как и переселение в колхозы, проводились по утвержденным планам, формировавшимся на основе заявок руководителей предприятий и организаций союзного и республиканского значения. Потребности предприятий в рабочих оргнабора исчислялись, исходя из поставленных планов добычи и выпуска продукции. Опираясь на данные о наличии трудовых ресурсов, директора заводов, трестов подавали в министерства и ведомства заявки, где указывалась необходимая численность трудовых ресурсов. В министерствах и ведомствах плановые потребности в рабочей силе сводили воедино, затем передавали их в Совет Министров РСФСР и союзные министерства, оттуда — в Совет Министров СССР. Наряду с «вертикальной» передачей данных о потребностях в кадрах информацию предоставляли в плановые органы района, города, края/области, республики, Госплан СССР. При составлении планов на всех уровнях учитывалось значение отрасли и предприятия в народном хозяйстве страны, республики, региона, наличие сезонных и постоянных трудовых ресурсов на предприятиях, средняя их текучесть, в том числе по окончании сроков договоров, возможность принять на работу из местного населения. Недостающую плановую численность рабочих покрывали за счет оргнабора в регионах-донорах.

Совет Министров СССР и Госплан СССР утверждали планы набора рабочих и передавали их в союзные министерства, после чего выходило постановление, где оговаривались сроки

проведения оргнабора, для каких союзных министерств, в каком количестве и в каких республиках будут набирать рабочих, и льготы для них.

На основе постановления Совета Министров СССР готовилось постановление республиканского значения, в котором повторялось все то, что относилось к данной республике. Республиканские министерства и ведомства с Главным управлением и Главным по оргнабору выпускали совместное распоряжение о начале проведения кампании по набору рабочих. В Главном управлении издавали приказы о направлении в регионы-доноры сотрудников региональных контор, для которых шел набор рабочих, куда крупные предприятия также могли направлять своих представителей. В некоторых случаях предприятия, стройки и транспортные организации набор рабочих проводили самостоятельно.

Как и в случае с плановыми переселенцами, «вербовщики» разъясняли и агитировали потенциальных рабочих, рассказывая, в какие регионы, на какие предприятия и сроки их набирали. «Вербовщики» акцентировали внимание на том, что зарплата орграбочим начисляется с того момента, когда подписан договор, а также на льготном проезде и провозе имущества, возможности возвращения обратно за счет предприятий, где они будут трудиться, получении более высокой заработной платы, а также возможность остаться работать на постоянной основе с получением жилья. Оргнабор представлял собой систему соответствующих структур с мощным финансированием и организационными акциями, которые включали идеологический контроль и целый набор форм по обслуживанию направляемых на работу людей.

Политическое руководство делало акцент на молодежь. В молодых рабочих кадрах нуждались прежде всего отрасли, где доминировал физический труд (горнодобывающая, лесозаготовки, рыбная и др.). Как правило, такие предприятия располагались в районах с тяжелыми климатическими условиями. Молодые рабочие быстрее привыкали к нелегкому климату Дальнего Востока, менее требовательны в вопросах

социально-бытового обустройства, так как многие из них не были обременены семьями.

Набор рабочих проходил с учётом региональной специализации предприятий приоритетных министерств Дальнего Востока. Согласно плановой системе предприятия, которым требовались рабочие, делали заявки непосредственно в Главное управление оргнабора Министерства трудовых резервов СССР. Исключение составляли наборы в рыбную промышленность Дальнего Востока, которые осуществлялись автономно. Реализацией этой части миграционной политики занимался в 1946—1948 гг. Дальневосточный трест по организованному набору, вывозу и переселению кадров рыбной промышленности Дальнего Востока (Востокрыбпромкадры) Наркомрыбпрома СССР. Он располагался в пос. Екатериновке (Находкинский район Приморского края). В 1952 г. трест Востокрыбпромкадры был переименован в Дальрыбпромкадры и подчинялся Союзу рыбпромкадров. В 1948—1952 гг. наборами занималась Владивостокская контора по укомплектованию кадров рыбной промышленности Дальнего Востока (Дальрыбпромкадры) Всесоюзной конторы по вербовке и набору рабочей силы (Союзрыбпромкадры), в 1953—1956 гг. Дальневосточная контора по вербовке рабочей силы (Дальрыбпромкадры) Всесоюзной конторы по вербовке и набору рабочей силы (Союзрыбпромкадры) Министерства рыбной промышленности СССР.

Трест «Востокрыбпромкадры» осуществлял финансово-оперативное управление по вербовке кадров, отвечал за выполнение планов набора и прием рабочих, прибывавших из центральных и западных районов, о чем докладывалось каждые пять дней министру рыбной промышленности восточных районов А. Захарову. Работники этого треста также проводили оргнабор в пределах Приморского и Хабаровского краёв [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 34. Л. 7]. Это была мощная контора, имевшая свои штаты, подсобные помещения, общежития (бараки) для размещения рабочих. Существовала целая сеть уполномоченных для проведения оргнабора в Ленингра-

де, Астрахани, Баку, Одессе, Краснодаре, Ростове-на-Дону, но все они подчинялись Московскому отделению [13, с. 104].

В структуру треста входили два приемно-переселенческих пункта: в пос. Рыбак (г. Владивосток) и в г. Николаевске-на-Амуре Хабаровского края. Прибывавшие рабочие проходили медицинский осмотр, где им выдавались документы о допуске к работе в пищевой промышленности. Трест выполнял и ряд других функций, связанных с обслуживанием транзитных орграбочих, ехавших в отпуск или к месту работы. Штат пункта пос. Рыбак в 1947 г. состоял из 9 чел., но в 1949 г. был сокращён до 7 чел. Объём работы в приёмно-переселенческих пунктах в период отправки переселенцев и сезонных рабочих на Сахалин, Камчатку и Курилы был колоссальным. Активное участие принимали и сотрудники переселенческого отдела [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 35. Л. 15].

Государство регулировало отношения с рабочими оргнабора путем заключения договоров (соглашений). Во второй половине 1940-х гг. доминировали краткосрочные (сезонные) соглашения, в 1950-х гг. правительство широко внедряло годовые, двух- и трехлетние договоры [32, с. 51]. Инструкции по проведению оргнабора позволяли рабочим заключать договоры сроком либо на три года, либо на шесть месяцев. В рабочих-«трехгодичниках» больше нуждались предприятия и стройки, в сезонниках — добывающая и обрабатывающая отрасли (например лесодобыча, рыбообработка).

С 1951 г. Министерство трудовых резервов СССР стремилось производить оргнабор из числа тех, кто не состоял в колхозах. Введение такого негласного правила было вызвано массовым бегством колхозников в города, что в итоге привело к значительному снижению численности работающих в колхозах регионов-доноров и сокращению их количества. Например, в 1949 г. из сел аграрных районов РСФСР выбыло в Костромской области 5,9 тыс. чел., Орловской — 13,6 тыс. чел. В 1951—1957 гг. из сельских местностей Нечерноземной полосы РСФСР выбыло 739 тыс. чел. [33, с. 65]. На Дальнем Востоке, несмотря на механический прирост сельских жителей,

их численность с 1939 по 1955 г. увеличилась только на 10% [27, с. 16], преимущественно по причине оттока сельчан в города и более крупные населенные пункты. Например, на Сахалине «вчерашние» переселенцы в массовом порядке из колхозов переходили на работу в другие организации [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 44. Л. 7].

Плановые задания по численности рабочих оргнабора толкали «вербовщиков» и органы власти на выполнение плана любой ценой. Через систему организованных миграций на Дальний Восток попадали «случайные» люди, которые в силу некоторых условий не имели обоснований использовать эту форму переселения. Многие из них, получив единовременные выплаты, до места работы не доезжали. Совет Министров СССР попытался изменить ситуацию новым постановлением от 28 ноября 1951 г. (№ 4881) «Об упорядочении проведения организованного набора рабочих». Разрешалось при заключении типового договора организации (предприятия, стройки) с колхозником вносить некоторые изменения. Например, детализировались обязанности рабочего оргнабора в случае его самовольного ухода с работы до окончания срока действия договора (см. «Изменения, вносимые в Типовой трудовой договор»). Под «самовольный уход» попадали увольнения по собственному желанию (кроме случаев по уважительным причинам — болезнь, учеба и т.д.), за нарушение трудовой дисциплины или за совершение преступления до окончания трудового договора. В таких случаях рабочий обязан был вернуть предприятию (строительству) полностью сумму, выплаченную ему в связи с переездом. Если рабочий не являлся к месту назначения или отказывался приступить к работе без уважительной причины, отделы (управления) переселения и оргнабора взыскивали с него «в порядке исполнительной надписи нотариальных органов» выданное ему единовременное денежное пособие, расходы на проезд и суточные [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 36. Л. 61—62].

Таким образом, правительство проводило реорганизацию органов управления, параллельно пыталось совершенствовать

мобилизационно-побудительное советское законодательство. Советское государство в миграционной политике тех лет стремилось развивать и другую форму управления — директивно-распределительную, вмешиваясь в распределение кадров и специалистов. В послевоенные годы в народном хозяйстве не хватало дипломированных специалистов в промышленности, строительстве и других отраслях производственной сферы. Имевшиеся в регионе вузы и техникумы не могли обеспечить их подготовку в необходимом количестве. Этот недостаток в значительной степени возмещали практики.

Из специалистов и руководящих работников промышленности Дальнего Востока в 1947 г. высшее образование имели 8,6%, среднее специальное — 19,0%, доля практиков достигала 72,3% [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 36. Л. 61—62]. В рыбной промышленности Амурского бассейна из 70 директоров 59 чел. были практиками, среди ИТР — каждый второй [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 267. Л. 133]. Из 2950 инженеров, работавших в Приморском крае, только 897 чел. (30,4%) имели высшее образование, свыше 4900 ИТР (63,3%) являлись практиками [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 216. Л. 112].

На местах советские органы стремились заменить практиков на специалистов, имевших среднее специальное или высшее образование и соответствующую специальность. В сентябре 1949 г. Нижне-Амурский обком партии обратился в Министерство рыбной промышленности с просьбой прислать на предприятия Охотского и Нижне-Амурского трестов «...хотя бы 14 опытных директоров рыбозаводов и 16 главных инженеров и инженеров по добыче рыбы, технологов и механиков — 46 чел.» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 267. Л. 133]. Однако эта просьба осталась безответной. Парадокс состоял в том, что отсутствовал координирующий орган⁷, который занимался бы распределением дипломированных специалистов. Это негативно влияло на пополнение Дальнего Востока квалифицированными кадрами. Традиционным способом решения данной проблемы было направление из центральных регионов

---

⁷ Министерство высшего образования появилось только в 1954 г.

ИЗМЕНЕНИЯ

вносимые в Типовой трудовой договор о работе
на предприятии /строительстве/, утвержденный
Постановлением Совета Министров СССР от 28
ноября 1951 года № 4881.

Предлагаемая редакция

Проработать _____
/указать наименова-
ние предприятия или
_____ министерства
стройки/
/наименование министерства/
не менее _____
/указать срок работы
_____ с момента прибытия
прописку/ на предприятие /стройку/ в
качестве _____
/указать специальность/

17. В случае увольнения по об-
стоятельствам или увольнения
за нарушение трудовой дисциплины
либо за совершение преступления
до окончания срока, обусловлен-
ного настоящим договором, рабочий
обязан вернуть предприятию /стро-
ительству/ полностью суммы, выпла-
ченные ему в связи с переездом
/кроме увольнения по уважитель-
ным причинам - болезни, ухода на
учебу и др./.

18. В случае неприбытия рабочего
к месту работы или отказа прису-
дить к работе без уважительной
причины отдел/управление/ пере-
селения и организованного набора
рабочих взыскивает с него в по-
рядке исполнительской надписи ко-

Действующая редакция

1. Проработать _____
/указать наименова-
ние предприятия или
_____ министерства
стройки/
/наименование министерства/
не менее _____
/указать срок работы
_____ с момента прибытия
прописку/ на предприятие /стройку/.

17. В случае самовольного ухода
с работы до окончания срока,
обусловленного настоящим догово-
ром, рабочий подлежит ответ-
ственности в соответствии с
действующим законодательством.

18. В случае неприбытия рабочего
к месту работы отдел переселения
и организованного набора взыска-
ивает с него в порядке исполни-
тельной надписи нотариальных ор-
ганов выданное ему одновремен-
ное пособие, расходы на проезд
и оуточные.

- 2 -

тарифных органов выданное ему единовременное пособие, расходы на проезд и суточные, а в случае неприбытия к месту работы или отказа приступить к работе по уважительной причине отдел /управление/ взыскивает с рабочего выплаченные ему суммы за вычетом понесенных уже путевых расходов.

Настоящий трудовой договор составлен в двух экземплярах, из которых один выдается на руки рабочему, второй направляется предприятию /строительству/.

Настоящий договор зарегистрирован в правлении колхоза

_____ района
_____ области

" " _____ 195__ года

№ ____./При заключении трудового договора с членом колхоза/

Подпись _____

Настоящий трудовой договор составлен в четырех экземплярах, из которых один выдается на руки рабочему, второй направляется предприятию /строительству/, третий остается у уполномоченного отдела организованного набора рабочих, направившего рабочего, и четвертый экземпляр остается в правлении колхоза.

Настоящий договор зарегистрирован в правлении колхоза _____ района
_____ области

" " _____ 195__ года

№ ____.

Председатель колхоза

страны молодых специалистов, окончивших вузы и техникумы. Этот вид перераспределения трудовых ресурсов внутри страны представлял собой особую форму миграции, но в структуре общих миграций его доля была несущественной. Молодые специалисты в первоочередном порядке направлялись в регионы или отрасли, которые, с точки зрения государства, в них нуждались. При распределении выпускников вузов и техникумов отчасти их желание учитывалось. Однако трудоустройство происходило преимущественно на основе указаний «комиссии по распределению специалистов». Получив после окончания вузов и техникумов «направление», молодой специалист должен был отработать на предприятии или в организации не менее трех лет. В свою очередь предприятие, на которое он прибывал, должно было в течение этого срока с целью его закрепления предоставить ему отдельное благоустроенное жилье. Государством оплачивался проезд выпускников до места назначения, а предприятие выплачивало так называемые подъемные — две среднемесячные заработные платы.

До образования Министерства высшего образования в 1954 г. перераспределение молодых специалистов осуществлялось неравномерно, многие министерства и ведомства руководствовались заявками, которые приходили от подведомственных организаций. Дальний Восток, хотя и делал такие заявки, однако количество прибывших квалифицированных специалистов не покрывало потребностей региона в них. Так, в 1949 г. Министерство коммунального хозяйства РСФСР направило в Хабаровский край и Амурскую область по два специалиста, а в Горьковскую область — 52 [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 7320. Л. 34].

Решить вопрос дефицита кадров высшей квалификации предпринимали руководители предприятий — присылали «вызовы» специалистам. В эти годы доля специалистов, прибывших на Дальний Восток по переводу, направлению и приглашению предприятий, выросла: если в 1940-х гг. она составила 16%, то в 1950-х гг. — 24,2% [27, с. 23]. Однако в общей массе организованных миграций на Дальний Восток такие формы прибытия специалистов использовались незначительно.

В государственной политике по обеспечению Дальнего Востока трудовыми ресурсами государство использовало и принудительные формы. Естественным компонентом народного хозяйства страны воспринимались заключённые ещё в довоенный период. Возникнув как инструмент изоляции мнимых и действительно социально опасных элементов, система исправительно-трудовых лагерей и колоний превратилась в самостоятельную отрасль, обеспечивавшую освоение в самые короткие сроки необжитых районов страны [36, с. 39]. Реализация этой части политики возлагалась на систему МВД. В ее структуру входили управления, напоминавшие министерства. В Государственном архиве Российской Федерации содержатся фонды (Р-8360, Р-8466, Р-8541 и др.), дела которых (к сожалению, засекречены) отражают направления трудовой и хозяйственной деятельности заключенных. В структуру МВД входили Главное управление лагерей лесной промышленности, Управление строительства 500, Управление строительства 505, Главное управление лагерей промышленного строительства и др.

При разработке принудительной формы миграции советское руководство исходило из того, что в государстве были антиобщественные, антисоветские и контрреволюционные элементы. Так, доказывая Сталину необходимость принять указ, направленный против тех, кто не хотел стать членом колхоза, Н. С. Хрущёв писал: «...в украинской деревне... в 1946 г. почти 87 тыс. колхозников не выработало ни одного трудодня... Те, кто не состоял в колхозах, нередко нигде не работали, занимались спекуляцией и воровством». Н. С. Хрущёв считал необходимым принять указ Президиума Верховного Совета «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни». Такой указ появился в Украине 21 февраля 1948 г. [17, с. 34—35], а со 2 июня 1948 г. эта акция распространилась на всю страну.

Несмотря на свою изоляцию (полную или частичную), они являлись прежде всего трудовыми ресурсами государства.

Например, численность рабочей силы, занятой в Дальстрое на золотодобыче, составляла 117 359 чел., удельный вес 73,3%. На Сахалине в 1952 г. заключенные, принимавшие участие в строительстве узкоколейки Оха — Катанга и тоннельного перехода под проливом, составляли ориентировочно около 10% всего населения области [11, с. 17].

С 1946 г. статус спецпоселенца распространялся на «власовцев». В эту категорию принудительных мигрантов помимо собственно «власовцев» вошли лица, служившие в немецкой армии и строевых немецких формированиях, легионеры, полицейские и т.п. Сюда же попала часть из тех советских офицеров, кто побывал в фашистском плену, при этом никакого отношения ни к генералу А.А. Власову, ни к ему подобным отношения не имели. Всего в 1946—1947 гг. на спецпоселение поступило 148 079 «власовцев» сроком на 6 лет. Другую группу представляли «националисты». В течение 1944—1952 гг. происходило выселение из Западной Украины «оуновцев», в 1945—1949 гг. — из Прибалтики, в 1949 г. — из Молдавской, Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР, Краснодарского края и с Черноморского побережья. Согласно данным В.Н. Земскова общая численность этой категории мигрантов составила 236 019 чел. [36, с. 161—162].

Дальнейшая коллективизация сельского хозяйства стала причиной появления в конце 1940-х гг. «указников», т.е. крестьян, которые не выработали обязательную норму трудодней. В 1948—1952 гг. на спецпоселение поступило 33 266 чел., срок высылки — 8 лет [36, с. 163]. В 1951 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР (от 23 июля) об ответственности за уклонение от общественно полезного труда и ведение антиобщественного паразитического образа жизни; выселялись, как правило, за бродяжничество и попрошайничество. В общей сложности принудительные миграции коснулись (по состоянию на 1 января 1953 г.) 2 753 356 спецпоселенцев [36, с. 165].

На Дальнем Востоке численность принудительных мигрантов росла очень быстро: в 1952 г. их было в 4,9 раза боль-

ше, чем в 1945 г. В регионе предприятия ГУЛАГа испытывали большие потребности в рабочей силе [12, с. 129], что стало причиной их количественного увеличения. После смерти И.В. Сталина практика принудительного вселения на Дальний Восток прекратилась. В структуре советского общества к концу 1950-х гг. спецпоселенцев уже не было.

Таким образом, послевоенные факторы оказали заметное влияние на внутренние миграционные процессы в СССР. Из них можно выделить две группы. В первую вошли факторы, связанные с окончанием Великой Отечественной войны и Второй мировой войны (восстановление разрушенного войной народного хозяйства, демобилизация воинов и присоединение Калининградской и Сахалинской областей к территории СССР). Вторая группа — это социально-экономическая политика советского государства по отношению к крестьянству, доминирующему по численности классу, засуха 1946 г. и её последствия. Совокупность факторов второй группы стала причиной массового выбытия из сел трудовых ресурсов. Руководство страны пыталось совместить задачи социально-экономического развития СССР и стремление людей к перемене места жительства. Высокие потребности демографического укрепления и обеспечения отраслей хозяйства в Калининградской и Сахалинской областях и в целом на Дальнем Востоке заставили советское государство обратиться к довоенной практике перераспределения населения через добровольные и принудительные миграции. Для добровольных мигрантов (сельхоз-, промышленных переселенцев и орграбочих) были разработаны льготы, которые явились побудительно-мобилизационным фактором их переезда в другие регионы страны. Мероприятия по переселению (объем льгот, размер пособий, организация процесса переселения и др.) разрабатывали и осуществляли управленцы соответствующих структур и уровней. Территориальные перемещения в те годы касались и принудительных мигрантов. В отношении них политика правительства также базировалась на достижениях довоенного периода.

1.3. Реализация миграционной политики на Дальнем Востоке СССР

Успех реализации миграционной политики зависит от двух факторов: является тот или иной регион привлекательным с точки зрения потенциальных мигрантов и каким образом проводится комплекс переселенческих мероприятий.

Привлекательность Дальнего Востока была обусловлена более высокой, чем в регионах набора мигрантов, заработной платой, в которой значительную долю составляли районные коэффициенты, в том числе «северные». Отмененные в 1942 г. дальневосточные надбавки частично были восстановлены Указом от 1 августа 1945 г., в частности увеличены месячные оклады на 50%. Однако действие Указа распространялось только на тех, кто работал на Камчатке и Сахалине, а также на территории Приморья, Хабаровского края, Амурской области — в районах, приравненных к Крайнему Северу [27, с. 24–25]. Спустя год (25 августа 1946 г.) вышло Постановление Совета Министров СССР «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий истроек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» [37, с. 332], в котором указывалось, что с 1 сентября 1946 г. в названных регионах повышают заработную плату на 20% рабочим и ИТР, занятым в угольной, нефтяной, химической промышленности, черной и цветной металлургии, добыче торфа, графита, слюды, асбеста, соли, производстве цемента, на стройках предприятий тяжелой индустрии, черной и цветной металлургии, топливных, военных и военно-морских предприятиях, нефтяной и химической промышленности восточных районов СССР.

Собственно переселенческие мероприятия условно состояли из двух этапов: набор мигрантов в регионах-донорах и их обустройство в местах вселения. Проведением переселения в зависимости от статуса мигранта (сельхозпереселенец или орграбочий) занимались управленцы Главного пересе-

ленческого управления либо Министерства трудовых резервов. Исключением в 1950 г., как говорилось ранее, стали рабочие, переселявшиеся на Сахалин и Курилы.

Реализация политики по переселению на восток началась с того, что в первый послевоенный год (1946) Главное переселенческое управление «в целях улучшения руководства... и установления четкого контроля» издало приказ о разделении РСФСР на территории, принимающих и отдающих мигрантов. За отделом отбора и отправки переселенцев закреплялись 28 областей из Центральных районов РСФСР, Нечерноземья и Поволжья [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 9. Л. 4]. Бытовавшее еще в довоенное время мнение, что в аграрных районах существует переизбыток населения, после окончания войны было закреплено документально, хотя в ряде областей, например в Смоленской, перенаселения не было уже в середине 1930-х гг. [25, с. 139]. За отделом хозяйственного устройства закреплялись 28 краёв и областей: Дальний Восток, Сибирь, Европейский Север и Среднее Поволжье, Крым и Северный Кавказ [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 9. Л. 4].

В послевоенный период советское государство достаточно активно использовало желание людей улучшить свое материальное положение с помощью миграции: стремилось привлечь население в Калининградскую и Сахалинскую области, а также в районы Сибири и Дальнего Востока. В общей численности сельхозмигрантов каждый второй переселялся в Калининградскую область или на Дальний Восток. Например, в марте 1949 г. на Дальний Восток прибыло 3116 семей, в Калининградскую область — 2423 семьи; примерно столько же семей переселилось в Сибирь, Поволжье, на Урал, Европейский Север, а также в Крым и на Северный Кавказ [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 9. Л. 4].

После утверждения семей к переселению у потенциальных мигрантов начинались сборы к переезду. Но в местах выхода они сталкивались с нежеланием руководителей колхозов отпускать их в другие регионы страны. Это было связано с тем, что все недоимки снимались с переселявшегося двора, но не с колхоза.

Фото 9. На юг — обживать новые места
(Северный Сахалин, 1945)

Из-за недостатка рабочих рук постоянно срывались колхозами планы поставок мяса, молока, зерна и т.д. Несвоевременный расчет с государством по госпоставкам грозил для председателей большими неприятностями, чем срыв планов набора переселенцев. Колхозы-доноры никаких «преференций» не имели. Председателей колхозов поддерживали управленцы районов. Они всевозможными способами противодействовали оттоку работоспособного населения, что также влияло на выполнение планов отправки переселенцев. Так, в 1948—1950 гг. план от-

бора переселенцев в РСФСР составил в среднем менее чем 40% [38, с. 47]. Кроме этого, были ситуации, когда рассмотрение заявок на переезд затягивалось (см. табл. 1).

Из 5058 заявок рассмотренными оказались менее 50%. Управленцы на практике широко применяли ситуационный подход в управлении, известный больше как «метод проволоочек» (затягивание времени). Не рассмотренное в положенный срок заявление приводило к тому, что конкретная семья согласно условиям заключенного договора (см. Прил. 1) не могла стать переселенческой (например, в ее составе не было двух трудоспособных по причине брака или его расторжения и т.д.) или в последующем желание переселиться отпадало.

Таблица 1

Количество поданных заявок на переселение из центральных областей на Дальний Восток и в Калининградскую область в 1950 г.

№	Регионы-доноры	Кол-во поданных заявок	Кол-во рассмотренных заявок
1	Горьковская область	711	351 (49,3%)
2	Пензенская область	897	312 (34,8%)
3	Ярославская область	420	260 (61,9%)
4	Татарская АССР	2004	1127 (56,2%)
5	Чувапская АССР	1026	317 (36,2%)

Источник: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 69. Л. 30.

Разнарядки по отправке переселенцев сотрудники районных исполкомов выполняли за счет стремления переехать тех граждан, которые согласно инструкциям не могли такими стать. В число переселенцев записывались кроме колхозников рабочие и служащие. Из 10 792 трудоспособных, прибывших в мае—июне 1946 г. на Сахалин, было 24 председателя колхоза, 63 бригадира полевых бригад, 20 заведующих животноводческих ферм, 84 тракториста, 108 счетоводов, 70 учителей, 292 плотника и столяра, 271 кузнецов и слесарей, 209 шоферов, 513 чел. других специальностей. Не отмечено прибытие агрономов, зоотехников, ветеринарных и медицинских работников [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3805. Л. 4]. «Только в Морское пароходство в 1947 г. завезено 185 инвалидов первой и второй групп, 1009 женщин, глав семей, среди них много беременных, многодетных, непригодных к тяжелой физической работе на флоте», — докладывали кадровики. Из 1 тыс. семей переселенцев, прибывших для работы в сельском хозяйстве в 1948 г., «...303 семьи соприкасались с землей только ногами» [26, с. 29—30].

Ограничение на въезд семей, не имевших в своем составе двух трудоспособных, приводило к тому, что «вербовщики» искусственно объединяли желающих выехать в семьи,

а сотрудники отделов утверждали их как переселенческие и оформляли документы, дававшие основание для выбытия на Дальний Восток [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 69. Л. 3]. Сопровождавшие из областных и республиканских контор регулярно передавали «лишних» иждивенцев. Документы, подтверждавшие их родство с главами семей, отсутствовали [ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 842. Л. 192]. Возникает вопрос: каким образом становились переселенцами люди, которые не могли ими быть? Анализ трудового договора дает ответ: информация о трудоспособности (и скорее всего, наличие брака) записывалась со слов того, с кем заключалось соглашение.

Свой переезд сельхозмигранты связывали с возможностью приобрести собственный дом, корову, птицу, не платить налоги в течение 5—10 лет, т.е. переселение на Дальний Восток воспринимали как способ улучшения своего материального положения. В результате реализации этих мер в 1947—1950 гг. в Еврейскую автономную область переселилось 2734 семьи из УССР [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 43. Л. 8; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 3. Л. 1]. В первой половине 1950-х гг. в колхозы Дальнего Востока по сельскохозяйственному переселению прибыло 37,2 тыс. семей, в том числе в Приморский край — 12 тыс., Хабаровский край — 9 тыс., Амурскую область — 8,6 тыс., на Сахалин — 7,6 тыс. семей [29, с. 89].

Переселение в те годы — не только трудный, но и долгий процесс. Чтобы снизить его тяготы, Переселенческое управление издавало постановления и приказы, в которых оговаривались условия перевозки людей, обеспечения их питанием в дороге и др. [38 с. 49]. В ряде областей организованное переселение отличалось броскими внешними атрибутами. Сами сельхозмигранты, находясь в состоянии эйфории, создавали праздничность в пути: украшали лозунгами и плакатами вагоны эшелоны, следовавшие через всю страну [25, с. 141], пароходы (см. фото 10).

Вселение в новый регион начиналось с организации встречи мигрантов. Г.П. Оврах, приехав из Украины в Приморье в первые годы после войны, вспоминал, что их очень тепло

Фото 10. Сахалинские переселенцы в 1948 г.

встретили, накрыли столы [13, с. 104]. Конечно, такое отношение «старожилов» к новоселам было бы невозможным без участия и заинтересованности в переселенцах руководства колхозов. Однако чаще председатели колхозов ограничивались тем, что посылали кого-нибудь из правления колхоза для встречи переселенцев на станциях высадки, так как согласно инструкциям начальники эшелонов должны были передать переселенцев по «акту». В нем указывался пофамильный список прибывших, номера переселенческих билетов, имущество (корова, домашняя утварь). Если количество вселяемых семей не соответствовало документам, то дополнительно составлялся акт об изменении численности иждивенцев. Люди в пути находились 1—1,5 месяца. За это время в эшелонах менялась их численность. Так, в 1950 г. Московская контора направила в Сахалинскую область 1545 иждивенцев, к месту прибыло 1538 чел.: в пути 1 чел. родился, а 8 чел. умерли. Если в дороге кто-то заболел и нуждался в госпитализации — всю семью или частично снимали с поезда. После выздоровления их сажали в такой же переселенческий эшелон [ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 842. Л. 192—193].

Нередко наблюдалось недоброжелательное отношение к переселенцам со стороны местных жителей. Причины заключались в трудностях социально-бытового характера: не хватало жилья, продуктов питания, товаров первой необходимости. Но в отличие от переселенцев, которых домами обеспечивали колхоз и государство, местные жители свои жилищные проблемы решали самостоятельно. В сельских магазинах отсутствовали самые «ходовые» товары: соль, спички, мыло, керосин (распределяли по одному литру в руки) [26, с. 141; 13, с. 115—117]. Бывали случаи, что переселенцев в местах вселения обвиняли в недостатках жилья, продуктов питания, одежды, обуви и т.д. Однако и «старожилов», и переселенцев объединяло одно — все находились в одинаковых условиях выживания.

В трудностях социально-бытового характера местное население отчасти винило и переселенцев. В анонимном письме из Молотовской области, датированном 1951 г., сообщалось, что переселенцев не встречали, квартирами не обеспечили, изгоняли из колхозов и угрожали убийством [25, с. 141]. В Приморье были случаи незаконного исключения из числа колхозников, например в Ворошиловском (Уссурийский) районе. Официальные жалобы таких мигрантов становились причиной судебных разбирательств деятельности некоторых председателей колхозов, вплоть до заведения на них уголовных дел [13, с. 116].

Отказаться от переселенцев колхозы не могли, так как должны были выполнять разнарядки, приходившие из райисполкомов. Колхозы, принимавшие переселенцев, получали от государства льготы в налогообложении. Согласно положениям по переселению на «льготную» сумму колхоз должен был оказывать вселившимся семьям материальную помощь. Правда, такую помощь им оказывали не часто. Даже спустя два-три года после вселения материальное положение сельхозпереселенцев оставалось тяжелым. Люди не имели повседневных вещей (чаще всего обуви и теплой одежды). Особенно в трудных условиях во второй половине 1940-х гг. находились переселенцы на Сахалине и Курилах. Советские магазины практически

отсутствовали, а в японских — товары продавались по коммерческим ценам, что было недоступно большинству населения. На фоне хорошо одетых и обутых японцев советские переселенцы испытывали чувство психологического дискомфорта как граждане страны, которая победила фашизм и разгромила японский милитаризм. «Вы сами знаете, — писали переселенцы из г. Корсакова И.В. Сталину, — что за время войны все обносились одеждой, обувью, бельем верхним и нижним. Это положение ставит нас против японцев в нехорошее положение. У них создается мнение о живущих в Советском Союзе по внешнему нашему виду. Плохо, — так они говорят нам» [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3814. Л. 44].

Финансирование переселенческих мероприятий государство осуществляло в двух направлениях: во-первых, затраты на переезд. Согласно отчету об исполнении сметы по приему переселенцев в Приморском крае в 1946 г. расходы составили 2824,58 тыс. руб., в 1949 г. — 446 171,24 руб. На переезд переселенцев из г. Владивостока на Сахалин в 1950 г. открытые кредиты составили 4283 тыс. руб., всего израсходовано 3845 тыс. руб. [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 29. Л. 20, 30]. План кредитования переселенцев по РСФСР на 1949 г. составил 134 479 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 69. Л. 11], в том числе для Хабаровского края почти 20 млн руб. (14,9%). В Амурской области в 1953 г. для этих целей правительство выделило 9 млн руб., в 1954 г. — 18 млн руб. [27, с. 7; 39, с. 248].

Второе направление финансирования было связано с хозяйственным обустройством. Например, на выплату единовременного пособия для 1000 семей переселенцев из числа демобилизованных воинов, прибывших в Приморский край в 1946 г., было выделено 502,5 тыс. руб. (17,8%), в 1949 г. — 45 100 руб., в 1950 г. — 190 080 руб. (5%) [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 29. Л. 5; Д. 35. Л. 12, 49]. Обращает на себя внимание долевая разница в выплате единовременных пособий. Анализ изученных финансовых документов показал, что в рассматриваемый период произошли некоторые изменения, связанные с отнесением этой статьи в тот или иной раздел расходов. Так, в 1946 г. она

включалась в раздел, связанный только с обустройством переселенцев в местах вселения, а в 1949 г. она вошла в общие расходы, куда также включались переезд и провоз багажа от места выхода до места вселения, покупка коровы и птицы и т.д. Это обусловило столь существенную долевою разницу выделенных средств на разовые выплаты переселившимся семьям.

В 1946 г. заместитель председателя Приморского крайисполкома Н. Цукаев, понимая значение бытового обустройства сельхозмигрантов, предложил «...обязать Сельхозбанк открыть кредиты: на строительство — 29 488 тыс. руб. (64,3%), на приобретение коров — 14 315 тыс. руб. (31,2%), на операционные расходы — 2000 тыс. руб. (4,4%)». Всего 45 803 тыс. руб., в том числе на обустройство переселенцев довоенных лет — 10 201 тыс. руб. [Там же. Л. 2—3].

В 1946 г. переселенцы, направлявшиеся в южную часть Дальнего Востока, могли взять кредит на жилищное строительство в размере до 7 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 29. Л. 1; 39, с. 248; 27, с. 48], в 1948 г. он составил 15 тыс. руб., в 1949 г. сократился до 10 тыс. руб. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 127. Л. 60]. Кредиты на строительство и покупку домов выдавались под обязательства колхозов и совхозов с 50%-ной компенсацией за счёт государственного бюджета [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 29. Л. 1]. По данным Приморской краевой конторы Сельхозбанка, из предоставленных 8 млн руб. кредитов в 1951 г. более 4,6 млн руб. пошло на строительство и ремонт жилья [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 36. Л. 84].

Если произвести простые математические расчеты применительно к 1951 г., то получится следующее. В первой половине 1950 г. в Приморье ежегодно в среднем прибывало 2400 семей [30, с. 89]. На строительство и ремонт жилья одного дома отпускалось 10 тыс. руб., а расходы на эти цели составили 4,6 млн руб. Таким образом, для почти 2,5 тыс. прибывших в 1951 г. семей подготовлено было только 460 домов.

В наиболее удачном положении оказались переселенцы 1948 г. вселения. Государство определило размер кредита на строительство или покупку дома до 15 тыс. руб. при их балан-

совой стоимости 8—10 тыс. руб. для тех, кто направлялся, например в южную часть Дальнего Востока. В 1949 г. кредит на эти цели составил 10 тыс. руб., а балансовая стоимость дома 12—14 тыс. руб. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 127. Л. 60]. Однако председатели колхозов ее завышали. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что финансирование строительства домов было неполным и несвоевременным. Это приводило к срыву планов ремонта и строительства жилья, хозяйственно-бытового обустройства, что в итоге отражалось на закреплении переселенцев на новом месте.

Другим способом улучшения жилищных условий было строительство собственного дома. В сельской местности с использованием личных средств это стало возможным только во второй половине 1950-х гг., когда увеличились доходы сельчан [40, с. 65]. Среди переселенцев иногда возникала инициатива самостоятельного строительства. Например, мигранты, прибывшие в Еврейскую автономную область в 1946—1947 гг., высказывали желание самостоятельно строить дома. С просьбой оказать помощь и содействие в получении стройматериалов они обратились к работникам райисполкомов, но столкнулись с игнорированием законных требований [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 3. Л. 2]. В Приморье многие семьи, прибывшие из Украины, строили себе дома, опираясь на прежний опыт (использовали прутья и глину) [13, с. 115]. Переселенцы из Сахалинской области в своем письме И.В. Сталину так описывали положение с обеспечением их жильем: «...строить надо — материала нет, инструментов нет. Если имеется материал, транспортировать нечем» [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3814. Л. 44].

Основным строительным материалом в те годы являлся лес, дефицит которого ощущался везде. Чтобы увеличить его заготовки, государство мобилизовывало крестьян, поэтому часть заготовленного леса (не менее 50% древесины и 7 куб. м пиломатериалов за 100 выполненных норм) шла на колхозные нужды. Однако такой вид повинности вызывал у крестьян волну протеста. Многие колхозники категорически отказывались ехать на лесозаготовки.

Такая ситуация стала причиной выхода Постановления Совета Министров СССР от 29 сентября 1947 г. «Об осенне-зимних заготовках на 1947—1948 гг.» [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 97. Л. 2]. Надзор за его выполнением возлагался на районные прокуратуры. Через несколько недель приморская прокуратора провела проверку, в результате которой поступили материалы на 750 лиц, уклонившихся от участия в лесозаготовках. После вмешательства прокуроров 586 чел. выехали в указанные леспромхозы, 54 чел. привлекли к уголовной ответственности, 27 чел. были осуждены сроком на 1 год (Пономарев, Казазаев, Вощина, Олесик и др.) [Там же. Л. 4]. То же происходило и в Амурской области. Так, в Ивановском районе из 180 чел. на лесозаготовки прибыли только 147 чел., из них 118 чел. выехали под нажимом прокуратуры и угрозы быть осужденными. Отказ был вызван отсутствием каких-либо приемлемых условий для проживания. Бараки для жилья не оборудованы (отсутствовали свет, отопление). Внутри помещений уборка не проводилась. Люди спали на нарах без постельных принадлежностей. Мужчин и женщин селили вместе. Из-за отсутствия бани не соблюдались элементарные правила гигиены. Чтобы не допустить распространения педикулеза, абсолютно всех стригли наголо. Много нареканий вызывало питание: дневная норма на одного человека составляла 1 кг картофеля и 0,4 кг капусты. Других продуктов, в том числе жиров и круп, в рационе не было [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 235. Л. 25].

Переселенцев также привлекали на трудгужповинность, срок которой достигал 5 месяцев. За время работы в лесных хозяйствах трудодни колхозникам не начислялись, что отрицательно влияло на их материально-бытовое положение. Этот вид труда колхозникам оплачивали минимально. Если он работал всю зиму, то был должен государству примерно 1 тыс. руб. [40, с. 58]. Поступавшие стройматериалы руководство колхозов использовало на производственные нужды.

Для своевременной сдачи домов для переселенцев Совет Министров принял решение о создании в составе Глав-

ного переселенческого управления структуры «Переселенстрой». В его состав вошли 4 строительные конторы, в том числе 42 районных стройучастка, 7 подсобных хозрасчетных предприятий и 5 лесозаготовительных участков [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5675. Л. 18] (см.: схема 1, с. 43). Одна из контор располагалась в г. Владивостоке, до 1948 г. её возглавлял Коробченко, в 1948 г. — Рудницкий [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 394. Л. 32].

В задачи «Переселенстроя» входили заготовка леса для строительства домов переселенцам, хранение и распределение пиломатериалов, гвоздей, стекла, толи и т.д., но срок сдачи жилья не сократился. Из мест вселения в вышестоящие органы страны регулярно поступала информация о неблагоприятном обустройстве переселенцев. Виновными в этом отчасти были председатели колхозов, отвлекавшие рабочих от строительства жилья на другие объекты. Это становилось предметом обсуждения на заседаниях не только в краевых и областных отделах, но и в Главном переселенческом управлении. После проверки, проведенной работниками Главного переселенческого управления РСФСР, и анализа причин несвоевременной сдачи домов вышел приказ (№ 5 от 3 февраля 1948 г.), вводивший «Типовой порядок организации строительных бригад в переселенческих колхозах» [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 29. Л. 28]. Согласно этому документу в колхозах формировались постоянные бригады для строительства и ремонта домов, надворных, хозяйственных и бытовых построек, предназначенных для новоселов. В состав бригад входили каменщики, плотники, столяры, кровельщики, штукатуры, маляры, подсобные рабочие, их количество в зависимости от объемов работы варьировалось от 10 до 15 чел. [Там же. Л. 26, 69].

Однако появление бригад с четко оговоренными условиями строительства только жилья для сельхозмигрантов не изменило отношения руководства колхозов к характеру трудоустройства строителей. Эти бригады по-прежнему привлекались на строительство объектов производственного назначения. В результате срывались сроки сдачи домов

для вселения. Например, в Хабаровском крае на момент проверки (1949 г.) 245 семей, прибывших в 1946—1949 гг., собственного жилья не имели [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 43. Л. 93]. В 1948 г. в Амурской области без жилья оставались 164 семьи 1946—1947 гг. вселения, в Приморском крае — 470 семей [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 3. Л. 2; 13, с. 116]. Переселенцы были вынуждены решать эти проблемы самостоятельно: они самоорганизовались в бригады (как это было в колхозе «Заря» Приморского края [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 394. Л. 23—24]).

В августе 1951 г. Совет Министров СССР вновь издал распоряжение, в котором предписывалось создать в каждом колхозе постоянные строительные бригады по строительству домов для переселенцев [39, с. 248], которые запрещалось расформировывать или отвлекать на какие-либо другие работы до полного выполнения плана строительства домов. Контроль за выполнением распоряжения поручался местным властям.

Невозможность обеспечить всех переселенцев новыми домами заставила обратить внимание председателей принимающих хозяйств на старые дома, ремонт которых обходился дешевле, чем строительство новых. Но возникали трудности с выполнением полного объема работ по причине недофинансирования и использования рабочих на строительстве производственных помещений. В 1947 г. план ремонта домов в Приморье был реализован на 51%, Хабаровском крае — на 60%, Сахалинской области — на 70% [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 29. Л. 14], в Еврейской автономной области — на 42% [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 3. Л. 2]. Чтобы не оставить переселенцев на улице, их, как правило, подселяли к старожильческому населению. В одном доме проживало по 2—3 семьи, что приводило к бытовым конфликтам [13, с. 115—116]. В Сахалинской области из 11 452 семей, прибывших в 1946—1949 гг., большинство проживало в ветхих домах японского типа. За указанный период стройконторой переселенческого отдела и колхозами было построено всего 227 домов, только менее 2% организованных мигрантов получили жилье, советских переселенцев размещали вместе с японцами, которые ждали

своей репатриации на родину [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 44. Л. 6], что являлось грубым нарушением правил обустройства переселенцев.

Масштабы переселения на Дальний Восток финансово не обеспечивались государством и принимавшими хозяйствами в полной мере: реальная стоимость жилья превышала размер предоставленных кредитов (кроме 1948 г.). В первые послевоенные годы из-за отсутствия плана вселения переселенцы не могли своевременно получить кредиты на строительство жилья и надворных построек. Введенный в 1948 г. принцип планирования переселения (чему способствовали крупные хищения в краевых/областных переселенческих отделах) имел несколько последствий. Детализация планов прибытия новоселов в дальнейшем обусловила сроки и объемы финансирования по сдаче к эксплуатации и ремонту жилья.

На обеспечение переселенцев домами крайне негативно сказывались хищения в конторах «Переселенстрой». В 1949 г. начальник Приморской краевой конторы Рудницкий провел ревизию деятельности предыдущего коллектива. Было выявлено много негативного. Главный бухгалтер Кожевниченко незаконно выдал более 2 т бензина и смазочных материалов руководителю опергруппы Госкомтрудрезервов Милай. У бывшего кладовщика Аношкина обнаружена недостача стройматериалов на сумму 29,8 тыс. руб. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 394. Л. 30—31]. Результаты проверки были направлены прокурорам Приморского края Болдыреву и Дудченко, однако в течение трех месяцев прокуратура никаких мер не предприняла.

В перечне льгот для переселенцев прописывалась возможность приобретения ими коровы. Её ценность как кормилицы крестьянской семьи была несомненной. Переселенцы, сдавшие свой скот заготовительным организациям в местах выхода, получали обменные квитанции на право приобрести корову на новом месте жительства. Дворы, являвшиеся бескоровными, могли взять кредиты от 2 тыс. руб. (в Приморском, Хабаровском краях и Амурской области), до

3 тыс. руб. (в Сахалинской и Камчатской областях) сроком до 5 лет [Там же. Д. 43. Л. 15]. В 1950 г. размер кредитов, выделенных для переселенцев РСФСР на эти нужды, составил 7141 тыс. руб., поэтому приобрести корову в РСФСР могли от 2,5 до 3 тыс. семей. Неизрасходованными остались менее 27 тыс. руб. (0,37%) [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 35. Л. 44].

На Дальнем Востоке картина была обратной. Так, из выделенных в 1950 г. кредитов для переселенцев Приморского края (1 080 700 руб.) более половины (52%) оказались невостребованными [Там же. Л. 47]. В Хабаровском крае план приобретения коров переселенцами в 1947 г. был выполнен только на 45% [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 29. Л. 14], хотя задача сокращения «бесскотных дворов» являлась первоочередной. В некоторых документах поясняются причины отсутствия в хозяйствах Дальнего Востока крупного рогатого скота. Заготовительные организации нарушали «установленные правила» (распоряжения, приказы): вместо обменных квитанций переселенцам выдавали справки, не являвшиеся документом, дававшим право получить в регионе вселения корову [25, с. 145]. В 1948 г. старший инспектор Главного переселенческого управления М.И. Терехов выявил еще одну причину отсутствия у новоселов крупного рогатого скота. Он установил, что у некоторых переселенцев банк требовал две справки: первую — о том, что в хозяйстве действительно нет коровы, вторую — что в местах выхода у них нет никакой задолженности. В такой ситуации оказалась семья переселенца Д.К. Зуева из Тамбовской области [ГАРФ. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 394. Л. 25].

Некоторые руководители на местах постоянно анализировали причины низкой закрепляемости. Например, заведующий организационно-инструкторским отделом Хабаровского крайкома ВКП(б) М. Воробьевский, в своем письме докладывал секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) Р.К. Назарову, что не все переселенцы, прибывшие в ЕАО, имели мелкий скот и птицу. Из отпущенных в 1948 г. на приобретение коров 150 тыс. руб. купить крупный рогатый скот могли только 50 семей, а нуждались 410 семей [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19.

Д. 3. Л. 2]. Аналогичная ситуация была в Приморском крае: из 19 семей, приехавших из Черниговской области в Гродековский (Пограничный) район в марте 1953 г., коровы были у пяти семей, остальные, получив ссуду в 2 тыс. руб., не могли приобрести даже телку [13, с. 117].

Материальное положение многих сельхозпереселенцев длительное время оставалось тяжелым, даже судя по тому, как скоро переселенцы могли погасить взятые кредиты. В Приморском крае дебиторская задолженность в 1950 г. составила 28 406,27 руб. (2,5%) [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 35. Л. 48], что также является показателем ответственности переселенцев. Сопоставление объемов неиспользованных кредитов, предназначенных для переселенцев, и количества у них «бесскотных дворов» показывает, что люди реально оценивали свои материальные возможности в срок выплачивать кредиты. Переселенцам, которые не могли своевременно погашать кредиты, в некоторых случаях государство гарантировало сохранение им части имущества. Например, у лиц, занимавшихся сельским хозяйством, взысканий по исполнительному листу не производилось на жилой дом с хозяйственными постройками, корову (в случае ее отсутствия на единственную телку, козу, овцу, свинью), на корм для скота из расчета на один месяц (для коровы — 325 кг сена, для мелкого скота — 48 кг на 1 голову), на одежду, обувь, постельное белье, кухонную утварь, мебель, детские принадлежности, а также продукты питания для всех членов семьи до нового урожая из расчета на одного человека: 9 кг муки, 16 кг картофеля, 2 кг крупы, 1,25 кг соли, 400 г масла, 4 кг огородных овощей всех видов или 4 кг рыбы. Сюда включалось используемое топливо для варки пищи и обогрева помещения в течение трех месяцев, где проживала семья должника. Инструменты, пособия и книги, необходимые должнику для продолжения профессиональных занятий [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4917. Л. 3—4] тоже включались в этот перечень. Таким образом, сохранение гарантированного минимума имущества давало людям уверенность, что они не останутся без жилья, предметов быта, одежды, обуви.

Переход переселенцев в категорию постоянных жителей осуществлялся на фоне «злоупотреблений» со стороны колхозного руководства, вызванных объективным положением дел в дальневосточной деревне. Председатели колхозов оказались в двойственной ситуации: своими действиями они должны были поддерживать и местное, и «пришлое» население. Так, в Приморье дефицитные товары (одежда, обувь и т.д.), выделенные исключительно для семей переселенцев, были распроданы всем колхозникам. В 1946 г. в Шмаковский (Кировский) район Приморского края в местные магазины для продажи переселенческим семьям завезли костюмы и пальто на сумму 22 788 руб., однако 75% из них эти товары не получили [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 20. Л. 30].

В числе льгот для переселенцев была продовольственная ссуда. К сожалению, нами не обнаружено документов, где четко прописывалось, что в нее входит и в каком объеме. Исключение составила обязательная выдача зерна из расчета 1 ц на главу семьи и по 0,5 ц на каждого члена семьи со сроком ее погашения в течение двух лет [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 43. Л. 15]. Опираясь на архивные источники, мы пришли к выводу, что в нее входили и другие продукты питания, которые производились в принимающем хозяйстве (хлеб, картофель, крупы). Что касается объемов, то продссуда ограничивалась, как мы полагаем, натуральными выплатами в виде продуктов питания, производимых в этом же хозяйстве на 1 день из расчета количества трудодней, которое мог выработать глава семьи в среднем с момента своего вселения и до окончания сбора урожая (6—7 месяцев). Если отталкиваться от данных, на какие продукты и в каком объеме не проводились взыскания по решению суда, то продссуда могла выглядеть следующим образом: мука около 20—30 кг, картофель 40—50 кг, крупа не более 10 кг, растительное масло — 1—2 л. Именно из них формировался рацион дальневосточного крестьянства. «Стоимость» этого набора продуктов государство возмещало колхозу через льготы в налогообложении хозяйств, принимавших переселенцев. Выданной продссуды хватало не более чем на три

месяца. С учетом того, что вселение на Дальний Восток проходило в апреле—июне, как правило, колхозники не успевали выработать необходимое количество трудодней. Из них колхоз возвращал продссуду. Ситуацию усугубляло отсутствие денег, так как в длительной дороге (до 1,5 месяца) деньги «проедались» (в единичных случаях для них готовили огороды). Когда продссуда заканчивалась, колхозники-переселенцы голодали, о чем свидетельствуют акты проверок Переселенческого управления [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 43. Л. 25].

Иногда продссуду правление колхоза выдавало не в полном объеме. В Приморском крае из-за трудностей с обеспечением хлебом продовольственная ссуда, предназначенная только для переселенцев, раздавалась и местным жителям по принципу уравнивания. Работники райисполкомов молчаливо санкционировали этот принцип, а переселенческие отделы не осуществляли должного контроля. В колхозе им. Дзержинского Шкотовского района продссуда для демобилизованных воинов-переселенцев составила всего 5 кг вместо положенных 40 кг, а в Хасанском районе председатели колхозов им. Пархоменко, им. Молотова, им. Чкалова использовали ее на колхозные нужды. По результатам проверки инспектора Главного переселенческого управления М.И. Терехова было выявлено, что колхозы «Красное знамя», «Красная заря», «Красный партизан» перед переселенцами и государством имеют задолженность 22 803 руб., 1101 ц зерна, 360 ц сои, 16 ц льна и волокна, 3340 ц картофеля [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 29. Л. 30; Ф. П-68. Оп. 41. Д. 394. Л. 22].

Бедственное положение дальневосточного переселенческого крестьянства находило сочувствие в глазах тех, кто не состоял в колхозах. Так, в январе 1953 г. заведующий сельским клубом Сахалинской области, член ВКП(б) В.П. Калдин, находясь в нетрезвом состоянии, заявил: «Колхозники, за что вы работаете, вы ведь ничего не получаете за трудодни и сидите голодные» [43, с. 166]. Были факты настоящего злоупотребления ссудами и кредитами, предназначенными для переселенцев. В 1947 г. начальник районного отдела НКГБ старший

лейтенант Мизерный докладывал начальнику УНКГБ по Амурской области полковнику Веденееву о том, что председатель колхоза «Труд Ленина» (Ивановский район Амурской области) М.В. Мачнев «...за два года своей работы в колхозе... пропил колхозных средств на девять с лишним тысяч рублей. Заворовался. Украл в колхозе 4 последних воза сена, при этом был пойман колхозниками» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 235. Л. 28]. Председатель колхоза «Новое строительство» Панферов «...довел колхоз и колхозников до нищенства... Растратил 8 тыс. колхозных средств, есть факты подделки денежных документов. В то время как колхозники за свой труд получили по 0,3 кг хлеба и 2 руб. 57 коп. деньгами на трудодень, Панферов роздал частным лицам, различным учреждениям и воинским частям колхозного имущества на 58 тыс. руб.» [Там же. Л. 27, 29]. Аналогичная ситуация была в колхозах «Луч», им. Чапаева, в Ивановской автоколонне. В Приморье председатель колхоза «Красноармеец» Черниговского района, начальник Ханкайского стройучастка и председатель Чкаловского райисполкома, получив гвозди, стекло, толь, расходовали их на другие нужды [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 394. Л. 31].

Практика несправедливого распределения зерна на трудодни⁸ вызывала недовольство колхозников, в том числе и переселенцев [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 17. Д. 2. Л. 56]. В колхозах денежная и натуральная плата начислялась, исходя из количества выработанных трудодней, при этом объем собранного урожая являлся вторичным показателем. Низкие доходы колхозников практически сразу ориентировали переселенцев на возвращение обратно или дальнейший переезд. Выборочные исследования показали, что из прибывших в 1939—1947 гг. в Приморье (Барабашский, Яковлевский, Шмаковский, Ми-

⁸ В 1946 г. в колхозе «Ройтер Октябрь» Сталинского района Еврейской автономной области бригада Холоденко посеяла пшеницы 66 га, получила урожай по 3,4 ц с 1 га, затратив 7300 трудодней. На полученные трудодни получили по 0,4 кг зерна. Бригада под руководством Беила работала более эффективно: посеяла 60 га, но собрала по 4,6 ц с 1 га, затратив 5870 трудодней, также получила по 0,4 кг зерна.

хайловский, Молотовский, Спасский, Ханкайский, Хорольский районы) выехали в этот период за пределы края 20,5%, в неизвестном направлении — почти 7% [13, с. 115].

Что касается кредитов на строительство и приобретение жилья, то председатели колхозов сознательно завышали стоимость строительства и ремонта домов для переселенцев. В колхозах «Коммунар» Ворошиловского (Уссурийского) района, «Сигнал» Молотовского района, «Победа» Ханкайского района разницу между реально затраченными средствами и указанными в документах они использовали на общие нужды колхоза [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 394. Л. 34].

Основной оценкой реализации миграционной политики являлась степень закрепляемости прибывших и динамика выбытия. Так, в 1946 г. из прибывших в Приморье переселенцев выбыло 1,4%, в 1947 г. около 5%. В первой половине 1948 г. из Приморского края выехало 31,5% из вселившихся в 1939—1941 гг. и 1946—1948 г. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 394. Л. 25]. В послевоенные годы из колхозов Хабаровского края выбыло с 1947 по 1949 г. 559 семей (22%), в том числе 453 семьи переехали в другие регионы страны. В дальнейшем проверка показала, что эти цифры занижены. В действительности в эти годы из Хабаровского края выбыло 769 семей [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 69. Л. 81, 84]. (37%). Из колхозов им. Кирова, Кагановича, «Валдгейм», «18-й партсъезд», «XX лет Октября», расположенных в ЕАО, из 203 прибывших в 1947—1948 гг. семей выехало 40 (около 20%) [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 3. Л. 3].

Одновременно с оттоком переселенцев обозначилась тенденция выхода колхозников из числа пайщиков. Заведующий сельскохозяйственным отделом Хабаровского крайкома ВКП(б) Я. Митюхин указывал, что выходы начались сразу же после отмены карточек и проведения денежной реформы. Из колхозов выходили в первую очередь престарелые колхозники, а также вступившие в колхоз в годы войны, но имевшие родственников в городах и промышленных центрах [Там же. Д. 33. Л. 37—38]. Из Ивановского района Амурской области

в 1946 г. в западные области страны выбыло 18 семей престарелых колхозников, из Свободненского района — 13 чел. по старости и болезням и 14 чел. к родственникам в города. В колхозах «Заря Востока», «Южно-Сахалинец», им. Лазо в Сахалинской области колхозников исключали из числа пайщиков на основании их личного заявления [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 44. Л. 7], после чего они выезжали из колхозов.

Наибольшую обеспокоенность у председателей колхозов вызывал отъезд плановых переселенцев. Виновными в их оттоке и переезде председатели колхозов считали органы, отвечавшие за обустройство переселенцев, а те соответственно — председателей колхозов. В 1949—1950 гг. из 39 вселившихся семей в колхозы района им. П. Осипенко (северная часть Хабаровского края) 9 семей вынуждены были оттуда уехать в другие колхозы края. Руководители колхозов в своих докладных записках отмечали, что И. Лакнер (начальник переселенческого отдела Хабаровского края) «...допустил практику... выражавшуюся в устройстве колхозников-переселенцев в других колхозах края, сбежавших из колхозов района им. П. Осипенко». Так, в своей объяснительной записке на имя секретаря Хабаровского крайкома ВКП(б) А.П. Ефимова И. Лакнер указал, что эти переселенцы изначально были направлены в «...заведомо слабые и даже бесперспективные колхозы... где на выработанные трудодни переселенцы получали очень мало, что не обеспечивало существование их семей» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 267. Л. 97, 102—103]. Инструктор сельхозотдела Нижне-Амурского обкома ВКП(б) Камердин в своей докладной записке среди причин выбытия 9 семей переселенцев назвал бездействие руководства райкома ВКП(б) и райисполкома района им. П. Осипенко, о чем И. Лакнер сообщал ранее. Чтобы прокормиться, они вынуждены были переехать в более сильные колхозы.

Причины оттока части переселенцев, прибывших в 1946—1948 гг., были закономерны: отсутствие плана вселения колхозников на Дальний Восток, льготы, которые обещало государство при переселении в регион, не были

подкреплены материально. Средства на хозяйственное обзаведение, строительство и продссуда выдавались со значительным опозданием или отсутствовали [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 29. Л. 31]. С появлением планов переселения и улучшением финансирования переселенческих мероприятий особых изменений в закрепляемости сельхозмигрантов не отмечено. Причины заключались в сложившихся отношениях между «пришлым» населением и старожилами, отчасти в том, что материальное положение новоселов на Дальнем Востоке по сравнению с регионами их выхода лучше не стало. Так, в Сахалинской области в 1949 г. за многими колхозниками, прибывшими в 1946 г., не были закреплены приусадебные участки. Переселенцы выходили из состава пайщиков и переходили на работу в другие организации. Такая ситуация была в колхозах «Заря Востока», им. Лазо, «Южно-Сахалинец».

Практические рекомендации по закрепляемости прибывших колхозников исходили и из мест вселения. Например, в 1949 г. секретарь Красноармейского района Приморского края Шадрин направил в отдел сельского хозяйства докладную записку, в которой высказывал пожелание, чтобы Приморский крайком ВКП(б) ходатайствовал перед правительством об удержании продссуды в течение трех, а не двух лет и разрешении колхозам строить дома для переселенцев за трудодни, а деньги передавать колхозу, иначе колхозники останутся без трудодней; финансирование строительства домов производить без задержек [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 394. Л. 39—40]. Секретарь Ивановского райкома ВКП(б) Приморского края Кирьянов рекомендовал: утверждать семьи для переселения должны представители районов вселения; ввозить не сразу всю семью, а только главу семьи, чтобы он мог подготовить дом к вселению; выдавать кредиты на домашнее обзаведение сроком до 10 лет, а объем продссуды выдавать из расчета полного удовлетворения каждого едока в течение года. Однако эти предложения не были приняты.

Массовое выбытие переселенцев из колхозов Дальнего Востока заставило обратить внимание управленцев высшего

уровня и предпринять соответствующие меры. В декабре 1946 г. Главное переселенческое управление и Сельхозбанк направили заместителю председателя Совета Министров СССР Н. Вознесенскому, в Прокуратуру (Болдыреву), Министерство юстиции (Басавину) и Министерство финансов РСФСР (Сафронову) предложения о том, что переселенцы, самовольно покинувшие места вселения, обязаны возместить расходы государства на выдачу единовременного денежного пособия и оплату перевозок. Вознесенский, в частности, согласился: «В случае самовольного ухода переселенцев... расходы по перевозке переселенцев, его семьи и имущества к месту вселения, а также выданные единовременные денежные пособия взыскивают... в судебном порядке» [ГАПК. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3805. Л. 120, 127]. Однако в Министерстве финансов СССР, впрочем, как и в правительстве, данное предложение не поддержали.

Миграционная политика тех лет традиционно решала задачи обеспечения предприятий союзных министерств, строительных и транспортных организаций трудовыми ресурсами через систему организованного набора рабочих. Проведение мероприятий по этой форме миграции имело много общего с сельскохозяйственным плановым переселением крестьян. Прежде всего оргнабор рабочих проводили в тех же местах, где шел набор сельхозпереселенцев. В число орграбочих набирали трудоспособных лиц не моложе 18 лет, но не работавших в колхозах. Более высокие заработки на Дальнем Востоке делали его привлекательным. Однако в отличие от сельскохозяйственных и промышленных переселений оргнабор давал «временных рабочих» сроком от 6 месяцев до 3 лет.

Стремление людей улучшить свое материальное положение и агитационная работа, проводившаяся «вербовщиками», способствовали тому, что в 1946—1949 гг. на Дальний Восток прибыло на предприятия Главамуррыбпрома (п-ов Камчатка) 27 100 чел., в Хабаровский край в 1947—1949 гг. около 170 тыс. чел., в том числе для работы на заводах, в организациях и строительстве 38 300 чел. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 270.

Л. 52, 54—55]. В период с 1945 по 1950 г. численность рабочих и служащих в регионе возросла с 685 тыс. чел. до 1201 тыс. чел., к 1955 г. — до 1347 тыс. чел. [27, с. 24].

12 июня 1946 г. вышло Постановление Совета Министров СССР «Об организации набора рабочих из числа демобилизованных для работы на предприятиях и стройках Дальнего Востока» [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 9. Л. 31]. Массовый приток трудовых ресурсов в восточную часть РСФСР повлек за собой их дефицит в сельскохозяйственных регионах-донорах. Сотрудники райисполкомов совместно с руководителями переселенческих отделов обращались в центральные переселенческие органы с требованием запретить набирать орграбочих в колхозах, где был недостаток рабочих кадров. 21 мая 1947 г. вышло еще одно Постановление Совета Министров СССР «О порядке проведения организованного набора рабочих» [37, с. 428—429], где оговаривалось, что рабочими оргнабора могли стать и колхозники, но только в зимний период сроком не более 6 месяцев. На законном основании они выбывали из колхозов временно, однако обратно возвращались единицы. Так, в 1949 г. из сел Костромской области выбыло 5,9 тыс. чел., Орловской — 13,6 тыс. чел. Всего в 1951—1957 гг. из аграрных районов Нечерноземья выбыло 739 тыс. чел. [27, с. 24].

Особое внимание руководство страны уделяло обеспечению трудовыми ресурсами рыбной отрасли. 16 марта 1947 г. вышло Постановление № 570 «О мероприятиях по увеличению добычи рыбы в 1947 г. по Министерству рыбной промышленности восточных районов», а позже «О развитии рыбной промышленности Дальнего Востока» [37, с. 674—677]. 4 апреля 1948 г. Совет Министров РСФСР издал постановление № 259 «О переселении 1800 семей рыбаков-колхозников на Южный Сахалин в 1947 г.» [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 34. Л. 7]. Переезд орграбочих сопровождался такими же трудностями, что и у сельхозпереселенцев. Из центральных районов страны семейные и одинокие ехали в эшелонах в течение 1—1,5 месяца. Орграбочие, которые направлялись на Сахалин,

Камчатку, Нижний Амур или Курилы, прибывали на приемно-переселенческий пункт в пос. Рыбак (г. Владивосток), где еще 20—50 дней ожидали своей отправки к месту назначения. На 1 марта 1949 г. пропускная способность пункта составляла 5700 чел. Неравномерное их прибытие в течение года (в марте — мае прибывало до 80%) создавало ситуацию, когда часть мигрантов могла остаться на улице. Так, в марте 1949 г. потребности во временном жилье были удовлетворены только на 46%. Вопросы по размещению в пункте всех прибывших решались через расселение по 2—3 чел. на одной кровати [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 527. Л. 2].

На организацию набора и переброску рабочих на Дальний Восток государство также выделяло значительные финансовые средства. Например, в 1946—1949 гг. на завоз и вывоз 48 290 чел. на рыбный промысел Амурского бассейна было израсходовано 101 738 тыс. руб. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 267. Л. 133]; в 1949 г. на доставку орграбочих в угольную промышленность Сахалина план ассигнований составил 84 212 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 852. Л. 46, 15—16]. В эту же сумму входили единовременные выплаты организованным мигрантам.

По договору, заключенному с семейными орграбочими, направленными в 1949 г. на предприятия рыбной промышленности Камчатки, Охотского побережья и Курил, сумма составляла примерно 1100 руб. Сюда входили единовременное пособие в размере 300 руб. (выдавалось лично), суточные во время нахождения в пути до Владивостока из расчета 15 руб. в сутки на человека (450 руб.), аванс в счет зарплаты (350 руб.). Выдача других видов денежных средств (аванс и суточные на членов семей дополнительно) за время вынужденного нахождения во Владивостоке договорами не предусматривалась.

Организация питания имела свои особенности. Во время нахождения мигрантов в пути она была отлажена, но во Владивостоке (в пункте приема) предприятия продавали не обеда, а сыр, колбасы, красную икру и спиртные напитки. На эти продукты делались ресторанные наценки. В результате «стои-

мость» питания в период ожидания отправки к месту вселения и работы возрастала в несколько раз. Семьи промышленных переселенцев быстро «проедали» свои деньги, поэтому продавали личные вещи, некоторые занимались попрошайничеством. Создавшееся положение рождало антисоветские настроения, особенно среди тех, кто прибыл из мест, находившихся во время войны под немецко-фашистской оккупацией. Сотрудники Переселенческого отдела Приморского края докладывали в центральные органы, что своевременная отправка промышленных переселенцев к месту назначения — это политическая задача.

Трудности завоза орграбочих из центральных районов страны обусловили развитие региональной миграционной политики. Дальний Восток будучи трудодефицитным регионом по отношению к отдельным областям иногда сам выступал донором. В первом полугодии 1947 г. на Южный Сахалин государство организовано переселило 1800 семей рыбаков, в том числе из Приморского края (500), районов Среднего Амура Хабаровского края (300), Красноярского края (100), Иркутской (200), Новосибирской (200), Томской (200) областей и северной части Сахалина (300 семей) [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 44. Л. 7].

На Дальнем Востоке наряду с рыбной отраслью в структуре народного хозяйства важное значение имела другая союзная отрасль — деревообрабатывающая. Обеспечение кадрами предприятий лесной и бумажной промышленности проводилось как из числа завезенного населения из центра страны, так и местных жителей. Так, из РСФСР, Украины и Белоруссии в 1949 г. планировалось переселить в леспромпхозы и на лесозаготовительные участки Сельстроя, расположенные на Сахалине, 7500 семей [ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 842. Л. 94], в Приморский край в 1951 г. — 622 семьи [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 36. Л. 81]. 29 сентября 1947 г. вышло Постановление Совета Министров СССР (№ 3365), в котором предприятиям лесной промышленности разрешалось проводить вербовку рабочих на постоянной основе из числа тех, кто прибыл на лесозаготовки

в порядке трудгужповинности, в том числе «вчерашним» переселенцам [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 97. Л. 16]. Отчасти это позволило решить проблему дефицита рабочих рук в лесодобывающей отрасли Дальнего Востока.

«Оседание» в регионе орграбочих и промышленных переселенцев напрямую зависело от возможности получить жилье и уровня доходов, в структуре которых основной составляющей была заработная плата. Ее размер зависел от отрасли, в которой работал орграбочий, места его жительства и нахождения предприятия или организации (село или город), а также от его квалификации. Дополнительные выплаты в виде региональных надбавок регулировались Указом от 1 августа 1945 г., в котором оговаривались размеры выплат для работавших на Дальнем Востоке [27, с. 25], и Постановлением Совета Министров СССР от 25 августа 1946 г. «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» [37, с. 332—334]. Общее, что объединяло всех рабочих, прибывших организовано в отрасли промышленности Дальнего Востока, — низкая их квалификация с преобладанием ручного труда. Так, уровень механизации в строительстве составлял 17%, в штукатурных работах — 13,4%, малярных — 25% [27, с. 28].

Ситуацию усугубляла плохая организация труда. Например, у рыбаков-сахалинцев не хватало рабочего инвентаря. Переселенцы-рыбаки г. Корсакова в письме от 15 августа 1946 г. писали Сталину: «Рыбзаводы и базы инвентарем для лова рыбы не обеспечены. Ловят рыбу японцы своим инвентарем, а мы находимся без работы...» [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3814. Л. 44]. В 1954 г. в рыбной промышленности Сахалина, удельный вес которой к этому времени достигал 40%, производительность труда составила только 65%, в результате убытки достигли 445 млн руб. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 698. Л. 18]. Все вышеназванное вело к сокращению заработков, а следовательно, и к оттоку рабочих.

К привлечению и закреплению организованных мигрантов на Дальнем Востоке руководство страны подходило дифференцированно. Орграбочим, как и сельхозпереселенцам, представлялась возможность решить жилищную проблему самостоятельно. Согласно Указу от 1 августа 1945 г. [27, с. 25] на постройку или приобретение домов выделялись долгосрочные кредиты. В Постановлении Совета Министров СССР от 25 августа 1946 г. [39, с. 332—334] был разработан план строительства индивидуального жилья, ввод которого на 1946—1947 гг. составил 50 650 домов. Стоимость деревянного рубленого 2-комнатного дома с кухней составила 8 тыс. руб., каменного — 10 тыс. руб., 3-комнатного — 10—12 тыс. руб. Совет Министров СССР в распоряжении от 18.01.1947 г. № 383-р для решения вопросов, связанных с обеспечением жильем промышленных переселенцев, разрешил Приморскому и Хабаровскому крайисполкомам заготавливать деловую древесину объемом до 50 тыс. куб. м ежегодно [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5040. Л. 184]. Были разработаны и условия предоставления кредитов: для постройки 2-комнатного дома кредит давался на 10 лет, 3-комнатного — на 12 лет с взиманием 1% в год за пользование ссудой [37, с. 332—334]. Правда, в отличие от сельхозпереселенцев горожане погашали его в полном объеме самостоятельно за 10—12 лет.

Однако подавляющая часть мигрантов не спешила «строиться». Они ждали, когда им выделят квартиру или дом. На наш взгляд, причина этого явления заключалась в психологии «временщика», так как изначально они не были ориентированы на долговременное проживание в регионе. Те, кто за время работы так и не получил квартиру, покидали Дальний Восток. Из-за отсутствия жилья с предприятий и региона ежегодно выбывало до 90% рабочих и ИТР.

Планы по строительству жилья для семей промышленных переселенцев не выполнялись. Например, в Охотско-Аянском тресте Главамуррыбтреста в 1946 г. вместо запланированных 3 тыс. кв. м, построили 816 кв. м, или 27% [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 17. Д. 20. Л. 34]. Имевшийся в наличии жилищный фонд

представлял собой постройки летнего типа, но руководство треста приспособило его для проживания и в зимний период. Рабочие, которые получали предложение стать кадровыми сотрудниками, первым условием выдвигали требование переселить семьи в дом постоянного типа [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 25. Л. 176].

Иная ситуация складывалась в отношении рыбаков Сахалина. В 1947 г. начальник Переселенческого управления Л.Т. Дмитриев обязал начальника переселенческого отдела Сахалинской области Н.А. Воробьева «...добиться через Главсахалинрыбпром своевременной передачи и оформления актами в личную собственность бесплатно (!!! — выделено автором) рыбакам-колхозникам жилые дома с надворными постройками» [ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 34. Л. 8]. Государство при обеспечении кадрами отраслей народного хозяйства Дальнего Востока учитывало статус региона и отрасли, где трудились организованные мигранты. Если сельхозпереселенцам, прибывшим в дальневосточные колхозы, жилье переходило в собственность после того как они выплатят 50% стоимости дома (остальная часть оплачивалась за счет государственного бюджета), то колхозникам-рыбакам Сахалина стремились изначально передать дома и надворные постройки бесплатно.

Слабая закрепляемость была и среди рабочих, прибывших на предприятия лесной промышленности. Руководство лесоучастков не хотело решать социально-бытовые вопросы, особенно связанные с продуктовым обеспечением своих рабочих. Прокурор Чугуевского района Криволапов по результатам проверки в 1948 г. Улахинского леспромхоза (участок Дизгоу) подал в Приморскую крайпрокуратуру т. Скрипке докладную записку: «...семьи рабочих по два-три дня не видят хлеба». Было обнаружено 13 истощенных детей, двое из них из-за недоедания заболели туберкулезом [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 40. Л. 50].

Дефицит жилья, тяжелые условия труда, негативное отношение ответственных лиц к новоприбывшим и климатические особенности в местах поселения приводили к оттоку

населения с Дальнего Востока. Например, из Сахалинской области в 1946—1950 гг. выехало 185 тыс. чел., т.е. 34,5% от всех прибывших. Особенно высокой была доля оттока в 1950 г.: на 93,7 тыс. прибывших мигрантов выбывших было 51,6 тыс. чел. (55,1%) [27, с. 7—8].

О массовом выезде мигрантов из региона местные власти сообщали в Москву. В 1953 г. секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б) А. Ефимов и председатель Хабаровского крайисполкома В. Иванов направили председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову предложения о мерах по созданию постоянных кадров рабочих, служащих и специалистов — заменить существовавшую систему договоров с вербующимися: продлить срок работы с 1—3 лет до 5 лет, увеличить организованным мигрантам заработную плату на 25—100%, лицам, проработавшим в районах Крайнего Севера, выплачивать пенсии по старости в зависимости от стажа от 50% до 100% заработка, оплачивать силами организаций и предприятий один раз в три года проезд рабочих в отпуск и обратно [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 270. Л. 52, 56—57]. «Наверху» эти предложения не приняли, а отток населения продолжался.

Через систему организованных миграций на Дальний Восток попадали «случайные» люди, т.е. мигранты, которые в силу определенных условий не имели права использовать организованные формы переселения. Это ухудшало криминогенную ситуацию в регионе. Полковник Семенов из управления МВД по Сахалинской области в 1947 г. докладывал в обком и облисполком: «Среди прибывших по оргнабору 143 уголовника, 74 государственных преступника, 488 злостных неплательщиков алиментов» [26, с. 29]. В 1948 г. увеличилось прибытие людей с судимостью и преступников-рецидивистов. В три летних месяца 1948 г. (1948 г. — пик завоза переселенцев) рост преступности, например в Сахалинской области, составил 27,9%; было раскрыто 203 групповых уголовных дела. По заключению работников органов милиции, вербованные совершали больше преступлений, чем корейцы и японцы [42, с. 74].

Предприятиям и организациям Дальнего Востока необходимы были не только рабочие, но и специалисты. Их закрепляемость также вызывала обеспокоенность у местных властей. В 1946—1949 гг. получили направление в Хабаровский край 6,5 тыс. специалистов, которые должны были со временем вытеснить практиков. Однако за эти годы их было 4 тыс. чел., в том числе из колхозов 456 чел. (97,2%). Сельское хозяйство покидали агрономы (138 чел., 77,5%), зоотехники (74 чел., 79,5%), ветеринарные работники (72 чел., 93,5%). Механиков выбывало в два раза больше, чем прибывало: 75 чел. и 32 чел. соответственно [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 270. Л. 242]. Из направленных в 1947—1948 гг. в Приморье 93 фармацевтов и провизоров выехали за пределы края 74 чел. В Главкамчатрыбпроме в 1948 г. из 1270 руководящих работников желание уехать высказали 958 чел. (75,5%). Причины оттока молодых кадров, окончивших техникумы и вузы, были те же — низкая заработная плата и плохое бытовое обустройство. Например, фармацевт, имеющий диплом техникума, получал заработную плату 425 руб., и только через 5 лет ему полагалась надбавка 50 руб. Зарплата провизора, окончившего институт, составляла 550 руб. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 127. Л. 4—6; Д. 216. Л. 33]. Для сравнения: средняя заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве Приморья в 1945 г. составляла 570 руб. Низкие зарплаты были в аграрном секторе (318 руб.) и у работников торговли и общественного питания (384 руб.), наиболее высокие — на транспорте (740 руб.) и в промышленности (617 руб.) [13, с. 113]. Особенно негативно на закреплении кадров сказывалось отсутствие жилья. Так, в Хорольском районе провизор, занимавшая должность управляющего аптекой, в течение 8 месяцев проживала на кухне этой же аптеки. Уезжавшим в 1948 г. специалистам из Главкамчатрыбпрома государство и предприятия за три года работы так и не предоставили жильё.

Повышение заработной платы могло в определенной степени уменьшить их отток. Так, управляющий Приморским отделением аптечного управления Цукович предлагал восстано-

вить существовавшие до 1941 г. надбавки к окладу за выслугу лет и отдаленность, премиальную систему за лучшие показатели в работе, пересмотреть установленную в 1942 г. градацию в заработной плате, когда фармацевт получал столько же, сколько контролер; улучшить бытовые условия работников, особенно в селе (предоставить жилплощадь, обеспечить коммунальными услугами, огородами, семенами и т.д.) [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 127. Л. 4—6; Д. 216. Л. 33].

В 1949 г. руководитель сельхозуправления Хабаровского края М. Гарифов в справке на имя председателя крайисполкома В.И. Иванова заявлял о необходимости предоставить мужчинам отсрочку от службы в армии на 3 года. Введение этих мер, по мнению местных управленцев, должно было увеличить степень закрепления населения и трудовых ресурсов в регионе.

Большинство специалистов, получивших распределение на Дальний Восток, ранее проживали преимущественно в западных областях страны. Окончив вузы и техникумы в центральной части страны, они получали «направление» в восточные районы. Низкие заработки по сравнению с теми, на что они рассчитывали, нерешенная жилищная проблема, тяжелый и непривычный климат, который влиял на состояние здоровья, с одной стороны, и значительная отдаленность от родственников — с другой, также формировали психологию «временщика». Будучи осведомленными через своих близких и знакомых о более высоком материальном положении дипломированных кадров, работавших в местах их выхода, они принимали всевозможные меры, чтобы выехать из региона или хотя бы переселиться в города Дальнего Востока (даже обращались к врачам, чтобы получить заключение о противопоказаниях проживания в местных климатических условиях) [ГАПК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 270. Л. 243]. Следует заметить, что позже такие противопоказания имели до 20% мигрантов [Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 440]. Женщины-специалисты выходили замуж и оставляли работу по семейным обстоятельствам, мужчины выезжали в отпуск

и не возвращались [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 270. Л. 54, 243]. Стремление государства и местных властей сохранить и увеличить численность специалистов на Дальнем Востоке связано с расходованием на эти цели значительных финансовых средств. Например, сумма расходов по оплате проезда и суточных, выдаче единовременного пособия рабочим и специалистам, прибывшим в Хабаровский край в 1946—1949 гг., составила более 220 млн рублей.

Кроме перечисленных форм советское государство широко использовало принудительные миграции. Реализация миграционной политики принудительного характера начиналась с того, что выходил в свет указ, постановление или директива, а иногда и телеграфное распоряжение о начале очередной «кампании». Так, выселение из Прибалтики производилось на основании телеграфного распоряжения НКВД от 16 июня 1945 г., директивы МВД СССР от 10 декабря 1946 г., приказа МВД СССР от 18 декабря 1946 г. о выселении из Литовской ССР членов семей главарей и активных участников банд, постановления Совета Министров от 21 февраля 1948 г. о выселении из Литовской ССР членов семей бандитов и националистов, а также пособников бандитов — кулаков с семьями, постановления Совета Министров СССР о выселении из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов [43, с. 4—5].

27 декабря 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ № 115/114 «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». 22 августа 1945 г. вышла директива НКВД СССР № 140 о том, что на восток страны отправлялись все демобилизованные из рядов Красной Армии калмыки-офицеры, сержанты и рядовые. Всего более 6100 чел. [44, с. 436].

Действие ряда указов и определение в них географии расселения названных контингентов способствовали количественному росту жителей и трудовых ресурсов, особенно в районах с тяжелыми природно-климатическими условиями — на Колыме, Чукотке, Сахалине, Магадане, Воркуте (эти террито-

рии не входят в рамки нашего исследования), в меньшей степени — в Приморье, Хабаровском крае и Амурской области.

Численность принудительных мигрантов на Дальнем Востоке (в Приморье, Хабаровском крае, Амурской, Камчатской и Сахалинской областях) была небольшой. Так, на 1 января 1949 г. бывших кулаков насчитывалось 9435 чел. Структура этнических мигрантов была следующей. В 1945—1949 гг. здесь проживало 5785 выходцев из прибалтийских республик [11, с. 18—19]; немцев-спецпоселенцев⁹ — 9388 чел., жителей Молдавии — 1900 чел., выходцев из Северного Кавказа и Крыма — 310 и 297 чел. соответственно [45, с. 102]. Согласно данным Е.Н. Чернолуцкой, на 1 апреля 1945 г. в Хабаровском и Приморском краях насчитывалось 19 558 спецпоселенцев, на 25 октября 1946 г. — 19 400 чел. (в т.ч. 1220 чел. в Сахалинской области), в 1949 г. — 35 053 чел., 1950 г. — 62 557 чел., 1952 г. — 66 815 чел., в 1953 г. — 58 081 чел. [12, с. 130]. В структуре трудовых ресурсов принудительные мигранты не превышали 10% от числа занятых рабочих и служащих в народном хозяйстве Дальнего Востока. Они трудились в сельском хозяйстве, на угольных шахтах, предприятиях лесной отрасли и т.д.

Исходя из тезиса М.Б. Денисенко, что миграционная политика — это воздействие государства на формирование миграционного поведения человека [46, с. 55], можно отметить, что она касалась и принудительных мигрантов. Руководство страны рассматривало эти категории населения на Дальнем Востоке с точки зрения трудовых ресурсов. Однако мигранты-«указники» были не согласны с тем, что их заставляют жить и работать в этом регионе. Проявлялось это по-разному — от высказываний [43, с. 64, 81, 130—131] до бегства.

Одной из форм поведенческой реакции «спецпоселенцев» было их бегство. Так, в 1951 г. из колхозов Хабаровского края семь колхозников-спецпереселенцев «...применяли

---

⁹ Речь идет о советских немцах, выселенных в начале войны на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г.

свой кулацкий метод, спаивали председателя Фролова и счетовода Симонова... выбыли в неизвестном направлении». Информацию довели до сведения районного прокурора Марченко и начальника райотдела милиции Каптилова, но они ссылались на то, что у них «нет материала» к задержанию «указников» [47, с. 150—151].

Подобное явление наблюдалось у немцев. После того как им разрешили выезд к главам семей, начались массовые побеги к родственникам. Например, в Хабаровском крае из Селемджинского района в Верхне-Бурейский район сбежали 17 чел. к братьям и сыновьям, которые главами семей не являлись. Вместе с ними сбежали и те, кто родственников в этом районе не имел. Руководители предприятий и отдела милиции Селемджинского района, где работали немцы, обратились в милицию Верхне-Бурейского района с требованием вернуть их обратно и привлечь к ответственности. Начальник отдела Зинченко никаких мер не принял. Администрация предприятий писала: «...уже факт, что вопрос идет о немцах, самовольно выехавших из спецпоселка, должен бы заставить тов. Зинченко... стать на букву закона и наказать достойным образом виновных... Мы кадровых рабочих судим за прогул, а немцы в данном случае остаются безнаказанными» [47, с. 150—151]. Как нам представляется, данная ситуация носила массовый характер, поэтому она не вызывала быстрых и ответных действий со стороны тех, в чьи обязанности входил контроль за перемещением спецпоселенцев.

Вопрос закрепления на Дальнем Востоке трудовых ресурсов из числа принудительных мигрантов оставался актуальным до середины 1950-х гг. Так, 29 июня 1955 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев» [ГРАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 4], в котором говорилось о необходимости вовлекать их в общественную работу. На запрос из прокуратуры РСФСР о том, как проходит выполнение этого постановления, из Амурской области пришел ответ: «На территории Амурской области проживает 8896 спецпоселенцев. В основ-

ном они трудоустроены в лесную, угольную, золотую отрасли промышленности и сельском хозяйстве. Часть из них работала учителями, зоотехниками, ветработниками, в финансовых органах, торговле, медучреждениях».

Незначительная по численности группа была трудоустроена в колхозы — 1350 чел., членами колхоза были 1300 чел. Большинство из них обзавелись личным хозяйством, имели дома, коров и другое имущество. Как нам представляется, эти спецпоселенцы перешли в категорию постоянных жителей Дальнего Востока.

Спецпоселенцы показали себя трудолюбивыми и ответственными работниками, что было замечено как коллективами, так и руководителями предприятий и учреждений, где они трудились. На областную доску почета в г. Благовещенске было занесено 38 спецпоселенцев, 360 — отмечены в приказе и награждены грамотами, 45 чел. — выдвинуты на руководящую работу (мастера, бригадиры). Среди спецпоселенцев 38 чел. учились в вузах, 26 — в техникумах, 14 — в прочих учебных заведениях [Там же].

С помощью миграционной политики на Дальнем Востоке отчасти удалось решить поставленные задачи по демографическому укреплению дальневосточных рубежей и обеспечению отраслей региона рабочими. Государственными мерами, направленными на решение миграционных задач, стало введение в северных районах надбавок к заработной плате в размере 50% в 1945 г. и 20% в 1946 г., льгот по проезду и провозу багажа, единовременные выплаты организованным мигрантам привлекали население на Дальний Восток. Например, в Приморье в 1949 г. в населенные пункты края приехало 124,2 тыс. чел., в 1950 г. — 132,7 тыс., а всего с 1950 по 1955 г. прибыло 940,1 тыс. чел., прирост населения в Хабаровском крае в 1950 г. по сравнению с 1949 г. составил в 2,2 раза, или 36,6 тыс. чел. [27, с. 9]. Частичное решение задачи демографического укрепления Дальнего Востока способствовало увеличению доли дальневосточников в структуре трудовых ресурсов региона. Если в 1946 г.

в города и поселки городского типа региона прибыло 49,6% дальневосточников, то в 1950 г. — 59% [48, с. 96].

В первой половине 1950-х гг. в миграционной политике произошло некоторое смягчение способов ее реализации. Смерть И.В. Сталина изменила отношение руководства страны в первую очередь к крестьянам, основному «поставщику» трудовых ресурсов. В 1953 г. правительство пошло на снижение натуральных и денежных налогов на личные подворья в деревне. В результате этого мероприятия крестьяне меньше стали «убегать» в города, а естественный прирост сельского населения вырос. Однако этому процессу не дали закрепиться, так как уже во второй половине 1950-х гг. в сельском хозяйстве начался новый эксперимент, значительно повлиявший на развитие деревни в более поздний период.

Таким образом, советское государство стремилось сделать Дальний Восток для мигрантов привлекательным. С этой целью в 1945—1946 гг. были введены надбавки к заработной плате работавшим в регионе. Кроме повышения зарплат руководство страны использовало систему льгот в сельском хозяйстве (возможность приобрести жилье за половину его стоимости, продсуду, корову, птицу; освобождение от налогов на 5—10 лет) и в промышленности (более высокие заработки по сравнению с другими отраслями народного хозяйства). Особое внимание мигрантов акцентировалось на получении единовременных пособий и льготного (иногда бесплатного) проезда и провоза багажа до мест вселения. Однако в тех условиях оргмигранты не имели возможности получить сразу все, что им полагалось согласно постановлениям и другим документам. В первые послевоенные годы учет переселенцев не был налажен, поэтому выделенные средства на жилье, приобретение коровы и т.д. не покрывали их потребностей на эти цели. В результате начался отток добровольных мигрантов с Дальнего Востока, но подавляющая часть прибывших со временем закреплялась в регионе и переходила в категорию стабильного населения. Принудительные мигранты также частично «осели» в местах вселения.

1.4. Иностранные граждане как специфический источник пополнения трудовых ресурсов в СССР

В ходе Великой Отечественной войны Советскому Союзу был нанесен значительный материальный ущерб. Общие издержки СССР во Второй мировой войне составили 2 трлн 569 млрд руб., в том числе от прямого уничтожения и разграбления общественного и личного имущества — 679 млрд руб., бюджетные расходы на войну — 582 млрд руб., косвенные издержки (потеря доходов государственных предприятий, кооперации, колхозов и населения в результате оккупации) — 1 трлн 307,6 млрд руб. [49, с. 212]. Вопрос покрытия убытков возник у всех стран-участниц антигитлеровской коалиции.

На Крымской конференции были рассмотрены основные принципы взимания репараций с Германии. Советская сторона высказала предложение, что одной из форм репарационных платежей может стать германская рабочая сила [50, с. 156]. Хотя это предложение не было поддержано союзниками, но советское руководство, решая экономические задачи в своей стране, его реализовало. Оно рассматривало военнопленных как источник трудовых ресурсов в СССР еще в 1941 г., когда вышло «Положение о военнопленных» (01.07.1941), где были определены условия их содержания и использования [51, с. 128]. А двумя годами ранее (1939) была создана структура, известная как Государственное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), на которую возлагался контроль за трудоустройством, обеспечением жильем, продуктами питания, одеждой и медикаментами военнопленных и перемещенных лиц [52, с. 169].

Особенность политики по трудоустройству военнопленных заключалась в том, что ей придавалась еще и идеологическая функция, базировавшаяся на том, что ущерб и бедствия, нанесенные государствами-агрессорами в период оккупации Европы и Юго-Восточной Азии, можно искупить собственным трудом в СССР. Таким образом, эту категорию иностранных

граждан можно рассматривать, с одной стороны, как специфическую форму пополнения трудовых ресурсов, с другой — как составляющий компонент внешней миграционной политики.

4 июня 1945 г. Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление № 8921-сс «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных». В нем определялись процедуры распределения военнопленных по отраслям народного хозяйства страны. Согласно данному постановлению в Наркомат угольной промышленности «получили направление» 41 500 чел., в Наркомстрой — 30 750 чел., в Наркомат путей сообщения — 27 500 чел. Общее количество военнопленных, трудившихся в СССР, к этому времени достигло 2070 тыс. чел., в том числе 1300 тыс. немцев [53, с. 35].

Вторым составляющим элементом трудоиспользования иностранных рабочих стала мобилизация немцев из гражданских лиц. В своей записке «Обращение с Германией и другими вражескими странами в Европе», составленной 11 января 1944 г., заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов предложил мобилизовать немцев из числа гражданских лиц. Несколько позже посол СССР в Великобритании И.М. Майский направил В.М. Молотову записку «О желательных основах будущего мира», где предлагалось взимать с Германии репарации, в частности репарации трудом¹⁰ [54], в течение длительного срока (не менее 10 лет). При условии, что если среднегодовая численность трудообязательных составит около 5 млн чел., то общая сумма репараций на протяжении десяти лет может достичь 35—40 млрд долл. В датированном 27 июля 1944 г. документе, озаглавленном «Репатриации. Записка № 1», И.М. Майский считал «германский труд» более серьезным источником репарационных платежей, чем нату-

---

¹⁰ Под репарациями трудом понималась не только отправка немецких рабочих или военнопленных в страны-победительницы, но и принуждение их бесплатно работать на предприятиях своей страны по заданиям стран-победительниц.

ральные поставки. Суммарный объем репараций за указанный срок оценивался в 70—75 млрд долл. [55, с. 21].

Уже 24 ноября 1944 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия доложил Сталину о том, что в соответствии с его указаниями на территории освобожденных стран Восточной Европы силами оперативных работников НКВД СССР началась работа по предварительному учету проживавших там немцев с целью их трудовой мобилизации и депортации в СССР [55, с. 22].

16 декабря 1944 г. ГКО издал Постановление № 7161сс, согласно которому в СССР мобилизовали и интернировали из восточноевропейских стран всех трудоспособных немцев в возрасте от 17 до 45 лет мужчин, от 18 до 30 лет — женщин независимо от их гражданства. К 2 февраля 1945 г. мобилизация и отправка в СССР немцев из Балканских стран завершилась [56, с. 117]. Таким образом, политическое руководство СССР возложило на всех немцев, проживавших в Европе, ответственность за разрушения в стране, причиненные войной.

В начале 1945 г. советские войска проводили операции на территории самой Германии, где также объявлялась мобилизация «...всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет». В результате организационных мероприятий НКВД в 1945 г. в СССР их численность достигла 148 540 чел. [56, с. 118]. 23 декабря 1946 г. вышло очередное Постановление Совета Министров СССР № 2728-1124сс «О вывозе из Германии немцев, содержащихся в тюрьмах и лагерях», на основе которого в СССР доставили еще 27,5 тыс. чел., в том числе для работы на предприятиях Министерства угольной промышленности СССР — 15,5 тыс. чел., Министерства строительства топливных предприятий СССР — 12 тыс. чел. [56, с. 118].

Мы не станем останавливаться на аспектах по использованию в СССР рабочей силы из числа немцев — граждан иностранных государств, так как на Дальнем Востоке они практически отсутствовали: общая их численность (немцев и румын), например в Приморье, составляла всего около 1 тыс. чел. [13, с. 109]. Отметим, что советские офицеры,

опираясь на опыт по переброске немецкого военнопленного и гражданского населения, приобретенный в первой половине 1945 г., отработали механизм по направлению японских военнопленных.

В августе 1945 г. Советский Союз в соответствии с Ялтинскими соглашениями развернул боевые действия против Квантунской армии в Маньчжурии, которые обусловили появление в стране японских военнопленных. Совместными усилиями с офицерами СМЕРШа была проведена работа по выявлению и депортации высшего командования, а офицеры НКВД сначала взяли на учет офицерский, сержантский и рядовой состав Квантунской армии, после чего провели мероприятия по их доставке в СССР.

23 августа 1945 г. вышло постановление ГКО за № 9898сс «О приеме, размещении и трудовом использовании военных японской армии», а в шифровке № 3248 за подписью И.В. Сталина предписывалось 1-му Дальневосточному фронту (Мерецков и Штыков), 2-му Дальневосточному (Пуркаев и Леонов) и Забайкальскому (Малиновскому и Тевченко)

Фото 11. Эвакуация в тыл пленных японских генералов Квантунской армии советскими войсками

фронтам совместно с представителями ГУПВИ НКВД отобрать 500 тыс. японских военнопленных. Основным условием переброски в Советский Союз японских военнопленных было их хорошее физическое состояние. Предполагалось, что их будут привлекать на работу в отрасли, где постоянно не хватало кадровых рабочих, — на лесозаготовки, строительство (гражданское, промышленное, железнодорожное) и т.д. Перед отправкой в СССР из них формировали рабочие батальоны по 10 тыс. чел. в каждом [57, с. 55—56]. С августа 1945 г. в восточной части страны начали функционировать 19 лагерей для их временного содержания. С ростом числа поступавших японцев количество лагерей увеличилось до 49. Они располагались в Красноярском крае, Узбекской и Казахской ССР, Бурят-Монголии, на Дальнем Востоке. Советскими военными органами было взято на учет 639 776 солдат и офицеров Квантунской армии [58], из них японцев — 609 448 чел., китайцев — 15 934 чел., корейцев — 10 206 чел., монголов — 3633 чел., маньчжуров — 486 чел., русских — 58 чел., малайцев — 11 чел. [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 385. Л. 205; 59, с. 22].

Фото 12. Японские военнопленные
по пути следования в Чанчунь

Районом концентрации японских военнопленных первоначально был избран юг Дальнего Востока. В сентябре—октябре 1945 г., как сообщали заместитель начальника УНКВД по Приморскому краю подполковник Тимченко и начальник Отдела по делам военнопленных по Приморскому краю подполковник Кайдалов, в народном хозяйстве края могут быть размещены и трудоустроены 73 тыс. чел. Решением ГКО СССР от 22 августа 1945 г. за № 9898 и Бюро Хабаровского краевого комитета ВКП(б) от 31 августа 1945 г. в Хабаровский край подлежало завозу и размещению 65 000 военнопленных японцев (77,7%). На 1 января 1946 г. их численность достигла 66 954 чел., в лагерях ГУЛЖД и на других более мелких объектах находилось еще 161 294 военнопленных. Менее чем через год количество военнопленных сократилось до 159 712 чел. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 65. Л. 23—24].

Трудоиспользование военнопленных осуществлялось на основе планов. Предприятия, которые нуждались в трудовых ресурсах, делали заявки в свои наркоматы, а с 1946 г. — в министерства. Там «оценивали» внутриминистерские возможности перераспределения рабочей силы из их числа. Если такой резерв имелся, то их перебрасывали с одного предприятия на другое. При отсутствии резерва наркоматы (министерства) обращались в Совет Министров СССР, где готовились секретные распоряжения о передаче военнопленных из одного наркомата (министерства) в другое, сколько человек, в какие регионы, отрасли и на предприятия следует направить рабочих-военнопленных: на общегражданские строительные работы — 43%, строительство железных дорог — 30%, добычу угля и разработку недр — 14%, в промышленное производство — 11% [60, с. 188]. Они трудились на крупнейших предприятиях Дальнего Востока: в трестах «Приморскуголь», «Примзолото», «Хинганлес», «Хабаровскуголь», «Камчатлеспром», «Дальстрой» и др. [57, с. 55—56]. В рыбной отрасли их численность была незначительной. Так, в Камчатском госрыбтресте работало 774 японцев [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 122]. В целом по стране они отработали 400 млн человеко-дней [65, с. 188].

Многие руководители предприятий, расположенных на Дальнем Востоке, рассматривали военнопленных как способ решения проблемы дефицита кадров на предприятиях с тяжелыми производственными условиями, на которых текучесть была особенно велика. Военнопленные в отличие от орграбочих, которые со временем могли уехать или перейти на другие предприятия, оставались наиболее стабильными, хотя и временными рабочими кадрами. Выгодны они были и потому, что для них не надо было создавать социальную инфраструктуру: специально строить жилье, больницы, детсады и т.д.

У японских военнопленных, как и у других мигрантов, прослеживалось два разных «сценария» отношения к труду. В одних случаях они отличались законопослушностью и трудолюбием, выполняя и перевыполняя до 280% положенные нормы выработки¹¹ [60, с. 127]. Например, лагерь № 6 (Хабаровский край) в 1954 г. был награжден как лучший в строительстве. В отзывах современников прослеживается исполнительность военнопленных японцев: «...Хозяйственные органы «дерутся» за каждого военнопленного японца, видя в нем реальную рабочую силу», — говорил начальник одного из лагерей [СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 280. Л. 21; 61, с. 188]. В других случаях они не выполняли даже суточных норм. Например, в лагере № 9 НКВД (Приморский край) в период с 18 октября по 13 ноября 1945 г. план выполнялся в среднем на 40%. На замечания советских специалистов, начальника СУ № 1 Веленина и главного инженера Семенова, об их плохой работе японские офицеры заявляли, что «японский солдат не может работать лучше, так как он мало получает риса, и японский солдат думает не о работе, а о Токио, так как он пришел сюда не как военнопленный, а по воле императора, который решил помочь России строить» [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 65. Л. 36].

---

¹¹ Как указывает Е.Ю. Бондаренко, правительство СССР установило японским военнопленным нормы выработки на 20% меньше и запрет на работу при температуре ниже 50 градусов мороза.

В первые послевоенные годы на отдельных предприятиях Дальнего Востока военнопленные были самой массовой рабочей силой. В «Приморсклесе» в 1946 г. японские военнопленные составляли 91,2% от числа рабочих (2792 чел.). На шахтах объединения «Приморскуголь» из 2849 рабочих 2212 чел. (77,6%) также трудились японцы [60, с. 125]. Они были не только самой массовой, но и самой низкооплачиваемой рабочей силой. Например, на комбинате «Приморскуголь» заработок шахтера составлял в среднем за смену от 23,9 до 49 руб., у японского военнопленного — от 2,5 до 5,5 руб.; в леспромхозах Дальнего Востока — от 1,26 руб. до 10 руб. за смену, в то время как кадровый рабочий получал от 13 до 20 руб. [60, с. 127]. Столь низкие заработки отчасти отражали объективную сторону использования военнопленных: неэффективность принудительного труда. Это отражалось на экономических показателях. Вместо планируемой в конце 1945 г. прибыли в Министерстве угольной промышленности восточных районов СССР убытки составили 417 млн руб., в орсах и подсобных хозяйствах Министерства лесной промышленности — 58 млн руб. [37, с. 328].

Были случаи, когда японцы саботировали работы, а советский офицерский состав подобные действия не пресекал и даже способствовал тому, чтобы военнопленные не выполняли нормы выработки. В лагере № 9 НКВД (Приморский край) при установленном 8-часовом рабочем дне (с 9.00 до 18.30, обеденный перерыв с 13.00 до 14.30) реально составлял 5—5,5 часов. Конвой давал команду на построение для следования в лагерь не в 18.30 ч., а в 15.00 ч. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 65. Л. 37].

При распределении военнопленных по министерствам часть из них «попадала» на предприятия, выпускавшие продукцию оборонного значения. «Вчерашние» враги становились носителями секретной информации. МВД и МГБ СССР оказались вынужденными издать 2 апреля 1946 г. совместную директиву № 77/29 с «Разъяснениями о порядке использования на работе в промышленных предприятиях военноплен-

ных немцев и японцев» [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 385. Л. 205]. В соответствии с директивой пленным запрещалось допускать на объекты, где изготавливались взрывчатые вещества, боеприпасы, новые секретные образцы вооружения, на электростанции, в силовые цехи предприятий, на взрывоопасные участки работ, в лаборатории и мастерские оборонных НИИ и КБ, на склады и погрузочно-разгрузочные площадки для взрывчатых и легковоспламеняющихся веществ. На предприятиях Дальнего Востока этот запрет ввели спустя 5 месяцев. Начальник Хабаровского краевого управления сообщил Р.К. Назарову, что с 1 сентября 1946 г. «особо опасный контингент», к которому относились военнопленные японцы, «...на основные работы нефтяной промышленности допускаться не будут» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 162].

Однако недостаток рабочих рук в стране не позволил даже из вышеперечисленных отраслей полностью исключить труд военнопленных. 22 ноября 1947 г. МВД издало еще одну директиву (№ 198) «О снятии военнопленных с работ на военно-стратегических объектах и предприятиях, продукция которых представляет собой государственную тайну», которая также не всегда выполнялась [56, с. 117].

Военнопленные, как и другие категории мигрантов в СССР, нуждались, чтобы советская сторона хотя бы минимально обеспечила условия по их содержанию. Общие послевоенные трудности социально-бытового характера также их коснулись: холод и грязь в бараках, отсутствие бань, скученность и т.д. [62], т.е. условия содержания военнопленных и советских крестьян в период трудгужповинности ничем не отличались. Но военнопленным полагалась несколько большая пайка, чем крестьянам. Так, продуктовый набор, предназначенный им, отличался разнообразием. В ежедневную норму питания для военнопленных, работавших в тресте «Райчихуголь», в зависимости от физического состояния и места их трудоустройства входили мясо говяжье (от 50 до 150 гр), сало шпиг (от 10 до 33 гр), крупа манная (от 50 до 100 гр), картофель (от 0,9 до 1,5 кг) и т.д. Ежемесячная стоимость

питания на 1 чел. составляла от 130,5 руб. до 278,4 руб. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 28—29].

На начало 1946 г. в лагере № 18 (г. Комсомольск-на-Амуре) запас муки был на 50 дней, крупы — на 350, риса — на 156, мясопродуктов — на 70, рыбы — на 36 дней; выдано нарядами — на 26 дней, сахаром — на 19 дней, чаем — на 21 день, жирами — на 26 дней, овощами — на 56 дней, миссо — на 70 дней [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 8]. Правда, происходили срывы поставок, частично продовольствие расхищалось.

В стране действовала жесткая карточная система, обеспечивавшая людям лишь полуголодное существование. В.С. Дергачев, бывший инспектор учетного отдела лагеря № 153, расположенного в Нижнем Тагиле, вспоминал: «Кормили (военнопленных. — *Авт.*) сносно, но не стабильно. Узники ГУПВИ в полной мере ощутили на себе всю тяжесть повседневной жизни в советском плену. Набор продуктов был разнообразным. Военнопленным давали шоколад, масло, красную рыбу, сыр, но в мизерных количествах. Как правило, они это копили с тем, чтобы обменять их на что-то более существенное в столовой, например на макароны» [51, с. 130].

Фото 13. Раздача риса японским военнопленным

Формируя рацион питания из такого ассортимента, СССР демонстрировал определенный уровень «продуктового благополучия» в голодные послевоенные годы. Нормы продовольственного снабжения, введенные НКВД, которые по составу продуктов превосходили рационы кадровых рабочих оборонных предприятий, не выдерживались по разным субъективным причинам. Фактически эти продукты «отрывались» от советских граждан.

Обыденным для того времени явлением были задержки выплаты зарплат. На 1 января 1946 г. задолженность по стране составила 596 млн руб., на 1 апреля 1946 г. — 980 млн руб. [37, с. 328]. Для лагерей, где содержались военнопленные, это особенно было характерно. Например, 11 июня 1946 г. П. Соколов, временно исполнявший обязанности начальника управления МВД по Хабаровскому краю, сообщал Р.К. Назарову и Т.Г. Калининкову о том, что предприятия, которые используют на работах японских военнопленных, не производят расчетов с лагерями.

Общая задолженность предприятий Дальнего Востока на 1 апреля 1946 г. составила 8517,0 тыс. руб., в том числе завода № 83 им. Горького — 283,3 тыс. руб., Корфовского карьера — 135,8 тыс. руб., кирпичного завода № 1 Крайлеспрома — 80,8 тыс. руб., кирпичного завода № 2 — 87,9 тыс. руб., Хабгортоттреста — 79,2 тыс. руб. Задолженность лагерю № 18 (г. Комсомольск-на-Амуре) составила 2274 тыс. руб., лагерю № 16 (г. Хабаровск) — 2155 тыс. руб., лагерю № 3 (г. Райчихинск) — 900 тыс. руб. и т.д. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236]. Задержки на несколько месяцев денежных выплат оборачивались для военнопленных тем, что руководство лагерей не могло вовремя приобрести продовольствие, одежду, обувь, медикаменты, постельное белье. Например, в лагере для японских военнопленных № 18 (г. Комсомольск-на-Амуре) не хватало нательного белья, постельные принадлежности отсутствовали вообще, спали на голых нарах, в лучшем случае — на циновках. После вмешательства Р.К. Назарова в январе 1946 г. в лагерь направили 8 тыс. пар нательного белья, 10 тыс. пар

меховых ботинок. Простынями и наволочками снабжались только лазареты [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 27, 122].

Особое беспокойство советских контролирующих органов вызывало соблюдение санитарных норм жилья для военнопленных. Под жилье отводили склады, овощехранилища, другие хозяйственные и культурно-бытовые помещения, строились каркасно-засыпные бараки и землянки, но и их не хватало. В Камчатском Госрыбтресте под общежития для интернированных японцев были отведены бараки летнего типа, не приспособленные для жилья зимой. В Приморье использовали гаражи. Жилищный фонд Удыльского лагерного отделения (прииск Сомнительный) Хабаровского края обеспеченность жилой площадью составлял менее 1 кв. м на одного человека при установленной норме 2 кв. м, т.е. военнопленные пребывали в таких же условиях, что и советские орграбочие и мобилизованные на трудгужповинности. На трудоустройстве военнопленных не могло не сказаться их физическое состояние. Согласно решению ГКО № 9898 от 22 августа 1945 г. «...на территорию Хабаровского края подлежали заводу военнопленные японцы физически здоровые, годные к труду в условиях Дальнего Востока» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 42]. Однако около 70% прибывших военнопленных японцев болели сыпным тифом, туберкулезом, дистрофией [66], но смертность среди них была незначительной — 2,1%. Каждый пятый к началу 1946 г. относился к категории ослабленных [57, с. 55—56].

Смертность, простудные и инфекционные заболевания среди данной категории трудовых ресурсов заставили обратить внимание советского правительства на социально-бытовые условия содержания военнопленных. 12 ноября 1945 г. НКВД СССР издал директиву № 196 «О создании в лагерях НКВД для военнопленных японцев надлежащих условий быта, питания, медицинского обслуживания и правильного трудоустройства». Благодаря этому нормативно-правовому документу их положение несколько улучшилось, хотя по-прежнему оставалось тяжелым.

На 1 июня 1946 г. в СССР содержалось 2 038 374 военнопленных, в том числе 466 497 чел. из бывшей Квантунской армии; 1 758 877 чел. находились в лагерях, 174 700 чел. — в отдельных рабочих батальонах МВД СССР¹² и 105 375 чел. — в спецгоспиталях. На 20 декабря 1949 г., как сообщалось в справке начальника ГУПВИ генерал-лейтенанта И. Петрова, в СССР находилось еще 284 674 немцев [56, с. 119]. Таким образом, через 3,5 года в народном хозяйстве страны оставалось всего 14% от числа тех, кто прибыл в СССР к лету 1946 г. Использование такого количества военнопленных вносило много проблем в советскую распределительную систему. Кроме того, СССР выполнял и международные обязательства по содержанию военнопленных. Уже в 1946 г. на правительственном уровне высказывались предложения закончить репатриацию немцев и японцев к концу этого года. Однако в силу дефицита трудовых ресурсов в стране, особенно в отраслях, где они работали, решение вопроса о полной репатриации было отложено на неопределенный срок, хотя на протяжении всего периода их возвращали на родину небольшими партиями.

В начале 1950 г. вопрос об окончании репатриации военнопленных немцев и японцев возник снова. 5 марта министр иностранных дел А.Я. Вышинский и министр внутренних дел С.Н. Круглов представили И.В. Сталину проекты постановлений Совета Министров СССР и сообщений ТАСС об окончании репатриации немецких и японских военнопленных. Правда, эти проекты не стали документами, на основании которых их репатриировали бы в течение 1950 г. И только 19 апреля 1956 г. вышло Постановление Совета Министров СССР № 2284-рс о репатриации немцев. Вскоре подобный документ коснулся и японцев. 13 декабря 1956 г. вышел указ Президиума

---

¹² Фонды, посвященные работе отдельных рабочих батальонов МВД СССР в строительстве, лесной промышленности и т.д., уже переданы в Государственный архив Российской Федерации, но до сих пор не рассекречены.

Верховного Совета СССР об амнистии осужденных в Советском Союзе японских граждан. Передача последней группы японских военнопленных в количестве 1025 чел. состоялась 23 декабря 1956 г. в порту г. Находки [56, с. 120; 57, с. 61]. Таким образом, в 1956 г. в СССР закончился период принудительного использования военнопленных и репатриированных немецких и японских граждан.

Возвращение Южного Сахалина и Курил в состав территории СССР по итогам окончания Второй мировой войны сопровождалось развитием еще одного специфического направления во внешней миграционной политике Советского Союза — репатриации японского гражданского населения. Мы не будем рассматривать этот аспект, так как он достаточно исследован сахалинскими историками. Для нас японское население представляет интерес как источник трудовых ресурсов. На 1 августа 1946 г. в Южно-Сахалинской области насчитывалось около 300 тыс. японцев¹³ [63, с. 27]. Согласно постановлению правительства № 2235-921с от 4 октября 1946 г. к концу этого года вернуться на родину должны были 483 798 японцев. Ежемесячная их репатриация согласно установленной правительством квоты вывоза составила 30 тыс. чел. в месяц. Мероприятия по вывозу японского населения с Южного Сахалина начались в октябре 1946 г., а с Курильских островов — в сентябре 1947 г., к 20 августа 1947 г. в Японию вернулось 339 085 чел. [64, с. 216; ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 385. Л. 88, 203].

Вхождение Южного Сахалина в состав СССР сопровождалось вложением финансовых средств в экономику острова. В 1946 г. на проведение работ по капитальному ремонту, оборудованию жилых домов, гостиниц, школ

---

¹³ В отечественной литературе авторы, ссылаясь на разные источники, приводят разные данные. По данным А.Т. Кузина, численность японского гражданского населения на 2 февраля 1946 г. составляла 274 556 чел.; по данным В.В. Щеглова, на 1 июля 1946 г. — 305,8 тыс. японских подданных. Учитывая такой разрыв, мы присоединяемся к точке зрения В.В. Щеглова.

Фото 14. Японцы на Сахалине

и коммунальных предприятий и т.д. правительство СССР выделило 7900 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3636. Л. 1]. Однако выполнение плана освоения выделенных сумм было возможно только при условии наличия на Сахалине советских кадров. Вопрос обеспечения Сахалина трудовыми ресурсами оставался наиболее острым. К моменту прихода советских войск в южную часть Сахалина насчитывалось 132 тыс. трудоспособных, в том числе в сельском хозяйстве — 41,7 тыс. чел., в рыбной промышленности — 13,6 тыс. чел., в угольной промышленности — 26,9 тыс. чел., в других отраслях промышленности — 27,2 тыс. чел., на железнодорожном транспорте и связи — 10,5 тыс. чел. Численность служащих различных контор достигала 12,1 тыс. чел. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1854. Л. 52].

В условиях, когда шли организационные мероприятия по переселению советских граждан на Сахалин и Курилы, руководство СССР решило использовать японцев, ожидавших своей отправки на родину. 2 февраля 1946 г. Совнарком

СССР издал постановление № 263, продублированное 8 апреля 1946 г. Военным советом Дальневосточного военного округа, о выдаче временных удостоверений и прописке японского населения Южного Сахалина и Курильских островов. Привлечение японцев, особенно занятых рыболовством, лесодобычей и сельским хозяйством, было связано с тем, что у них был собственный инвентарь, который давал возможность не простаивать предприятиям, включенным в систему народного хозяйства СССР.

В октябре 1948 г. Сахалинский облисполком принял решение о прекращении самовольного перемещения японцев и корейцев по острову. По установленному порядку разрешалось прописывать только тех, кто представлял справки с места работы, свидетельствовавшие об их трудовой занятости [64, с. 216]. Несмотря на попытку местных властей в лице Гражданского управления провести такой учет, значительная часть японского населения «...проживала без прописки, в целях спекуляции разъезжала по территории острова», уклоняясь таким образом от общественного труда. Распоряжением № 1 Гражданского управления Южного Сахалина контроль за выходом на работу японских подданных первоначально возлагался на губернатора Южного Сахалина Оцу Тосио. В этом же документе оговаривался порядок привлечения японского гражданского населения [5, с. 9].

Советское государство стремилось обеспечить рабочей силой предприятия, имевшие союзное значение. Постановлением Военного совета Дальневосточного военного округа от 22 февраля 1946 г. на рыбную путину было привлечено 9 тыс. чел. из числа японского неработающего населения «...в порядке платной трудоповинности». Принудительный характер труда на советских предприятиях и в учреждениях провоцировал японцев на уклонение от работы. Чтобы их не послали на рыбную путину, некоторые даже пытались давать взятки врачам в сумме 2—3 тыс. руб. за освобождение от мобилизационных работ. Но, как пишет Е.И. Савельева, в основном трудоспособное японское население было привлечено

Фото 15. Заседание Южно-Сахалинского управления по гражданским делам. Справа налево: начальник управления Д.Н. Крюков, заместитель начальника по политической части П.А. Богачев и заместитель начальника по торговле В.Г. Яковлев, 1945 г.

Фото 16. 1 мая 1946 г. (Сахалин)

к работе на советском производстве [63, с. 27]. Хотя в данном случае использование этой группы населения нельзя считать миграционными мероприятиями, но оно тесно увязано с двумя другими аспектами в миграционной политике — с репатриацией и обеспечением рабочей силой отраслей народного хозяйства.

Основной формой регулирования отношений между советской властью в лице Гражданского управления и японцами были трудовые повинности, в которые вовлекались и подростки. В переходный период на Сахалине советское руководство привлекало японцев на должности обслуживающего персонала административного управления по гражданским делам [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1894. Л. 159]. При использовании японских специалистов устанавливались особые оклады. Так, заработная плата обслуживающего персонала колебалась от 301 до 375 руб. [ГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 2. Л. 30]. Японская интеллигенция находилась в привилегированном положении:

Фото 17. Начальник Южно-Сахалинского областного управления по гражданским делам Д.Н. Крюков (слева направо), его жена и первый заместитель А.О. Емельянов. Тоёхара, 1945 г.

для врачей, учителей, инженеров, работавших в учреждениях, священнослужителей, переводчиков устанавливались повышенные нормы выдачи риса и сахара [Там же. Л. 20—25]. Высоко оценивался труд переводчиков — от 600 до 800 руб., а среднемесячная заработная плата советских рабочих и служащих на Сахалине составляла 638 руб. [ГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 23. Л. 32а, 57—58].

Трудности послевоенного времени коснулись и японцев. Так, заработная плата выдавалась им, как и советским гражданам, с большой задержкой. Возникали перебои в обеспечении продовольствием. В некоторых случаях это приводило к конфликтам между японцами и корейцами [СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 438. Л. 45; Д. 353. Л. 39], что составляло особую сферу внимания советских управленцев. В своих служебных записках в августе 1946 г. начальник управления Министерства внутренних дел по Южно-Сахалинской области А. Узликов писал: «...на известковых шахтах... подрядчики и бригады-японцы не выдавали рабочим шахт (корейцам. — *Авт.*) рисовые карточки, из-за чего они не могли получать рис для питания, а также с марта месяца не выдавали зарплату, вследствие чего в мае рабочие в количестве 70 человек отказались работать, избили бригадиров и подрядчика... Японцы умышленно им (корейским рабочим. — *Авт.*) не выдавали рисовые карточки и зарплату, поясняя, что им русские не дают...» [64, с. 209]. Из этого донесения складывается впечатление, что советским органам власти не всегда удавалось установить полный контроль над японцами и корейцами.

Широкое использование граждан иностранных государств противоречило объемам ежемесячной их отправки на родину (30 тыс. чел.). Д. Н. Крюков, ставший председателем Сахалинского исполкома, по причине дефицита рабочей силы в области в июле — августе 1947 г. запретил сосредоточивать репатрируемых японцев в специализированных лагерях. Он надеялся на то, что в ближайшее время в правительство будет представлен новый проект постановления по сокращению ежемесячных темпов репатриации с 30 тыс. до

10 тыс. чел. На местном уровне были приняты меры по сокращению численности репатрируемых. Д.Н. Крюков, даже несмотря на приход кораблей из Японии, запретил направлять японский контингент в лагерь Маока (г. Холмск). Поэтому в июле вместо 30 тыс. чел. было отправлено 25 518 чел., а в августе вместо намеченных 20 тыс. чел. только 10 тыс. чел. Таким образом, требования органов репатриации не срывать план отправки японского гражданского населения Д.Н. Крюков не выполнил. В этом его поддерживали советские руководители предприятий и организаций, так как, по сообщению заместителя председателя облисполкома Егорова, «...репатриация в таких количествах вызовет полную остановку всех предприятий» [64, с. 218]. Документ, о проекте которого говорил Д.Н. Крюков, так и не вышел в свет, поэтому отправка японцев на родину возобновилась по плану.

Однако Совет Министров СССР, принимая во внимание дефицит рабочих рук, признал возможным заключать трудовые договоры с японцами и корейцами, изъявившими желание работать на предприятиях Сахалинской области. На них распространили советскую систему оплаты труда и нормы снабжения продовольственными и промышленными товарами, установленные для аналогичных категорий отечественных работников [64, с. 211—212, 216—231].

К 1949 г. почти всё проживавшее на Курилах и Южном Сахалине японское гражданское население было репатриировано. В СССР остались 25 тыс. корейцев, вывезенных из Кореи в период японской оккупации, но которых японские власти отказались репатриировать на родину. Советское руководство, решая задачи восстановления численности советских граждан и попутно демографического укрепления Сахалина, разработало комплекс мероприятий по предоставлению гражданства оставшимся на острове корейцам. С этой целью 14 апреля 1948 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О политической и культурно-просветительской работе среди корейцев, занятых в промышленности Дальнего Востока», согласно которому из Узбекистана и Казах-

стана 74 советских корейца, депортированных в 1930-е гг., были направлены для работы в Хабаровский край. Среди них: 4 лектора обкома и горкома ВКП(б), 26 директоров и зам. директоров по политической и культурно-просветительной работе, 2 сотрудника корейской газеты (один из них главный редактор), 1 заведующий отделом радиокомитета [РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1547. Л. 5]. Их усилиями проводилась политико-агитационная работа и лектории среди корейцев, работавших и проживавших на Дальнем Востоке. Они разъясняли преимущества социализма, роль партии в коммунистическом строительстве, помогали изучать труды Сталина, историю ВКП(б) и т.д. Ежедневно в течение 45 минут проводилось радиовещание на корейском языке. В этих передачах советские дикторы рассказывали о международной обстановке, информировали о ходе рыбной путины, работе лесной промышленности и др.

Советское государство через миграцию специализированных кадров решало и другие задачи. После присоединения Сахалина к СССР перед государством стояла задача сделать корейское население, привезенное в период японской оккупации, частью советского общества. В числе организационных задач стояло открытие школ, где могли обучаться корейские дети. К приходу советских войск они обучались в японских школах. В Гражданское управление поступали просьбы о создании школ на корейском языке. В течение сентября 1945 г. было открыто две школы, к концу 1945 г. планировалось открыть еще 5 школ [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1584. Л. 54]. Решение этого вопроса было затруднено из-за отсутствия учительских кадров. В 1949 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 1672-605с, нацеленное на развитие образования среди корейцев Дальнего Востока, где указывалось, что необходимо отправить еще 28 учителей-корейцев, в том числе из Узбекистана — 20 чел., Казахстана — 8 чел., и «...произвести частичную передвижку учителей этой национальности из северной в южную часть острова» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 367. Л. 81]. Таким образом, советское руководство

создало условия для перехода корейцев в советское гражданство. Численность граждан СССР увеличилась на 25 тыс. чел.

Недостаток кадровых рабочих в добывающих отраслях Дальнего Востока обусловил развитие нового направления в советской миграционной политике — «вербовку» иностранных рабочих из некоторых социалистических государств. Следует заметить, что в 20—30-е гг. на Дальнем Востоке сезонные рабочие из числа китайских граждан были распространенным явлением. И если в довоенный период они прибывали самостоятельно, то в 1945 г. — впервые прибывали на условиях двусторонних договоров между правительствами СССР и других государств.

В послевоенное время сложились новые отношения между СССР и группой азиатских государств социалистической ориентации — с КНР и КНДР. Советское руководство оказывало им различного рода помощь: предоставление долгосрочных кредитов, поставки оборудования и т.д. Например, кредит правительству КНР составил 300 млн долл. США [65, с. 492, 504]. После окончания войны в Корее советское государство выделило КНДР безвозмездно для восстановления народного хозяйства, разрушенного войной, 1 млрд руб. Было поставлено советского оборудования на сумму 500 млн руб. [66].

В СССР обучались корейские и китайские специалисты, советские специалисты выезжали в КНДР и КНР готовить кадры на местах. Например, около 100 инженеров и техников из СССР, работая 1946—1947 гг. в КНДР, подготовили 124 директора, провели обучение 1763 бригадиров, мастеров, техников и 15 тыс. рабочих из местного населения [67, с. 38].

В условиях слаборазвитой экономики и послевоенной разрухи безработица в Северной Корее и Китае достигла высокого уровня. СССР в рамках двусторонних соглашений приступил к вербовке рабочих из этих стран. Таким образом, советская сторона решала двуединую задачу: первая — обеспечить предприятия добывающих отраслей промышленности Дальнего Востока рабочей силой, вторая — снизить социальную напряженность в этих странах. 17 ноября 1945 г. вышло

постановление СНК СССР № 2921-860сс о привлечении по вербовке на предприятия золотой, вольфрамово-молибденовой и оловянной отраслей промышленности Наркомцветмета до 50 тыс. китайских рабочих, в том числе в Бурят-Монгольскую АССР (3 тыс. чел.), Читинскую область (14 тыс.), Иркутскую область (7 тыс.), Красноярский край (4 тыс.) и на Дальний Восток (11 тыс. чел.) [ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1404. Л. 153; Д. 236. Л. 63]. Во внутреннем распоряжении Наркомцветмета на Дальнем Востоке были определены два основных треста, где работали китайцы — «Амурзолото» и «Приморзолото». По сведениям УНКГБ по Хабаровскому краю С.А. Гоглидзе, на 1 марта 1946 г. на предприятиях этих трестов трудилось 11,5 тыс. китайцев, из них 1,5 тыс. чел. — на Сахалине, в «Приморзолоте» — 4 тыс. чел., в том числе 800 чел. из числа военнопленных китайцев [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 219. Л. 1—4; Оп. 3. Д. 236. Л. 63]. Срок их пребывания советское правительство определило не менее чем три года. В эти годы обеспечение государственной безопасности СССР усложнялось тем, что Вторая мировая война закончилась всего 2 месяца назад, но в приграничных с советским Дальним Востоком Китае и Корее развернулись новые войны. Естественно, в этих условиях вербовка и прибытие китайцев находились под контролем органов УНКГБ. Переход границы проходил по специальным разрешениям, выданным Советским консульством в Харбине.

Советское государство, предполагая, что кто-то из вербованных, находясь в СССР, может выполнять и другие обязанности, установило жесткий контроль за их пребыванием. В декабре 1945 г. начальник Главного управления милиции НКВД СССР А. Галкин предлагал выдавать китайским рабочим виды на жительство сроком на один год с последующим ежегодным продлением. Администрация предприятия и местные органы милиции передавали в краевые/областные управления милиции документы и фотокарточки. Готовые виды на жительство возвращали в местные отделы милиции и вручали под расписку иностранным рабочим. Анализ документов, находящихся

в Государственном архиве Российской Федерации, позволяет отметить, что за основу, предложенную А. Галкиным, была взята система контроля за пребыванием иностранцев, действовавшая в Германии в 1937—1944 гг. [ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1404. Л. 153].

О выдаче видов на жительство начальники автономных республиканских, краевых и областных управлений милиции сообщали в Главное управление милиции списками, в которых отмечали сведения о разрешении на въезд в СССР, номер и серию выданного вида, дату его оформления, срок действия и место работы вербованного. Списки высылались один раз в квартал. О последующем продлении сроков их действия сообщали извещением в Главное управление также один раз в год.

Ответственность за своевременное предоставление информации, прописку и обеспечение режима проживания, перемещения в другие области и края, в случаях смерти (с предоставлением свидетельства о смерти), скрывшихся (в соответствии с приказом НКВД СССР № 00932 от 1943 г.) и выдачу виз на выезд возлагалась на начальников горрайотделов отделений милиции, на территории которых они работали. Выдача виз о выезде на родину производилась на основании национального паспорта и отсутствия возражений со стороны администрации предприятия, где они работали [ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1404. Л. 155]. Иногда эта система давала сбои, причины которых заключались в несогласованности действий между структурами. Так, уход Красной Армии из Маньчжурии сделал технически невозможным выдать нужное количество документов для всех прибывавших в СССР китайцев. Поэтому на советской границе спустя нескольких дней их пропустили через погранпункты Пограничный (Приморский край) и Сахалин (Маньчжурия), но по заранее составленным Министерством цветной металлургии спискам. По прибытии к месту работы китайским рабочим должны были выдать консульские разрешения, однако этого не случилось. В милиции, куда обращалось руководство предприятий, на которые прибыли китайцы,

консульские разрешения выдать отказались. В апреле 1946 г. Министерство обратилось уже в МИД с этой же просьбой для 500 рабочих, которые уже нескольких месяцев трудились в трестах «Амурзолото» и «Приморзолото». В таком же положении в Хабаровском крае оказались еще 520 рабочих. В это же время в Сахалине (Хэйхэ) завербовали еще 400 рабочих. Возникла угроза неполучения вида на жительство. И только летом 1946 г. они получили консульские разрешения.

Китайских граждан вербовали исключительно на старательские работы. Перед тем как приступить к работе, им выдали возвратный аванс. Например, первая группа китайских рабочих (189 чел.), прибывшая в Приморье, получила 16 тыс. гоби¹⁴ [ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1404. Л. 160, 163, 167]. Оплата труда китайцев производилась за фактически сданное золото. В Китай старатели переводили часть заработка (до 20%), но не более 10 золотых рублей в месяц, или зачислялись на их валютный счет в Госбанке с возможностью последующего перевода. Старатели должны были отработать не менее 300 дней в год [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 63].

По окончании Второй мировой войны на Дальнем Востоке между СССР и Северной Кореей установились тесные политические и экономические отношения. В 1946 г. появились двусторонние соглашения о привлечении в рыбную промышленность Дальнего Востока северных корейцев, в 1947 г. для работы на предприятия региона было завезено 35 тыс. граждан КНДР. Они получили «направление» на Камчатку (16 300 чел.), Нижний Амур и Охотское побережье (7900 чел.), Курилы (6800 чел.), Южный Сахалин (4000 чел.) [ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1404. Л. 163]. В Приморском крае работало 3814 корейцев, в том числе в рыбной отрасли (1499 чел.), на предприятиях цветной металлургии (1650 чел.), лесной и строительной промышленности (665 чел.) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 95. Л. 70].

---

¹⁴ В документе указано: «...выдано 16 тыс. гоби». Этот термин можно перевести как «национальная валюта».

Всего 38 814 чел. Вместе с ними должны были прибыть около 30 тыс. членов их семей, однако сезонным рабочим ввозить своих иждивенцев советская сторона не разрешила [ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1404. Л. 172]. Набор рабочих в КНДР проводился на основании трудовых договоров сроком от одного года до трех лет. В целях закрепления корейских рабочих, в том числе сезонных, на более длительные сроки в соответствии с Постановлением Совета Министров от 2 июня 1948 г. при заключении трехлетнего договора им выплачивалось единовременное пособие в размере 900 руб.; «сезонники», заключившие договор на меньший срок, такими льготами не пользовались [13, с. 107]. Общие затраты на их вербовку составили 60 млн руб. в корейской валюте¹⁵ [64, с. 230].

Министерство морского флота по согласованию с Министерством рыбной промышленности восточных районов СССР обеспечивало перевозку из портов Кореи в дальневосточные пункты. Организация перевозки мигрантов из Северной Кореи имела много общего с перевозкой китайцев: пересечение границы производилось на основании виз, а проживание — по видам на жительство. Но были некоторые отличия. Так, при въезде в СССР с китайских мигрантов, согласно Постановлению СНК СССР № 598 от 29 апреля 1942 г. «О госпошлине», взималась пошлина в размере 15 руб. Такую же сумму они платили за получение и продление вида на жительство [ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1404. Л. 175], корейские рабочие такой госпошлиной не облагались.

---

¹⁵ Согласно данным Е.Ю. Бондаренко, для работы в рыбной промышленности Дальнего Востока в Северной Корее было завербовано 21 226 рабочих, в том числе Главкамчатпром — 12 936 (60,9%), Главсахалинрыбпром — 5440 чел. (25,6%), ГлавАмуррыбпром — 2850 чел. (13,5%). Общая сумма затрат на отpravку завербованных корейских рабочих для советской стороны составила 8 194 872 руб. (Бондаренко Е.Ю. Трудовые интернациональные связи дальневосточников с народами зарубежных стран в период строительства социализма в СССР (1938—1960 гг.). Препр. Владивосток, 1989. С. 9.

Трудовые мигранты из КНДР имели право производить денежные переводы семьям в пределах 50% заработка, а по окончании действия трудового договора — единовременный обмен советской валюты на корейскую по справкам директоров предприятий. В 1947 г. такие обменные пункты действовали в Петропавловске-Камчатском, Северо-Курильске, Южно-Сахалинске, Александровске-Сахалинском, Владивостоке, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре. Вхождение в советскую действительность для корейцев, особенно в первые послевоенные годы, проходило крайне сложно. С одной стороны, незнание русского языка создавало трудности в общении, с другой — безразличие, а порой жестокость ответственных лиц приводили к тяжелым последствиям. В 1948 г. начальник УМГБ по Хабаровскому краю С. Гоглидзе сообщал Р.К. Назарову о фактах систематического избиения корейцев работниками администраций предприятий, расположенных на Нижнем Амуре (например, директоров рыбозаводов № 7, 16, 25). Поводы были незначительными. Например, директор 7-го рыбозавода Самоленко избил рабочего за то, что тот не вышел на работу в выходной день, а мастер Сомов — за то, что рабочая-корейка неправильно укладывала сельдь для засолки.

Работники партийных органов, на которых в первую очередь возлагалась политико-агитационная работа с корейцами, относились к ним еще хуже. Секретарь парторганизации Ульбейского рыбокомбината Тепляков в октябре 1947 г. трое суток продержал в холодной бане трех корейцев за то, что они требовали теплую одежду, которая им полагалась. А секретарь комсомольской организации рыбозавода № 28 Сергиенко в феврале 1948 г. нанес ножевое ранение корейцу [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 26. Л. 50]. В апреле 1949 г. в общежитии Сопочного рыбокомбината Камчатской области между корейцами и советскими гражданами возникла драка. Будучи в состоянии алкогольного опьянения рабочий Фролов выстрелом из охотничьего ружья убил корейского рабочего и ранил корейскую девочку [РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1547. Л. 1].

Корейцы жаловались вышестоящему руководству, однако виновные лица из администрации законные требования корейцев пытались выдать за антисоветские выступления. Например, в празднование нового 1948 года в леспромхозе Силинском корейские рабочие оставались голодными в течение двух дней по вине ответственного лица Киреева, о чем они собирались рассказать приехавшему 2 января 1948 г. заместителю директора Ковалеву. Киреев вызвал группу вооруженных солдат, заявив им, что корейцы выступили против советского руководства [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 30. Л. 81—82]. Много жалоб со стороны корейцев было на бытовое обустройство. Корейцы жили чаще всего в бараках, не приспособленных к нормальным (по санитарным нормам того времени) жилым условиям: скученность, семейные жили в одних помещениях с холостыми. Отсутствовали кухни, еду готовить было негде. В бараках не было столов, умывальников, вместо кроватей — многоярусные нары. Люди не посещали баню месяцами, что приводило к росту заболеваний сыпным тифом. Такая ситуация была на Камчатских рыбозаводах, предприятиях лесной промышленности в Приморье [РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1547. Л. 3; РГАСПИ. Ф. 17. Д. 95. Оп. 132. Л. 3—70].

Неблагополучная санэпидемиологическая обстановка стала причиной выхода в свет совместного Приказа министра рыбной промышленности Восточных районов СССР и министра здравоохранения РСФСР № 24/20 «Об улучшении санитарно-бытового обслуживания работников рыбной промышленности Восточных районов Союза ССР и предупреждении эпидемиологических заболеваний» от 21 января 1948 г., согласно которому администрация предприятий должна была обеспечить бесперебойную работу бань и прачечных, наличие «неснижаемого 3-месячного запаса топлива и мыла» [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 67. Л. 34].

Однако, несмотря на все трудности пребывания корейских рабочих на Дальнем Востоке, часть из них после окончания трудовых договоров на родину не возвращалась, а переходила в другие отрасли народного хозяйства, нарушая

пограничный режим, расселяясь по всей территории Сахалинской области [64, с. 232] и Камчатки. Советские органы не смогли предотвратить это явление. Например, на Камчатке граждан КНДР нанимали на подсобные работы в воинские части. Секретарь Камчатского обкома ВКП(б) Т. Калинин в постановлении от 7 марта 1951 г. констатировал: «На предприятиях Главкамчатрыбпрома не принято мер к закреплению корейских рабочих, по-прежнему допускается самовольный уход рабочих с рыбокомбинатов в другие организации... и ничего не сделано по возвращению на рыбокомбинаты корейских рабочих, самовольно покинувших предприятия». Руководителям предприятий и учреждений предписывалось до 1 апреля 1951 г. «...уволить всех незаконно принятых на работу корейцев и направить их в распоряжение Главкамчатрыбпрома» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 266. Л. 49].

Неконтролируемое использование на предприятиях северных корейцев имело место и в других районах Дальнего Востока. В 1949 г. начальник пограничных войск Сахалинского округа полковник Губин писал: «Исходя из интересов безопасности Государственной границы... и использования иностранной разведкой корейцев, необходимо отселить с Курильских островов (Сикотан, Сибоцу, Кунасири, Итуруп) всех корейцев» [64, с. 232—233].

В 1948 г. истек срок действия договоров. Корейцам, которые зарекомендовали себя в работе с лучшей стороны (например, на предприятиях Охотско-Аянского Госрыбтреста основная часть корейских рабочих выполняла норму на 100—150%), предложили перезаключить договоры еще на один год. Подавляющее большинство высказалось за то, чтобы вернуться на родину [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 30. Л. 77]. В то же время свыше 2,5 тыс. корейцев изъявили желание принять советское гражданство и остаться жить на советском Дальнем Востоке. Их просьбы были удовлетворены [72, с. 9].

Северокорейские рабочие трудились на предприятиях рыбной промышленности (на Сахалине) на протяжении 10 лет. В 1958 г. правительство КНДР потребовало возвращения на

родину всех своих граждан. 5 июня 1958 г. вышло в свет распоряжение Совета Министров СССР об обязательной отправке корейских граждан на родину. К решению этого вопроса были привлечены различные министерства и ведомства, в том числе Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР, Министерство морского флота, Министерства финансов, торговли, здравоохранения, а также Приморский совнархоз. В 1958—1959 гг. через контору Дальпромхозов на родину было отправлено 10 527 северокорейских рабочих [68, с. 9].

На некоторое время привлечение рабочих из соседних стран решило проблему дефицита неквалифицированной рабочей силы в добывающих отраслях. Это был один из первых опытов привлечения иностранцев на работу в дальневосточный регион по договору. Численность рабочих, завербованных в КНДР и КНР для работы в СССР, была незначительной, но в условиях начала оттока населения с Дальнего Востока эта группа для ресурсно-добывающих отраслей оказалась важной.

Таким образом, источниками пополнения рабочей силы на Дальнем Востоке были иностранные граждане как из числа военнопленных, так и вербованных. Рассматривая их в качестве трудовых ресурсов, следует отметить, с одной стороны, высокие расходы на их содержание, с другой — тяжелые материально-бытовые условия, ставившие всех иностранцев в одинаковое положение с советскими гражданами.

* * *

Развитие миграционной политики в СССР в послевоенные годы шло с учетом целей и задач, связанных с заселением территорий, имевших особый статус (Калининградская и Сахалинская области), советскими гражданами и обеспечением предприятий союзных министерств рабочей силой, дефицит которой наблюдался повсеместно. Это обусловило разработку механизма привлечения трудовых ресурсов. Было выделено несколько источников: из числа советских граждан, оказав-

шихся в 1941—1945 гг. за границей (военнопленные, угнанные в Германию принудительно, беженцы), собственное население (в том числе демобилизованные), подданные бывшей Российской империи, проживавшие в Европе, Китае и других странах, иностранные граждане. В соответствии с источниками трудовых ресурсов советское государство формировало систему органов, отвечавших за выполнение поставленных задач.

Руководство СССР разработало мероприятия по переброске, привлечению и использованию как советских, так и иностранных граждан, в основу которых были положены принципы, широко применявшиеся в довоенный период: мобилизационно-побудительные (добровольные) формы переселения (сельхозпереселение, оргнабор, направление специалистов) и директивно-распределительные (принудительные миграции и направление молодых специалистов к месту работы). В отношении иностранных рабочих также использовались добровольные формы переселения (переход в советское гражданство завербованных рабочих и корейцев, оставшихся жить на Сахалине после окончания японской оккупации острова) и принудительные (военнопленные).

Для привлечения добровольных мигрантов в определенные регионы и отрасли страны была разработана система льгот по проезду, провозу багажа, выплате подъемных, обеспечению жильем и т.д. Приток трудовых ресурсов через оргнабор и переселение зависел от степени значимости отрасли. На Дальнем Востоке располагались предприятия союзных министерств — лесной, рыбной отрасли и др.

Попутно решалась и другая задача. Переселение в Приморский, Хабаровский края, Амурскую и Камчатскую области руководство страны связывало с демографическим укреплением приграничной территории. Внутренняя миграционная политика сталинского типа достигла высокой эффективности в вопросах разработки и контроля за перемещениями собственных граждан. В этом случае миграционная политика сводилась к переселенческой.

Проблему кадрового дефицита в регионе государство решало с учётом довоенного опыта принудительных миграций. Из бывших военнопленных Красной Армии формировались рабочие батальоны. Спецпоселенцы работали в различных отраслях Дальнего Востока.

Иностранных военнопленных в годы войны использовали в тех отраслях, где текучесть кадровых рабочих была особенно велика — в добывающих (лесная, угольная, строительная). Из-за низкоэффективного их труда уже через год советское правительство вынуждено было решать вопрос о репатриации всех военнопленных. Однако окончательная их передача произошла в 1956 г.

Новым направлением во внешней миграционной политике стала разработка механизма по привлечению иностранных рабочих. Используя систему оргнабора, на предприятиях рыбной, лесной, золотоплатиновой и полиметаллической промышленности привлекались граждане КНР и КНДР.

Таким образом, в послевоенный период обозначились следующие цели и контуры послевоенной модели миграционной политики. Демографическое укрепление приграничных, особенно вновь приобретенных территорий, тесно увязывалось с обеспечением их трудовыми ресурсами. Решение осуществлялось с помощью репатриации советских граждан из-за рубежа и предоставления советского гражданства гражданам других государств. Привлечение и использование иностранных граждан на основе межправительственных соглашений стало дополнительным источником трудовых ресурсов.

В первое послевоенное десятилетие советское государство приобрело опыт одновременно перераспределять население внутри страны, принимать советских граждан из других государств, предоставлять советское гражданство лицам, не имевшим его, привлекать и использовать иностранную рабочую силу в отраслях промышленности, имевших союзное значение и в трудодефицитных районах страны.

1. Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М.: Наука, 1978.
2. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты / пер. с англ. Е.С. Гёссен. М.: Русский путь, 1996.
3. Земсков В.Н. Рождение второй эмиграции (1944—1952) // <http://www.history.tuad.nsk.ru>
4. Христофоров В.С. Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отеч. архивы. 2001. № 6.
5. Вапук А.С., Крушанова Л.А. Мобилизационные формы пополнения трудовых ресурсов в СССР в 1945—1950 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 1.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941—1945 гг. // Крымская конференция руководителей трёх союзных держав СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.): сб. документов. М.: Политиздат, 1984. Т. 4.
7. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.
8. Россия и её регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. М., 2005.
9. Абдрашидов Э.В. Отношение к военнопленным в России и СССР в первой половине XX в. // Вестн. Челябин. ун-та. Серия 1. История. Челябинск, 2002. № 1.
10. Материалы по истории русского освободительного движения: сб. статей, документов и воспоминаний / под общ. ред. А.В. Огорокова. М., 1999. Вып. 4.
11. Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е — начале 50-х годов (о роли спецконтингентов). Препр. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1993.
12. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в послевоенный период (1945—1950-е гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Серия: Отечественная история. Владивосток: Дальнаука, 2006. Т. 13.
13. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002.
14. Аблажей Н.Н. Миграционный обмен России (СССР) и Китая: основные этапы и тенденции развития в XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 3.

15. Чернолуцкая Е.Н. Российская реэмиграция из Китая Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 2.
16. Пискунов С.А. Центральные и дальневосточные переселенческие органы: 1950-е — середина 1960-х гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке: науч.-теорет. журнал. Хабаровск, 2005. № 4(8).
17. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство. М.: Ин-т российской истории РАН, 2001.
18. Голод и государственная политика (1946—1947 гг.) // Отеч. архивы. 1992. № 6.
19. Вапук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40-х—80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998.
20. Приморский край: крат. энциклопед. справочник. Владивосток, 1997.
21. Шитиков А.П. Наш орденосный Хабаровский край. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1967. 239 с.
22. Карамышева Л.Д. Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства Дальнего Востока в послевоенные годы (1946—1950) // Крестьянство Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979.
23. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. В 2 т. М.: Изд-во Мысль, 1978. Т. 1.
24. Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х — 60-е гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997.
25. Горбачёв О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х—1960-е годы // Вопр. истории. 2003. № 2.
26. Гапоненко К. Вслед за уходящим днём: Очерки о сахалинских переселенцах: 1946—1952 годов. Южно-Сахалинск: Сахалин. областная типография, 1998.
27. Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке (40—60-е годы). Препр. Владивосток, 1991.
28. Пискунов С.А. Организация учета плановых переселенцев дальневосточными советскими органами в 50-е — середине 60-х гг. XX в. // Аграрное развитие Дальнего Востока: история и современность: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию первого сплава по Амуру под руководством Н.Н. Муравьева-Амурского. Благовещенск: ДальГАУ, 2005.

29. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990.
31. Подсчитано авт.: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 127. Л. 60.
30. Костяшов Ю.В. На колхозном собрании: Штрихи к истории заселения Калининградской области в 1946 году // Вопр. истории. 2003. № 9.
31. Ващук А.С. Борьба с космополитизмом в СССР и решение еврейского вопроса // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций: сб. статей. Владивосток: Дальнаука, 2004.
32. Оцу С. Советский рынок труда. Анализ японского специалиста: пер. с яп. М., 1992.
33. Миграция населения РСФСР: сб. статей. М.: Статистика, 1973.
34. Ткачева Г.А. Принудительный труд в дальневосточном регионе. 1941—1945 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 4.
35. Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940—1950-х годах // Отечественные архивы. 1993. № 1.
36. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930—1959 гг.) // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. тр. М., 1994.
37. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов за 50 лет. М.: Политиздат, 1968. Т. 3.
38. Герасимова Л.А. Проблемы организации сельскохозяйственных переселений на юге Дальнего Востока во второй половине 1940-х—1950-е годы // Восьмая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток, 26—29 апреля 2004 г. Владивосток: ДВО РАН, 2004.
39. Пискунов С.А. Жилищное строительство для переселенцев на Дальнем Востоке в 50—60-е годы XX в. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке с древнейших времен до начала XX в. Материалы междунар. науч. конф., 17—18 мая 2004 г. Благовещенск, 2004.
40. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998.
41. 58¹⁰. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об анти-советской агитации и пропаганде: Аннотированный каталог. Март 1953—1991. М.: Международный фонд «Демократия» 1999. 944 с.
42. Щеглов В.В. Изд-во ЮСИ ЭП и И Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск, 2002. 149 с.
43. Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940—1950-х годах // Отеч. архивы. 1993. № 1.

44. Пашков А.М. Калмыки-спецпереселенцы на Сахалине: Политические и демографические аспекты // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: История, экономика, культура. Третьи Крушановские чтения. 2006. Владивосток: Дальнаука. С. 436—438.
45. Селезнева Е.Ю. Особенности формирования трудовых ресурсов Дальнего Востока в период 30-х—начала 50-х годов // Российский рынок труда: новации, проблемы, перспективы развития: сб. материалов. 2-я междунар. науч.-практ. конф. Пенза: РИО ПГСХА.
46. Денисенко М.Б. и др. Миграциология. М.: МГУ, 1989.
43. 58—10. Надзорные производства прокуратуры СССР.. С. 64, 81, 130—131.
47. Крушанова Л.А. Отношение принудительных мигрантов Дальнего Востока к своему статусу в 1946—начале 1950-х гг. // Дальний Восток: наука, образование. XXI в. // IV Крушановские чтения: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (15—15 сентября 2005 г.). Комсомольск-на-Амуре, 2005. Т. 1.
48. Ермакова Э.В. Рабочий класс Дальнего Востока в послевоенные годы: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1967.
49. История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12 т. Т. 11. Поражение милитаристской Японии, окончание Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1980.
50. Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны, 1941—1945 гг.: сб. документов. В 6 т. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. 302 с.
51. Поршнева О.С. Повседневность плена: иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле (1943—1949 гг.) // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2003. № 2.
52. Безбородова И.В. Иностранные военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД—МВД СССР в послевоенный период (1945—1953) // Отеч. история. 1997. № 5. С. 165—173.
53. Смыкалин А.С. Иностранные военнопленные на территории Урала в 1942—1956 гг. // Российский исторический журнал. 2001. № 1.
54. Об этом см. подробно: СССР и германский вопрос. 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. М., 1996.

55. Полян П. Вестарбайтеры: Интернированные немцы на советских стройках // Родина. 1999. № 9.
56. Полян П. Интернированные немцы в СССР // Вопросы истории. 2001. № 8.
57. Бондаренко Е.Ю. Военнопленные: Формирование и деятельность управления по делам военнопленных и интернированных НКВД—МВД СССР на Дальнем Востоке России (30—50-е годы XX в.) // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 4.
58. В разных источниках данные не совпадают. Одни исследователи приводят цифру 600 тыс. чел., другие — 593 900, третьи — 594 000 чел., В.П. Галицкий — 639 635 чел., из которых 65 245 чел. освобождены непосредственно на фронтах в период с августа по декабрь 1945 г. // Всемирная история. Т. 10. М.: Мысль. 1965; Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6; Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Воен.-ист. журнал. 1991. № 4; История Второй мировой войны 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1980. Т. 2; Финал. Ист.-мемуар. Очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1969; Японский милитаризм: (воен.-ист. исследование). М.: Наука, 1972.
59. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945—1956 гг.). Иркутск, 1997.
60. Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914—1956). Владивосток, 2002.
61. Капуэси Я. Японские интернированные как иностранные рабочие в Сибири // Мост через Амур: Внешние миграции, иммигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. материалов междунар. исслед. конф. М.; Иркутск, 2002.
62. Букин С.С. Немецкий этнос в Сибири (русский вариант) // <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>.
63. Савельева Е.И. От войны к миру (гражданское управление на Южном Сахалине. 1945—1947 гг.) // Сахалин, Курилы: на рубеже веков. Южно-Сахалинск, 2002.
64. Кузин А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы: документ.-ист. очерк. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, 1993. 368 с.
65. Экономическая жизнь СССР: хроники событий и фактов. 1917—1959. М., 1961. 780 с.

- 66. Известия. 1953. 20 сент.; 1955. 31 мая, 8 сент.; 1958. 7 мая, 31 дек.; 1959. 18 марта.
- 67. Почтарев А. Н. Из истории советско-корейских отношений в 20—50-е годы // Новая и новейшая история. 1999. № 5.
- 68. Бондаренко Е. Ю. Трудовые интернациональные связи дальневосточников с народами зарубежных стран в период строительства социализма в СССР (1938—1960 гг.). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1989. 22 с.
- 69. РГАСПИ (Российский гос. арх. социально-политической истории).
- 70. РГИАНИ (Российский гос. арх. новейшей истории).
- 71. СЦДНИ (Сахалинский центр документации новейшей истории).
- 72. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
- 73. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
- 74. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
- 75. Архив Института экономических исследований ДВО РАН.

Глава 2. Изменения в миграционной политике СССР на Дальнем Востоке в середине 1950-х — 1970-е гг.

2.1. Внешние и внутренние факторы развития миграционной политики

В первой половине 1950-х гг. в международной обстановке отмечалось дальнейшее ухудшение отношений между группой социалистических стран во главе с Советским Союзом и капиталистическими во главе с США. После освобождения от японской оккупации Кореи и Китая здесь развернулись освободительные войны. СССР тогда был единственным государством, которое оказывало им всестороннюю помощь, в том числе и военную.

СССР, признав Китайскую Народную Республику как независимое государство, 14 февраля 1950 г. заключил с КНР Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. В 1951 г. было подписано соглашение об открытии прямого железнодорожного сообщения [1, с. 492, 504]. В течение 1952—1959 гг. появились протоколы и соглашения о том, что СССР берёт на себя обязательства по оказанию технической помощи, обучению китайских студентов. Были достигнуты договоренности о проведении в бассейне р. Амура совместных научно-исследовательских работ, а также о свободном торговом судоходстве советского и китайского речного флота на пограничных и смежных с ними речных путях по Амуру, Сунгари, Черному Иртышу и оз. Ханка [1, с. 516, 554, 593, 628].

С 1945 г. военно-политическое взаимодействие между СССР и КНДР было одним из факторов, влиявших на советскую региональную миграционную политику. В отличие от

Китай, который в течение нескольких лет выбирал путь социально-экономического и политического развития, руководство КНДР изначально ориентировалось на организацию советского типа хозяйствования.

Развернувшаяся война в Корее дестабилизировала международную обстановку на Дальнем Востоке. Советское правительство и партийное руководство пытались воспрепятствовать распространению конфликта различными способами, о чем было много написано специалистами в области международных отношений [2, с. 335—336]. После завершения военных действий на Корейском полуострове СССР начал оказывать экономическую и техническую помощь КНДР. На переговорах, проходивших в Москве в течение длительного времени (1952—1959), были достигнуты соглашения по вопросам оказания экономической помощи, обучения граждан КНДР в высших гражданских учебных заведениях в СССР, о научно-техническом сотрудничестве на 5 лет и т.д. [3, с. 89].

После окончания Второй мировой войны возникла необходимость в заключении мирного договора между Японией и рядом стран. Изначально процесс разработки договора находился под контролем США. 10 июня 1951 г. правительство СССР направило ноту правительству США, где были изложены принципы, на основе которых может быть разработан справедливый всесторонний мирный договор. Но она осталась без внимания. В частности, Советский Союз допускал, что не будет выполнено требование о передаче Южного Сахалина и Курильских островов СССР [4, с. 11].

Американский проект мирного договора предполагал, что в подготовительной конференции будет участвовать 11 стран (члены Дальневосточной комиссии). Но в то же время проект не предусматривал единогласия четырех государств — СССР, США, Англии и Китая, и давал возможность не учитывать мнение СССР или Китая в случае их несогласия с американскими предложениями. В силу этого американский проект вызвал резкий протест со стороны СССР, а также Китая,

КНДР, Индии и Индонезии. В конечном итоге переговоры по мирному договору были сорваны [4, с. 12].

США и Англия подготовили «свой» окончательный вариант Сан-Францисского мирного договора и разослали его другим странам с приглашением направить делегатов на конференцию по вопросу о заключении мирного договора с Японией. Несмотря на протесты СССР, КНР, КНДР и некоторых других государств, конференция по заключению мирного договора с Японией открылась 4 сентября 1951 г. в Сан-Франциско. Чтобы участники не имели времени для всестороннего обсуждения статей договора, срок работы конференции был ограничен — с 4 по 8 сентября [4, с. 15]. В ней приняли участие делегации из 52 стран мира, создав лишь видимость представительности. При этом ведущие державы Азии — Китай, КНДР, Монголия и Вьетнам — не участвовали. В знак протеста в конференции отказались участвовать Индия и Бирма, которые считали, что в договоре должны быть предусмотрены обязательства Японии по выплате репараций [5, с. 220].

Советский Союз принял участие в этой конференции. Обсуждая проект мирного договора, делегат от СССР А.А. Громыко внес ряд важных поправок. Было предложено включить в договор восемь новых статей, возлагавших на Японию обязательства «устранить все препятствия возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа», не допускать возрождения милитаристских организаций и др. Эти предложения поддержали делегаты Польши и Чехословакии. Несмотря на внесенные поправки, СССР не стал подписывать этот вариант мирного договора. Часть делегатов, солидаризировавшись с СССР, также отказалась подписать предложенный проект. Однако «механическое большинство» союзников США (49 государств из 52 прибывших) проголосовало за его принятие [5, с. 221—222].

Отсутствие мирного договора между СССР и Японией на несколько лет затормозило развитие двусторонних отношений. С уходом кабинета С. Иосиды в отставку (1954 г.), новый

кабинет во главе с лидером И. Хатояма выступил за нормализацию отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Противники нормализации отношений Японии с СССР препятствовали этому процессу, используя территориальный вопрос — неосновательные претензии на часть Курильских островов (Хабомай, Шикотан, Кунашир и Итуруп), переданных Советскому Союзу после войны [5, с. 224—225]. В документе, подготовленном для проекта мирного договора, оговаривалось, что Япония соглашается с решениями союзных держав, но в то же время подчеркивалось, что ей не хотелось бы отказываться от Южного Сахалина и Курильских островов. В ноябре 1950 г. США опубликовали так называемые семь принципов мирного договора с Японией, где указывалось: «Япония соглашается с будущим решением союзных держав — СССР, Китая, США — в отношении положения Тайваня, Пескадорских островов, Южного Сахалина и Курильских островов». С. Иосида против этого толкования не протестовал [4, с. 17].

В январе 1955 г. Советский Союз, идя навстречу Японии в вопросах ликвидации состояния войны, предложил начать переговоры о заключении мирного договора. 5 февраля 1955 г. правительство И. Хатояма сообщило, что оно готово вступить в переговоры, настаивая, чтобы они состоялись в Нью-Йорке. В результате обмена нотами в течение трех месяцев местом проведения переговоров был избран Лондон.

Однако начало переговоров откладывалось из-за «территориального вопроса». Позиция японского правительства сначала положить конец состоянию войны, а затем решать спорные вопросы вскоре сменилась другой: сперва решить спорные вопросы, затем установить дипломатические отношения. В числе спорных вопросов было возвращение островов Хабомай и Шикотан.

1 июня 1955 г. начались переговоры в Лондоне. «Камнем преткновения» стали Курильские острова. Однако требование о передаче двух островов (Хабомай и Шикотана) дополнилось включением в этот список еще двух — Кунашира и Итурупа.

Необоснованные территориальные претензии Японии привели к тому, что переговоры не состоялись.

В 1956 г. СССР вновь предпринял попытку подписания мирного договора между СССР и Японией. С января 1956 г. возобновились встречи представителей СССР и Японии в Лондоне. Японская сторона продолжала выдвигать неприемлемые для Советского Союза требования. 20 марта 1956 г. переговоры были прерваны. 12 октября 1956 г. полномочная японская делегация во главе с премьер-министром Хатояма вновь возобновила переговорный процесс. 19 октября 1956 г. была подписана Советско-японская декларация. Важным ее результатом стало прекращение состояния войны между Советским Союзом и Японией, между ними восстанавливался мир и добрососедские отношения. К сожалению, декларация не привела к появлению нового международного документа — мирного договора.

В 1960—1970-х гг. внешнеполитический курс Японии по-прежнему был тесно увязан с США. Основой международного военного сотрудничества между США и Японией оставался «договор безопасности» от 1951 г. Согласно этому договору предусматривалось военное присутствие США на Японских островах с его полицейско-охранительными аспектами. По официальным данным, численность вооруженных сил США летом 1975 г. достигала около 52 тыс. чел. Другой стороной этого присутствия являлось прикрытие для наращивания и совершенствования японского вооружения [6, с. 4; 7, с. 43].

В 1960 г. по инициативе Вашингтона между Японией и США был заключен новый «договор безопасности». В нём исключалась статья о «подавлении внутренних беспорядков» размещенными в Японии войсками США, но подтверждалось их дальнейшее присутствие. Наряду с этим договор предусматривал дальнейшее увеличение вооруженных сил и участие Японии в «зоне Дальнего Востока», которая согласно официальному японскому «разъяснению» включала Китай, Корею и советское Приморье [8, с. 14].

В 1966 г. на конференции в Сеуле, проходившей под эгидой США, при активном участии Японии и Южной Кореи, был создан Азиатско-Тихоокеанский совет (АЗПАК), в состав которого вошли Япония, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, Тайвань и Южный Вьетнам. Можно назвать причины создания нового блока. Прежний блок СЕАТО, созданный в 1954 г. [9], оказался нежизнеспособным¹⁶ и не мог оказать реальной помощи США в ведении войны во Вьетнаме.

Ведущее положение в этом блоке заняла Япония. После принятия доктрины Никсона значение Японии усилилось. И вот почему. Дело в том, что все государства, вошедшие в этот блок, были экономически слабыми. По мнению американских политиков, Японии належало взять бремя расходов по оказанию экономической помощи союзникам США, чтобы те в свою очередь могли создать условия для наращивания собственных вооруженных сил и в дальнейшем участвовать в военных конфликтах вместо американских войск [8, с. 25]. Таким образом, складывались предпосылки для втягивания Японии в международные вооруженные конфликты, каким стала война во Вьетнаме.

Косвенным участником, но сыгравшим не последнюю роль в этой войне, была Япония. В течение всего периода ведения войны на Индокитайском полуострове она не только поддерживала политику США, но стала их главной тыловой базой. Для нужд американских и сайгонских вооруженных сил Япония направляла машины и оборудование. Общая сумма японского экспорта в Южный Вьетнам в 1964 г. составила 34 млн долл., а в 1969 г. — уже 233 млн долл., т.е. увеличилась в 7 раз. Общая сумма военных заказов Пентагона, выполненных японской промышленностью в 1965—1972 гг., достигла 4,5 млрд долл. Кроме этого, японское правительство пре-

---

¹⁶ В состав блока вошли Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Таиланд и Пакистан. В дополнительном протоколе к договору указывалось, что его действие распространяется на Лаос, Камбоджу и Южный Вьетнам.

доставило сайгонскому режиму безвозмездную помощь, займы и кредиты на льготных условиях [8, с. 23].

1970-е гг. вошли в историю как время глубоких политических перемен, происходивших на Дальнем Востоке и в зоне Тихого океана. Основная причина такого положения в регионе была в том, что изменился как политический, так и экономический статус Соединенных Штатов.

В эти годы Япония сделала заявку на роль лидера. Экономические успехи вывели ее в число мировых лидеров. Восстановление прав на Окинаву в 1971 г. символизировало ликвидацию реликтов оккупационного статуса и подталкивало Токио к «окончательному подведению итогов Второй мировой войны», элементом которого было урегулирование отношений с КНР и Советским Союзом. Японская внешняя политика была направлена на восстановление перворазрядного положения страны в мировом сообществе.

Обобщенным выражением этой тенденции являлась выдвинутая правительством Какуэя Танака концепция «многополюсной дипломатии». В ней можно выделить три основных компонента — новый курс Токио в отношении Китая, СССР, а также стран Ближнего Востока.

Стремясь оказаться на полшага впереди США, японское правительство в 1972 г. нормализовало отношения с КНР. Однако в отличие от США оно сразу же установило полные дипломатические отношения с Пекином, разорвав официальные связи с Тайванем и признав правительство КНР «единственным законным правительством Китая», а сам Тайвань — «неотъемлемой частью КНР».

В 1973 г. премьер-министр Японии Какуэй Танака прибыл в Москву, где вёл переговоры с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным относительно окончательной нормализации советско-японских отношений. Идея японской стороны состояла в том, чтобы вернуться к условиям Совместной декларации 1956 г., предусматривавшей заключение мирного договора и передачу Токио двух из четырех островов южной части Курильской гряды. Со своей стороны японское правительство было готово

к существенному расширению экономического сотрудничества с СССР в освоении сырьевых ресурсов Дальнего Востока и Сибири. Обсуждались планы, включавшие проект совместной эксплуатации тюменских нефтяных месторождений с последующей поставкой нефти в Японию по нефтепроводу, который специально для этой цели планировалось построить на кредиты японской стороны. Токио предполагал, что Москва так или иначе дезавуирует свое заявление 1960 г. об одностороннем отказе от выполнения условий Совместной декларации 1956 г. в связи с перезаключением в 1960 г. нового японо-американского договора безопасности.

Как представляется, принятие предложения Токио о расширении экономического сотрудничества было бы правильным решением, поскольку это могло не только компенсировать потери, связанные с поворотом КНР и США к сдерживанию СССР на основе параллельных усилий, но и снизить шансы дипломатической изоляции Москвы в обстановке, когда в Пекине настойчиво напоминалось о необходимости выступления против гегемонии некой державы, под которой понимался СССР. Советское руководство упустило этот шанс. Предложения К. Танака были отклонены. Неудача не прошла бесследно для судьбы правительства К. Танака и способствовала росту влияния сил, считавших более перспективным направлением японской внешней политики китайское, а не советское [10]. Сложный характер взаимоотношений СССР с Японией и США актуализировал внутреннюю дальневосточную политику, связанную с демографическим укреплением региона.

Внимание советского руководства к проблеме демографического укрепления приграничных территорий в 1960-х гг. было вызвано также усилением международной напряженности во Вьетнаме и на советско-китайской границе. В 1962 г. в Южном Вьетнаме началось наращивание военных контингентов США. Первоначально в этой части страны присутствовало 6,5 тыс. американских военнослужащих, но в 1967 г. их численность достигла 500 тыс. чел., а ежегодные военные расходы составили 500 млн долл. [5, с. 51].

В августе 1964 г. США начали открытую интервенцию во Вьетнаме [11, с. 77—82]. В феврале 1965 г. военные действия велись на территории всего государства. Это событие в СССР расценили как вооруженную конфронтацию двух мировых систем. В советской печати было опубликовано заявление ТАСС, в котором агрессивные действия США квалифицировались как попытка расширить сферы американской интервенции и вооруженных действий. Поэтому защита Демократической Республики Вьетнам рассматривалась соотечественниками как интернациональный долг.

В феврале 1965 г. Вьетнам посетила советская делегация во главе с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным, а спустя два месяца вьетнамская делегация, возглавляемая лидером Вьетнама Ле Зуаном, приехала в Москву. В результате визита был достигнут ряд договоренностей, в том числе по увеличению поставок из СССР военной техники, различного оборудования, необходимых для укрепления обороны Вьетнама. Правительство Советского Союза выразило готовность оказать дополнительную безвозмездную помощь [12, с. 152].

Перевозка грузов для Вьетнама осуществлялась через порты Дальнего Востока. В 1970 г. из общего объема перевозок из СССР во Вьетнам на долю Дальневосточного морского пароходства приходилось 83%. Из портов Тихоокеанского побережья СССР в 1965—1973 гг. 900 судов ДВМП доставили 2,7 млн т различных грузов, в том числе 2 млн т продовольствия.

Оказание помощи проходило в очень сложных условиях. Советские суда подверглись бомбардировкам американских вооруженных сил. Во время нападения на теплоход «Туркестан» 2 июня 1967 г. от полученных ран погиб электромеханик Н.Н. Рыбачук, были тяжело ранены еще 6 членов экипажа. 29 июня 1967 г. в порту Хайфон подвергся бомбардировке пароход «Михаил Фрунзе». 4 января 1968 г. американская авиация совершила налет на теплоход «Переславль-Залесский», получивший значительные повреждения.

Советский народ оказывал Вьетнаму психологическую поддержку. Акции охватили все слои населения Дальнего Востока. Из дальневосточных портов во Вьетнам отходили «корабли дружбы», «корабли образования», совершались «рейсы мужества», «рейсы солидарности» и т.д. Многие экипажи советских судов, обеспечивавшие перевозки грузов во Вьетнам, были занесены в «Золотую книгу почета» [8, с. 30—34].

Война во Вьетнаме крайне негативно отразилось на самих Соединенных Штатах. Правящие круги были вынуждены пойти на мирное политическое урегулирование индокитайской проблемы. Госсекретарь США Г. Киссинджер признал следующее: «Конфликт во Вьетнаме расколол страну в большей мере, чем другое событие со времен гражданской войны в Америке» [13].

27 января 1973 г. в Париже подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Американские военнослужащие покинули Вьетнам.

В июне 1973 г. и в ноябре 1978 г. состоялся официальный визит в СССР делегации коммунистической партии Вьетнама и правительства СРВ во главе с Ле Зуаном. Итогом этих встреч стали принятые Советским Союзом обязательства по оказанию Социалистической Республике Вьетнам политической, экономической, научной и культурной помощи. В частности, СССР вел реконструкцию многих промышленных объектов, железной дороги между Ханоем и Хо Ши Мином, порта Хайфона и других объектов. Так, по состоянию на 1 января 1974 г. силами Советского Союза было реконструировано и восстановлено свыше 160 промышленных предприятий, госхозов, учебных заведений и других объектов. Наиболее важные из них — Ханойский механический завод, выпускавший фрезерные, сверлильные, токарные станки, запасные части к автомобилям и тракторам и другие виды оборудования; ГЭС Тхакаба, ТЭС Уонгби, апатитовый рудник Лаокай, комбинат по добыче и переработке оловянной руды Тинтук, рыбодобывающий завод в Хайфоне, нефтехранилища, фабрика медицинских препаратов в Ханое, суперфосфатный завод в Ламтхао [14, с. 36].

Военная агрессия КНР против Вьетнама в 1979 г. обусловила появление советской военной базы Камрань. 17 февраля части Народно-освободительной армии Китая перешли границу с Вьетнамом и через месяц боев с ополченцами близко подошли к вьетнамской столице. На экстренно созванном заседании политбюро ЦК КПСС было принято решение направить в Пекин спецпредставителя с ультиматумом «китайским гегемонистам». Пока китайская армия штурмовала окопы вьетнамских ополченцев, части Забайкальского военного округа проводили на советско-китайской границе учебную «психическую атаку», а корабли Тихоокеанского флота взяли курс на Желтое и Южно-Китайское море. В Пекине, желая избежать столкновений с СССР, приняли решение вывести из Вьетнама свои войска.

В результате 2 мая 1979 г. правительства СССР и Социалистической республики Вьетнам подписали Соглашение об использовании Камраня как пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) 15-й оперативной эскадры Тихоокеанского флота сроком на 25 лет. В зону ответственности эскадры входили южная часть Тихого океана и весь Индийский океан. ПМТО нужен был СССР и как противовес американской ВМБ Субик-Бей (Филиппины). Аэродром в Камрани активно использовали советская противолодочная авиация и самолеты-разведчики, здесь имелись мощный ретранслятор, хорошая ремонтная база, станция электронного слежения.

Первый состав ПМТО (50 чел.) прибыл на полуостров Камрань в апреле 1980 г., а вскоре с Вьетнамом был заключен контракт на строительство объектов в счет безвозмездной помощи СРВ с советской стороны. База в Камране просуществовала до 1998 г. [15].

Советско-китайские отношения в рассматриваемый период также являлись фактором, определявшим направление в развитии региональной миграционной политики. Общая протяженность российско-китайской границы на Дальнем Востоке и в Забайкалье составляет 4325 км. На долю Приморского края приходится 1145 км, в том числе 1074 км — на

сухопутную и речную границу, расположенную в Хасанском, Октябрьском, Уссурийском, Пограничном, Ханкайском, Кировском, Спасском, Пожарском районах, в городах Лесозаводске и Имане (Дальнереченск). Накануне советско-китайского конфликта в приграничной полосе располагалось 319 населенных пунктов, в том числе 150 — в непосредственной близости от границы [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 3. Д. 28. Л. 50].

Пекин приступает к разработке собственных теорий развития международных отношений в Восточно-Азиатском регионе наподобие американских доктрин. Популярной в те годы была концепция о «сверхдержавах», «малых и средних» странах. Разработка и выдвижение этой «теории» вызваны следующими факторами. В годы «культурной революции» и «особого курса» авторитет Китая на международной арене оказался сильно подорванным. Поэтому пекинским лидерам понадобилось представить себя «верными друзьями малых и средних стран». Китайские лидеры, запугивая народы Азии угрозой гегемонии одной-двух сверхдержав, пытались расчистить «политическое» пространство для себя, претендуя стать сверхдержавой преимущественно в Азии. Концепция «сверхдержав» представляла собой принципиальную схему расстановки сил на международной арене и служила «теоретическим» обоснованием внешней политики Пекина в 1970—1980-х гг. [16].

Реализация этого курса началась с того, что китайская сторона выразила свой протест по поводу внутривосточного курса, взятого Н.С. Хрущевым. Это привело к накалу политических страстей, в русле которых китайское правительство поставило перед Советским Союзом вопрос о пересмотре всех ранее заключенных соглашений и протоколов по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, отказалось от приема значительной части советского оборудования. Уже в 1962 г. поставки советского комплексного оборудования и материалов по сравнению с 1959 г. уменьшились в 40 раз [17, с. 164]. Конфликт развивался так стремительно, что даже создал впечатление угрозы прямого военного столкновения. «Мы никогда

не планировали нападения на КНР, — писал в 1991 г. академик А.Г. Арбатов. — Почти с такой же уверенностью могу предположить, что и Китай не планировал нападения на нас» [18, с. 88]. Однако ситуация вышла из-под контроля.

Китайское руководство, проводя политические кампании в стране, подталкивало население на провокационные действия в районе советско-китайского приграничья. В 1962 г. было совершено 5 тыс. нарушений советской границы, в 1963 г. — более 4 тыс., в которых участвовали свыше 100 тыс. китайских военнослужащих и гражданских лиц [19, с. 187]. По неполным подсчетам, летом 1963 г. китайская газета «Жэньминь жибао» опубликовала около 500 антисоветских материалов [21, с. 285].

Ухудшение отношений между СССР и КНР отразилось на советских репатриантах. Весной 1962 г. несколько тысяч советских граждан перешли советско-китайскую границу¹⁷. Китайская сторона отказалась выдать им визы на въезд в СССР, настаивая, чтобы советское правительство применило к ним силовые методы. Расчет строился так: толпы стариков, женщин и детей, которых высадили в нескольких километрах от границы, будут встречены штыками и пулями и возвращены в КНР, а это в душе русских людей, проживавших в Китае, посеет ненависть к СССР [21, с. 282].

Одной из причин конфликта, по сообщениям китайской стороны, были так называемые «спорные территории». До 1960 г. китайские руководители не высказывали сомнений относительно границы между КНР и СССР и не упоминали о том, что есть какие-либо «спорные районы». С развитием враждебного курса по отношению к СССР китайские представители все настойчивее стали говорить, что у Китая есть вопросы, относящиеся к границе, но никаких «спорных районов» опять-таки не называли.

С июня 1962 г. явочным порядком китайцы «осваивали» отдельные советские территории и острова. В разных местах

---

¹⁷ Этот аспект был рассмотрен в гл. 1, параграф, Репатриации советских граждан и её результаты на Дальнем Востоке».

границу массами переходили китайские граждане и военнослужащие. На требования советских пограничников вернуться китайские нарушители отвечали оскорблениями. На советской территории они пытались возводить постройки, косить траву, рыть каналы, ловить рыбу, заготавливать топливо [21, с. 281].

26 октября 1962 г. Народный комитет провинции Хэйлунцзян направил пограничным постам, уездным и городским народным комитетам закрытую директиву: рыбаки должны вести лов на принадлежащих СССР водных участках. Пограничные власти КНР ни в коем случае не должны снимать рыбаков с островов на Амуре и Уссури, уверенные, что советская сторона не станет принимать меры для их выдворения. Если это все же произойдет, то китайские представители согласно директиве должны заявить, что советская сторона вносит разлад в советско-китайскую дружбу [21, с. 282].

В 1964 г. начались консультации по уточнению прохождения границы на отдельных участках (районы Дальнего Востока и Читинской области с общей протяженностью границ 4325 км). И когда делегации обменялись топографическими картами, то обнаружилось, что на китайских картах линия границы в некоторых местах обозначена в глубине советской территории, которую наши пограничники охраняют с момента создания советского государства. В «Атласе мира», опубликованном в КНР в 1972 г., появились цифры «территориальных потерь» Китая по вине России — 1,5 млн кв. км [19, с. 188; 20, с. 431]. В китайской печати все чаще помещались статьи, в которых делались попытки обосновать претензии на советскую территорию (острова Большой Уссурийский и Тарабаров) [21, с. 433].

В 1964 г. начались межправительственные консультации по пограничным вопросам. На период ведения переговоров по вопросу прохождения демаркационной линии между двумя государствами были заключены советско-китайские Соглашения о порядке плавания по пограничным рекам (Амур, Уссури, Сунгари, оз. Ханка). Но вскоре они стали нарушаться китайской стороной, что явилось причиной приостановки судоходства, а также прерывания переговорного процесса [22, с. 30].

Напряженная ситуация в приграничных с Китаем территориях негативным образом сказывалась на психологическом комфорте советских граждан Амурской области, Хабаровского и Приморского краёв. Советская сторона прилагала все возможные усилия, чтобы не допустить пограничных столкновений. Однако в марте 1969 г. советско-китайский конфликт достиг своего апогея. 3—4 марта 1969 г. в районе заставы Турый Рог большая группа китайских гражданских и военных лиц с участием местных жителей организовала митинг, который длился несколько часов [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 3. Д. 644. Л. 1]. Напряженность на границе вылилась в крупномасштабные вооруженные конфликты на р. Уссури в районе Даманского острова (Дальнереченский район) с участием регулярных войск и бронетехники [19, с. 188].

На следующий день (3 марта) после нападения на о-в Даманский в южной части советского Дальнего Востока прокатилась волна митингов и протестов в связи с китайской провокацией. 11 марта 1969 г. в Приморском крае состоялось 190 митингов, на которых присутствовали около 45 тыс. чел., 12 марта прошло 288 митингов с участием 74 тыс. чел. [ГАПК. Д. 644. Л. 1]. В Приморский крайком местные власти г. Имана (Дальнереченск) докладывали, что резко увеличилось число желающих вступить в народные добровольные дружины. В военкоматы от молодежи и бывших воинов Приморского края стали поступать заявления с просьбой послать их добровольцами на защиту дальневосточных границ. Незначительная часть жителей приграничных территорий поспешила покинуть места, где велись боевые действия. Ситуация усугублялась тем, что в некоторых воинских частях офицерам были даны установки на подготовку своих семей к эвакуации. В результате в марте 1969 г. 50 семей г. Имана подали заявки на контейнеры для погрузки и отправки вещей в другие регионы страны [ГАПК. Оп. 4. Д. 211. Л. 8—10].

Однако в начале 1970-х гг. официальный Пекин от политики конфронтации с СССР несколько отошел. Дальнейшие отношения Китая и Советского Союза стали смещаться

в сторону развития торгово-экономических связей. В 1974 г. объем двусторонней торговли достиг 213,9 млн руб., в 1975 г. — 200,6 млн руб. Преобладающую долю советского экспорта (до 75%) составляли машины, оборудование и транспортные средства. Главные статьи экспорта из Китая — одежда, обувь, фрукты, вольфрамовый концентрат и др. К концу 1970-х гг. объем торгового оборота СССР с КНР возрос в 1978 г. до 338,7 млн руб., в 1979 г. — до 330 млн руб. [14, с. 37].

Несмотря на напряженную ситуацию в Восточной Азии, Советский Союз постоянно стремился развивать внешнеэкономические контакты со всеми государствами, независимо от их внутри- и внешнеполитических ориентиров. В октябре 1951 г. советская делегация приняла участие в совещании, проходившем в Сингапуре по решению Экономической комиссии ООН, по вопросам торговли между странами Азии и Дальним Востоком. Советский представитель заявил о готовности советских внешнеторговых организаций на условиях взаимной выгоды поставлять в страны Азии и Дальнего Востока различное оборудование для промышленности и сельского хозяйства, а также цемент, лес, удобрения, зерновые, потребительские товары взамен поставок джута, риса, каучука, пряностей, чая, олова, коры хинного дерева и т.д. [22].

3—12 апреля 1952 г. в Москве прошло экономическое совещание с участием 471 представителя деловых кругов, экономистов, профсоюзных и кооперативных деятелей из 49 стран, посвященное обсуждению возможностей и средств для восстановления и развития нормальных экономических отношений. Создан Комитет содействия развитию международной торговли в составе представителей ряда стран — участники совещания [1, с. 514].

Во второй половине 1950-х гг. японские деловые круги проявили заинтересованность в поставках угля, руды, леса, нефти и других товаров, которые советская сторона традиционно поставляла на международный рынок. В ходе переговоров советское руководство содействовало расширению торговых связей с Японией. 7 июня 1956 г. было заключено торговое

соглашение между Центросоюзом и Торговой компанией японских потребительских кооперативов, предусматривавшее поставки из СССР леса в обмен на ткани. Советское правительство заявило о готовности разместить в Японии заказы на строительство судов, железнодорожных вагонов, промышленное оборудование и закупить большое количество товаров широкого потребления, сбыт которых был затруднен на мировом рынке. Как указывали советские представители, двусторонний оборот советско-японской торговли мог бы в течение пяти лет достичь 1 млрд руб. [17, с. 136—138].

В 1963 г. между СССР и Японией были подписаны соглашения о промысле морской капусты японскими рыбаками в районе о-ва Сигнальный (Кайсара) (1963) и об учреждении советско-японского и японо-советского комитетов экономического сотрудничества (1965).

Параллельно развивались и формы народной дипломатии. В 1965 г. было создано Общество японо-советских связей (Ниссо корю кёкай), а 18 апреля того же года при поддержке Социалистической партии Японии — Общество японо-советской дружбы (Ниссо сидзэн кёкай). 1 июля подписано соглашение об учреждении советско-японского и японо-советского комитетов экономического сотрудничества.

С 1965 г. между СССР и Японией стала развиваться другая форма сотрудничества — контакты городов-побратимов. Среди породненных городов были Находка и Майдзуру, Хабаровск и Ниигата, Южно-Сахалинск и Асахичева и др. В 1965 г. делегация портовых рабочих из Майдзуру впервые посетила Находку, в 1973 г. — докеры из Отару. Находкинские портовики выезжали в японские города-побратимы для знакомства с организацией погрузочно-разгрузочных работ [71, с. 162—163].

Характерной чертой первой половины 1970-х гг. являлось дальнейшее расширение связей между Японией и Советским Союзом. В отчетном докладе на XXIV съезде КПСС (1971 г.) Л.И. Брежнев сказал: «Мы видим немалые возможности для расширения взаимовыгодного сотрудничества, хотя попытки некоторых японских кругов эксплуатировать так называемый

«территориальный вопрос», разумеется, не идут на пользу советско-японским отношениям» [23, с. 27]. Таким образом, отношения между СССР и Японией из политической плоскости стали перемещаться в экономическую.

Расширению экономических контактов предшествовали вторая японская торгово-промышленная выставка в Москве (апрель 1970 г.) и открытие международной авиалинии по маршруту «Лондон — Москва — Токио» (июнь 1970 г.). В августе создается Ассоциация мэров городов западного побережья Японии по укреплению дружбы и экономического сотрудничества с советскими городами.

В мае 1971 г. начала работу новая грузопассажирская авиалиния между Хабаровском и Ниигатой [25]. В том же году открылось Генеральное консульство Японии в Ленинграде, а в Осаке — Генеральное консульство СССР.

В январе 1972 г. состоялся визит министра иностранных дел А.А. Громыко. В 1973 г. ответный визит нанесли министр иностранных дел М. Охира и в 1974 г. — премьер-министр Японии К. Танака. Итогом встреч стало Совместное советско-японское заявление, в котором указывалось на необходимость экономического сотрудничества между Японией и СССР, в том числе по освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока [24].

В январе 1975 г. было подписано Генеральное соглашение о разведке и добыче нефти и газа на шельфе острова Сахалин, а в июне того же года — Соглашение о ведении рыбопромысловых операций в открытом море у берегов Японии [14, с. 28—29].

Таким образом, ситуация середины 1950—1970-х гг. в странах АТР была сложной, достаточно динамичной. Китай завершил свое «движение» от союза с СССР к самоутверждению, оказав влияние на характер развития международных отношений в регионе. Попытка США контролировать Дальний Восток через развязывание войны во Вьетнаме также усиливала внимание советского политического центра к своим восточным территориям.

На первом плане стояла задача увеличения численности населения на Дальнем Востоке. Решение этой проблемы советское руководство считало главным условием дальнейшего роста производительных сил, расширения и совершенствования материально-технической базы, подъема жизненного уровня дальневосточников, что нашло отражение в пятилетних планах развития страны на 1951—1955 гг. и 1956—1960 гг. Решать задачи по укреплению демографического потенциала приходилось в условиях реформ, начатых правительством.

Новые руководители — Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев — приступили к реформированию легкой промышленности и сельского хозяйства [26, с. 33, 36]. В эти годы возросли капитальные вложения в народное хозяйство: их общий объем по СССР в 1951—1960 гг. составил 2286 млрд руб., в том числе на развитие промышленности, транспорта и связи — 1110 млрд руб. [2, с. 430]. Увеличение капитальных вложений обеспечило повышение темпов роста в 1954—1958 гг. на 10—12% ежегодно, но в 1959—1965 гг. они снизились до 6—8% в год [27, с. 137].

Реформирование началось с сельского хозяйства. Среднегодовые темпы прироста валовой продукции в этой отрасли в 1950—1953 гг. составили 1,6%, но не превышали темпов прироста населения. Государственные закупки продукции сельского хозяйства полностью не покрывали растущих потребностей населения. Так, в 1953 г. в стране было заготовлено 31,1 млн т зерна, а израсходовано на продовольственное снабжение и другие государственные нужды 32,4 млн т [2, с. 477].

Тяжелое положение крестьянства вынуждало их к «бегству» в города, несмотря на существующий паспортный режим. К началу 1950-х гг. это явление стало массовым: только за период с 1949 г. по 1953 г. количество трудоспособных работников в колхозах (без учета западных областей) уменьшилось на 3,3 млн чел. [28, с. 104]. Рост стихийных миграций стал причиной принятия мер по изменению системы оплаты труда в сельском хозяйстве. Таким образом, были сделаны попытки сократить отток трудовых ресурсов из этой отрасли.

С начала 1950-х гг. перестали действовать чрезвычайные факторы, сложилась во многом новая экономическая ситуация. Н.С. Хрущев будучи первым секретарем ЦК КПСС принял переход от жесткого, «чрезвычайного» управления сельским хозяйством к сочетанию централизованного планирования и хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов. Фундаментом преобразований явились решения сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС и необычайно смелое для тех лет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» [29, с. 36].

В 1953 г. правительство было вынуждено снизить натуральные и денежные налоги на личные подворья крестьян. Изменилась система оплаты их труда. Повысились существовавшие заготовительные и закупочные цены на продукты животноводства, картофель и овощи. Это было прорывом в заготовительной политике, достаточно консервативной и остававшейся незыблемой на протяжении десятков лет. В итоге денежные доходы колхозов в 1953—1958 гг. увеличились более чем в 3 раза. Во столько же раз увеличились фонды денежных доходов, распределяемых по трудодням. Денежные выплаты по трудодням с 1,88 руб. в 1953 г. выросли до 4,16 руб. в 1957 г. Правда, размеры натуральной оплаты в 1956—1957 гг. оставались на уровне 1950—1953 гг.: в среднем на 1 трудодень выдавалось 1,5—1,7 кг зерна, 0,3—0,4 кг картофеля и т.д. [2]. С января 1958 г. поставки полностью отменялись, что явилось небывалой мерой за всю историю колхозного строя [30, с. 78].

Первые успехи в сельском хозяйстве позволили Н.С. Хрущеву сконцентрировать внимание на разработке аграрной политики и ее реализации. Февральско-мартовский пленум (1954 г.) ЦК КПСС наметил программу подъема сельского хозяйства страны путем освоения целинных и залежных земель. Было освоено около 42 млн га новых земель [31, с. 96, 106].

После сентябрьского (1953) и мартовского (1954) пленумов мероприятия по подъему целинных и залежных земель были проведены в Амурской области, Хабаровском и Примор-

ском края. Например, в Амурской области на 1 июня 1954 г. было поднято 147 645 га новых земель [41, с. 52], к 1957 г. в Сахалинской области посевные площади под картофель увеличились на 1200 га, под овощами — на 300 га [42, с. 64].

Капитальные вложения государства в сельское хозяйство ежегодно росли: если в 1959—1965 гг. они составляли 20%, то в 1966—1970 гг. — 23%, а в 1971—1975 гг. — 26% [41, с. 48]. В 1960—1970 гг. вложено 2,1 млрд руб., в том числе в 1961 г. — 83,9 млн руб., в 1962—1964 гг. — 157,6 млн руб., 1965—1967 гг. — 181,4 млн руб., в 1968—1970 гг. — 390 млн руб. В первой половине 1970-х гг. инвестиции в сельское хозяйство региона достигли 3,2 млрд руб. [43, с. 108; 14, с. 126].

В результате планомерной политики государства улучшилось техническое оснащение хозяйств: если в 1965 г. количество тракторов и комбайнов в сельском хозяйстве Амурской области, Приморском и Хабаровском крае составляло 32 178 ед., то в 1970 г. увеличилось до 34 480 ед., или на 7,15%. К 1975 г. парк тракторов и комбайнов по Дальнему Востоку (без Магаданской области) состоял из 37 531 ед. [42, с. 60; 44, с. 323, 333; 45, с. 273, 281, 289; 46, с. 47].

В 1957 г. в хозяйствах южной части Дальнего Востока значительно выросла урожайность. Например, в Спасском районе собрали с одного гектара по 15 ц зерновых культур, картофеля — 98 ц, овощей — 103 ц, сахарной свеклы — 153 ц. Район успешно справился с планом государственных заготовок и закупок сельскохозяйственной продукции (по картофелю, молоку и овощам).

Однако постепенно аграрный курс 1953 г. начинает «сворачиваться». 6 марта 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели», согласно которому запрещалось увеличивать размер приусадебного участка колхозников за счет общественных земель. Был закреплён принцип ограничения количества скота, находившегося в личной собственности колхозников.

В 1960 г. Совет Министров РСФСР обязал Приморский и Хабаровский крайкомы и крайисполкомы, Амурский и Читинский обкомы КПСС и облисполкомы совместно с министерствами совхозов и сельского хозяйства «...разработать в срок до 1 мая 1961 г. и осуществить мероприятия по увеличению в 1961—1965 гг. в совхозах и колхозах производства зерна, сои, кукурузы, мяса, молока, шерсти, картофеля, овощей и других продуктов сельского хозяйства, предусмотрев полное обеспечение в ближайшие годы потребностей населения указанных краёв и областей... в молоке, картофеле и овощах за счет производства этих продуктов на месте» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 260. Л. 2]. На Министерство сельского хозяйства возлагалась разработка мероприятий по увеличению численности работников на 31,9 тыс. чел. [Там же. Л. 3]. Недостаток трудовых ресурсов в первой половине 1970-х гг. составлял в Приморском крае 4%, в Хабаровском — 4,2% [49, с. 81].

На сентябрьском пленуме (1953 г.) было принято положение об одновременном развитии высокими темпами не только сельского хозяйства, но и тяжелой и легкой промышленности. Задачи нового этапа индустриального развития страны в 1950-х гг. были сформулированы в директивах, принятых к пятилетнему плану на 1951—1955 гг. и на 1956—1960 гг. Рост промышленного производства в 1951—1955 гг. должен составить 70% по сравнению с 1950 г., а выпуск промышленной продукции в 1956—1960 гг. увеличиться на 65% [32, с. 22].

Чтобы достичь этого уровня, политическое руководство страны приступило к реорганизации управления промышленностью. Был осуществлен переход от отраслевого управления экономикой к территориальному. Согласно принятому в мае 1957 г. закону «О дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством» было ликвидировано 140 союзных, союзно-республиканских и республиканских министерств и ведомств. Вместо них появилось 105 совнархозов. Руководство экономикой осуществлялось на региональном уровне, в том числе на Дальнем Востоке.

С приходом к власти Л.И. Брежнева вновь вернулись к отраслевой системе управления. Территориальный принцип сохранился только в снабженческой деятельности. Правительство потребовало недопущения дробления какой-либо одной отрасли по экономическим районам.

В середине 1960-х гг. сложилось серьезное противоречие между достигнутым уровнем производства, возможностями, которые открывал научно-технический прогресс, и устаревшими формами и методами управления. Впервые с начала свертывания нэпа в стране вводились новые элементы управления. Решения 1960-х гг. затронули промышленность, строительство и сельское хозяйство [33, с. 118—123].

В сельском хозяйстве предполагалось изменить порядок планирования и материального стимулирования. На первых порах, пока действовали установки мартовского (1965) Пленума, принятые меры дали определенные результаты. Показатели, достигнутые в сельском хозяйстве в 1966—1970 гг., были намного выше, чем в предшествующий период. Производительность труда росла ежегодно на 6,5%, превышая в 2 раза показатели 1961—1965 гг. Фонд оплаты труда в 1965—1975 гг. вырос в 1,5 раза. В 1966—1970 гг. закупки зерна внутри страны были почти на треть больше, чем в предшествующее десятилетие [34, с. 130].

В 1950—1960-е гг. появились первые признаки дефицита сырья для обеспечения развития хозяйственного комплекса страны. В 1955—1960 гг. темпы роста валовой продукции оставались относительно высокими, но снизились по сравнению с 1950—1955 гг. [35, с. 98, 118, 126, 129]. В складывающейся неблагоприятной экономической ситуации политическое руководство страны вновь обращает пристальное внимание на природные ресурсы восточных районов.

Рост экономических контактов СССР с другими странами, близость и большая емкость международных товарных рынков в Тихоокеанском бассейне, удобные морские пути создавали благоприятные условия для развития на Дальнем Востоке крупной экспортной базы.

1960-е гг. стали новым этапом формирования хозяйственных комплексов Дальневосточного региона. Вклад Дальнего Востока в экономику страны политическое руководство и управленческие структуры рассматривали сквозь призму развития отраслей, использующих природные ресурсы. Регион занимал важное место по запасам различных металлов, ведущее — по морским биологическим ресурсам. В 1960—1970-е гг. на Дальнем Востоке добывалось до 50% продукции рыбной промышленности, около 80% олова [36, с. 136, 138]. В регионе сосредоточены значительные водные, земельные и гидроэнергетические богатства, запасы угля и другие полезные ископаемые, необходимость освоения которых регулярно подчеркивалась в партийно-государственных документах тех лет [37, с. 217].

Наличие природных ресурсов стало определяющим фактором развития восточных районов. На Дальнем Востоке начали строиться новые предприятия, связанные с добычей нефти, угля, цветных и благородных металлов, расширением производства проката черных металлов, развитием химической индустрии. Одновременно происходили качественные изменения в структуре и технической вооруженности промышленности Дальнего Востока, которые должны были обеспечивать более высокий прирост продукции. В 1959—1965 гг. плановые капиталовложения в народное хозяйство региона должны были способствовать увеличению производства черных металлов на 3—4%, добычи угля — на 3%, цемента — на 10%, электроэнергии, вывоза леса и пиломатериалов — на 5—7%. По плану на 1965—1970 гг. фактические капитальные вложения, например в промышленность и транспорт Приморского края, составили более 3 млрд руб. Эта цифра примерно равна объему капитальных вложений за период с 1918 г. по 1955 г. [8, с. 75].

Разработанные приморскими организациями и согласованные с Госпланом мероприятия предусматривали рост валовой продукции промышленности края с 9,1 млрд руб. в 1958 г. до 15,7 млрд руб. в 1965 г., или более чем на 70% [38, с. 23; 39, с. 80].

В Хабаровском крае развивались преимущественно отрасли тяжелой промышленности, например, выплавка стали увеличилась на 42%, производство проката — на 53% (с 196 до 301 тыс. т). Намечались меры по развитию химической и нефтеперерабатывающей промышленности, которые должны обеспечить рост объемов выпускаемой продукции соответственно на 90 и 55% [38, с. 24—25].

В Амурской области основной задачей являлся рост энергетической базы, недостаточная мощность которой тормозила развитие золотодобывающей, лесной и других отраслей. С увеличением выработки электроэнергии темпы развития угольной промышленности должны составить 30,8%, объем вывозки деловой древесины в 1965 г. — возрасти на 32,3%, производство пиломатериалов — в 1,6 раза, производство мебели — в 4,4 раза [38, с. 25].

8 июля 1967 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» [40, с. 473—486]. В этом постановлении была представлена программа ускоренного развития экономики и культуры Дальнего Востока, повышения жизненного уровня трудящихся [38, с. 27].

В Директивах XXIV (1971 г.) и XXV (1976 г.) съездов КПСС особое внимание обращалось на ускоренное развитие производительных сил восточных районов страны. На Дальнем Востоке реализация пятилетних планов (1971—1975 гг. и 1976—1980 гг.) увязывалась с развитием и укреплением традиционных отраслей промышленности — энергетической, рыбной и деревообрабатывающей.

В 1970—1980 гг. намечался ряд мер по увеличению добычи нефти и угля. В июле 1971 г. на Сахалине было открыто месторождение нефти промышленного значения.

Предусматривалось более интенсивное развитие горнодобывающей промышленности за счет наращивания мощностей действующих предприятий (Горно-металлургический комбинат им. В.И. Ленина, Ярославский и Хрустальненский

комбинаты в Приморском крае). На укрепление материально-технической базы на Хрустальненском комбинате государство выделило около 61 млн руб.

В Хабаровском крае на горно-обогатительном комбинате «Солнечный» в эксплуатацию были введены вторая и третья очереди обогатительной фабрики, в результате мощность его возросла в 3 раза. Продолжалось строительство объектов металлургического комплекса по производству олова и других ценных металлов, а также рудников «Молодежный», «Придорожный» и «Перевальный».

Особое внимание уделялось развитию лесной, деревообрабатывающей и бумажно-целлюлозной промышленности, продукция которых вывозилась во многие районы страны, а древесина экспортировалась в страны Восточной Азии. В связи с этим в Хабаровском крае были введены в эксплуатацию Уктурский, Верхнее-Хунгарийский, Удоминский и другие леспромхозы (всего 10).

Рыбная отрасль также являлась традиционной для Дальнего Востока. В 1971—1980 гг. главным направлением в ее развитии стало укрепление материально-технической базы

Фото 18. Сахалинские рыбаки

и привлечение трудовых ресурсов в отрасль, что сопровождалось увеличением добычи рыбы и морепродуктов, производства высококачественной рыбной продукции [14, с. 84—91].

Планы развития Дальнего Востока руководство страны связывало с развитием транспорта, особенно железнодорожного и водного. Одной из строек века стала Байкало-Амурская магистраль (БАМ) длиной 3145 км. Ее трасса проходила параллельно Великой Сибирской дороге вплоть до Комсомольска-на-Амуре. На трассе было построено около 200 железнодорожных станций. В 1971—1980 гг. началось строительство участков от ст. Бам до ст. Тынды и далее до Беркакита, где расположены богатые месторождения коксующихся углей и проходит железнодорожный мост через Амур (Комсомольск-на-Амуре) [14, с. 117—118].

Фото 19

Необходимость привлечения дополнительных трудовых ресурсов была связана с морским транспортом, который не только для Дальнего Востока, но и для всего СССР имел особое значение. Ледокольный флот пополнился ледоколами «Ермак» и «Адмирал Макаров». В Дальневосточном пароходстве появились щеповозы, банановозы, контейнеровозы и лесовозы.

Следующим направлением развития морского транспорта стала реконструкция и строительство новых портов. В 1970-х гг. в бухте Врангеля близ Находки началось строительство морского порта Восточный, «специализацией» которого стали погрузки леса, угля, контейнеров. Мощность нового порта должна была в 2 раза превосходить все действующие порты на Дальнем Востоке. Появление новых типов судов, строительство и реконструкция портов обеспечивали увеличение внутреннего грузооборота на 33%, а внешнеторговых перевозок — на 68% [14, с. 90—91].

Фото 20. Порт Восточный (современный вид)

Показатели развития сельского хозяйства в 1970-х гг. в регионе характеризовались следующими данными: среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства в Приморском крае составил 395,5 млн руб., в Амурской области чистый доход совхозов и колхозов — 225 млн руб. В первой половине 1970-х гг. на Дальнем Востоке построены 12 свиноводческих комплексов, 4 — по производству мяса, 24 — по производству молока, 4 — овощеводческих и 21 птицефабрика. В Приморье были открыты Надежденская, Лучковская, Пограничная птицефабрики, в Хабаровском крае — Березовская, Партизанская, Комсомольская, Некрасовская, Майская, на Сахалине — Центральная, в Амурской области — специализированный совхоз Средне-Бельский. В 1970-х гг. на Дальнем Востоке насчитывалось около 600 колхозов и совхозов [14, с. 126].

Внимание государства к сельскому хозяйству положительно сказалось на росте показателей: по сравнению с предшествующим пятилетним периодом отмечено увеличение продажи зерна — на 7% (в том числе риса на 92%¹⁸), овощей — на

---

¹⁸ По данным А.Н. Гладышева, СССР по производству риса превосходил Японию.

5%, птицы — 40%, молока — на 10%, яиц — в 2,1 раза. В Амурской области среднегодовое производство мяса возросло на 25%, молока — на 14%, яиц — в 2 раза. В Сахалинской области с 1971 по 1975 г. урожай картофеля вырос с 68 до 123 ц, овощей — с 78 до 200 ц. Некоторым овощеводам удавалось получать урожаи капусты до 500 ц/га, моркови — до 420 ц, сахарной свеклы — до 300 ц/га [14, с. 125—139]. Однако этот рост не был повсеместным. Даже спустя 20 лет после окончания войны в стране ощущался недостаток продовольствия. В конце 1960-х гг. потребности местного населения в овощах обеспечивались на 35—40% и на 45—50% — в продуктах животноводства. Чтобы снизить дефицит некоторых продуктов питания, планами, принятыми на 1971—1975 гг., предусматривалось увеличение выпуска продукции по сравнению с 1966—1970 гг. на 20—22%. Для полного обеспечения населения продуктами питания, например в Приморье в первой половине 1970-х гг., необходимо было увеличить выпуск мяса крупного рогатого скота и птицы в 5 раз, молока — в 4 раза, яиц — в 2,5 раза [48, с. 130].

Для решения продовольственной проблемы Дальнего Востока требовались значительные капиталовложения. Так, на интенсификацию сельскохозяйственного производства 63 совхозов, вошедших в 30-километровую пограничную зону, в 1966—1970 гг. было израсходовано 69 млн руб., в 1971—1975 гг. — 115 млн руб., а планами на 1976—1980 гг. предусмотрено 297 млн руб. В сельское хозяйство Амурской области в 1971—1975 гг. было направлено 524 млн руб., Хабаровского края — 536 млн руб., Сахалинской области — 270 млн руб. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 54. Д. 327. Л. 9; 13, с. 126].

Увеличение капиталовложений не решало в полной мере задачу по созданию собственной продовольственной базы, благодаря которой можно было бы снизить завоз картофеля, овощей, мяса из других областей РСФСР [43, с. 179]. Развитие аграрного сектора в Дальневосточном регионе при экстенсивном пути развития требовало увеличения трудовых ресурсов.

Внешнеполитическая обстановка в Восточной Азии и внутренние факторы развития Дальнего Востока заставили политическое руководство страны сосредоточить внимание на миграционной политике в дальневосточном направлении. Ее решение было актуализировано советско-китайскими отношениями (в том числе пограничный конфликт), войной во Вьетнаме, развязанной США, и ростом торговли природными ресурсами со странами Тихоокеанского бассейна. Потребность государства в увеличении поставок леса, рыбы, природных ископаемых, а также решение продовольственной программы на Дальнем Востоке ставили миграционную политику в категорию национальных «проектов» на Востоке.

2.2. Изменения в миграционной политике на Дальнем Востоке

Поставленные задачи по социально-экономическому развитию СССР на период с середины 1950-х—1960-е гг. и международная ситуация в государствах Восточной Азии влияли на формирование миграционной политики на советском Дальнем Востоке. Постоянный приток трудоспособного населения на Дальний Восток с момента вхождения данной территории в состав России составлял одно из главнейших условий развития хозяйственно-экономической структуры региона.

С середины 1950-х гг. в миграционной политике происходят некоторые изменения, вызванные экономическими факторами. Нерешенные в течение послевоенного десятилетия социальные проблемы усилили отток населения из региона. Правительство, опираясь на идеи Н.И. Хрущева, предприняло попытку усилить элементы привлекательности переезда на Дальний Восток. Стала реализовываться первая программа строительства «Большого Владивостока». Интерес к региону проявился во всех властных структурах: от Госплана СССР и РСФСР до экономической комиссии ВЦСПС [43, с. 112].

В 1960 г. было проведено так называемое «упорядочение» северных льгот: они распространялись на всех работников народного хозяйства, но их объем уменьшился. Были отменены северные надбавки, но увеличены средства на строительство жилья и всей социально-бытовой инфраструктуры. С нарушением трудового законодательства аннулировались срочные договоры, заключенные предприятиями на определенных условиях, что негативно отразилось на закрепляемости кадров отраслей народного хозяйства [50, с. 41]. Отток населения в эти годы привел к трудностям в обеспечении кадрами дальневосточного региона.

Обеспечение Дальнего Востока и других трудodefицитных, но богатых ресурсами регионов, рабочей силой руководители государства осуществляли через управленческую структуру, нуждавшуюся, как и вся система управления, в организационной перестройке. В 1956 г. произошло объединение Переселенческого управления и Управления оргнабора рабочих в Главное управление переселения и оргнабора рабочих при Совете Министров РСФСР (схема 2), которое возглавил М. М. Поляков.

В составе вновь созданного Главного управления был выделен отдел по переселению и оргнабору в районы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Численность работников центрального аппарата составила 109 чел. [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 106. Л. 25—26]. Была предпринята попытка объединить массовые формы организованных миграций — оргнабор рабочих и плановое переселение. Объединением двух Главных управлений в единое предполагалось решить другую актуальную задачу: не допустить выбытия крестьянского населения из регионов-доноров больше, чем необходимо для экономики страны.

Объединенное Государственное управление постаралось учесть «недоработки» прошлых лет, и в организации переселений крестьян и рабочих появилась новое звено — сборный пункт. Целью его создания был контроль за прибытием переселенцев и орграбочих к месту их транспортировки. В задачи сборного пункта входили прием переселенцев и орграбочих,

Схема 2

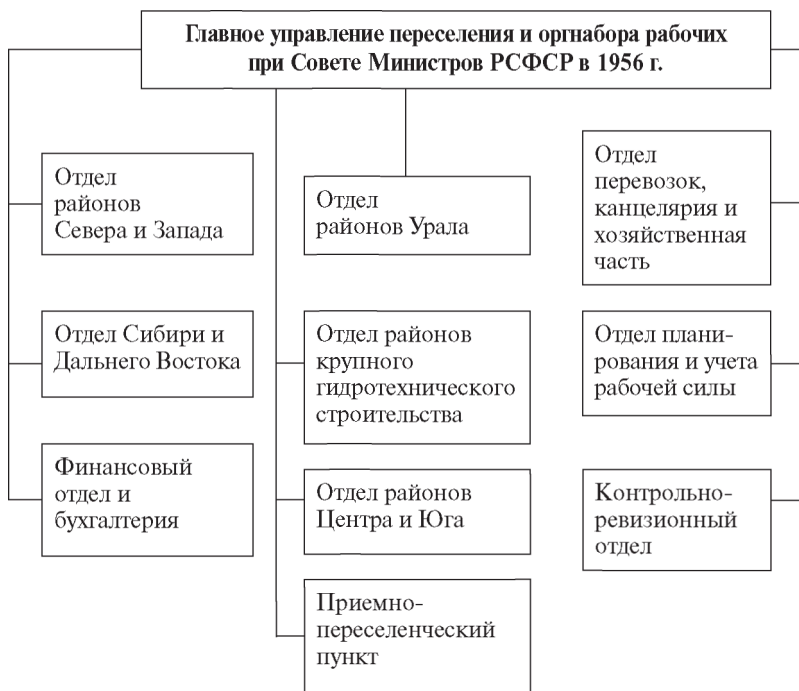

Схема составлена на основе: Пискунов С.А. Центральные и Дальневосточные переселенческие органы: 1950 — середина 1960-х гг.; ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 852. Л. 9; Ф. А-518. Оп. 1. Д. 36. Л. 69.

членов их семей, оформление определенной документации, комплектование групп в соответствии с маршрутом следования, выплата единовременного пособия и суточных, обеспечение оргмигрантов ночлегом в дни отправки [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 36. Л. 59—60].

Региональные и местные отделы также прошли реструктуризацию: в августе 1956 г. на Дальнем Востоке были образованы отделы переселения и организационного набора, которые проработали до конца 1966 г. [ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 1. Л. 1]. Изменения коснулись полномочий управлений и отде-

лов на местах. В соответствии с Постановлением Совета Министров от 17 января 1959 г. и приказом Главного управления от 4 февраля региональные отделы стали принимать участие в комиссиях по персональному распределению молодых специалистов, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, на предприятия и стройки совнархозов, министерств и ведомств местной промышленности. С 1964 г. обязанности по контролю за использованием молодых специалистов с отделов снимались [51, с. 123].

Появление дополнительных функций обусловило «разбухание» штатов сотрудников. В 1957—1960 гг. в отделах переселения и оргнабора в Амурской области трудились от 29 до 33 чел., Хабаровском крае — от 34 до 37 чел., в Приморском — 42 чел. [51, с. 123—124].

В начале 1960-х гг. вводится образовательный ценз для претендентов на занятие той или иной вакантной должности в край-, облотделах по переселению. В приказе начальника Главного управления от 4 мая 1963 г. указывалось, что при приеме на работу (в данном случае речь шла о приеме на должность старшего экономиста) обязательно наличие высшего или соответствующего среднего специального образования и стажа работы. За период с середины 1940-х — 1950-х гг. таких данных нами не обнаружено. Например, в состав Приморского краевого отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих (в дальнейшем частично был реорганизован в отдел по переселению и хозяйственному устройству переселенцев) входили 288 чел., из них высшее образование имели 2 чел., среднее — 40, неполное среднее — 127, начальное — 119 чел. [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 394].

В 1964 г. приказом начальника Главного управления запрещалось принимать на должности инспекторов лиц, не имевших среднего образования. Однако общей картины этот документ не изменил. Так, в Амурской области в 1961 г. работали 2 чел. с незаконченным высшим образованием, 9 чел. — со средним, 10 чел. — с неполным средним, 3 чел. — с образованием ниже 7 классов. В 1966 г. среди сотрудников высшее

образование имел 1 чел., незаконченное высшее — 1 чел., со средним — 10 чел., с неполным средним — 12 чел., ниже 7 классов — 1 чел. [51, с. 124].

В эти годы отделы переселения и набора возглавляли: в Амурской области — В. Семенов, с 1961 г. — И. Барсуков, в 1962 г. — А. Машков, в Хабаровском крае — Н. Горнов, с 1960 г. — М. Остафьев.

Частые структурные изменения и дополнительные требования фактически не меняли характера функций, выполняемых управленцами. Смена названий отделов не ликвидировала бюрократические просчеты в управлении миграционными процессами. Постоянно возникали проблемы несогласованности при определении объемов организованных сельхозпереселений, наборов рабочих и общественных призывов молодежи [52, с. 76].

В 1960-е гг. миграционная политика осуществлялась в новых демографических условиях. Произошли серьезные изменения по сравнению с 1950-ми гг.: на 25% снизилась рождаемость, на 15% увеличилась смертность [53, с. 457]. При существующем хозяйственном механизме дефицит трудовых ресурсов стал практически повсеместным. Он затронул не только регионы, традиционные для хозяйственного освоения (Европейский Север, Сибирь и Дальний Восток), но и те, которые долгое время считались трудоизбыточными. Отсутствие «свободного» населения и необходимость дальнейшего освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока заставили руководство страны искать выход из кадрового кризиса. Началась новая волна перестройки органов управления.

В 1966 г. упраздняется Главное управление по переселению и организованному набору рабочих при Совете Министров РСФСР. 17 февраля 1967 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР образован Государственный комитет по использованию трудовых ресурсов, подчинявшийся непосредственно Совету Министров РСФСР. Постановлением Совета Министров РСФСР № 369 от 27 мая 1967 г. вводилось По-

ложение о Госкомитете. Основные его задачи — разработка и проведение мероприятий по переподготовке рабочих и их перераспределению; трудоустройство и информация населения; изучение состава трудоспособного населения; проведение организованного набора рабочих и планового переселения [ГАРФ. Ф. 10.005. Оп. 1. Д. 1].

Создание во второй половине 1960-х гг. новой структуры позволило качественно изменить миграционную политику — переподготовку кадров увязать с их перераспределением и трудоустройством. Исходя из целей и задач Госкома, изменялась и его структура. К 1970 г. в нее входили управления по перераспределению трудовых ресурсов и переподготовке рабочих, трудоустройству населения и молодежи, организованному набору рабочих, плановому переселению, а также планово-финансовое, хозяйственное управления, центральная бухгалтерия, отделы информации и кадров (см. прил. 2).

Аналогично были сформированы и местные органы — управления советов министров автономных республик по использованию трудовых ресурсов и отделы исполкомов краевых/областных Советов депутатов трудящихся. Управления (отделы) находились в двойном подчинении — Госкомитету по труду РСФСР и Совету Министров РСФСР [Там же. Л. 1—2].

В процессе распределения трудовых ресурсов на каждой его фазе важное место занимала деятельность структуры, направленная на организацию отношений как по горизонтали — между органами управления одного уровня (министерствами, объединениями), так и по вертикали — между вышестоящими и подчиненными им предприятиями и объединениями. Данная система каких-либо изменений с 1940-х гг. не претерпела¹⁹.

В мае 1969 г. в качестве низовых органов Госкомитета были созданы городские бюро по трудоустройству и информации населения. Бюро возглавлял заведующий, которого назначал председатель Государственного комитета автономной республики по труду, либо начальник управления по труду

---

¹⁹ Этот аспект был рассмотрен в первой главе.

исполнительного комитета краевого, областного, городского совета народных депутатов по согласованию с исполнительным комитетом Совета народных депутатов и Государственным комитетом союзной республики по труду [54, с. 89].

Целью создания службы по трудоустройству явилась необходимость преодоления очевидных последствий нерационального использования рабочих рук в предшествующие годы, обеспечения согласованности спроса и предложения на труд, а также сокращения потерь, связанных с избыточным движением кадров [54, с. 83]. В качестве эксперимента такие бюро первоначально открылись в девяти городах. В 1970 г. их насчитывалось 134, а к 1977 г. — 372, преимущественно в городах, в которых численность жителей была не менее 100 тыс. чел. Сотрудники оказывали помощь в поиске работы лицам, обратившимся в бюро, где им давали информацию, какие предприятия, организации и учреждения города нуждались в кадрах. При отсутствии подходящей работы их ставили на учет. Через эти структуры в общественное производство вовлекались пенсионеры, школьники и др. В число других функций входила разработка для предприятий предложений по подготовке, распределению и использованию рабочей силы. Бюро стало реальным посредником между населением и предприятием в вопросах трудоустройства [55, с. 39].

В истории службы организованного трудоустройства можно выделить два этапа. На первом этапе (1967 г.) была упорядочена информация учреждений, организаций о спросе на кадры. Если раньше о своих потребностях в кадрах они информировали население самостоятельно, то после создания службы по трудоустройству — централизованно. Работа органов по труду состояла в выявлении действительной потребности предприятий в кадрах путем сопоставления плановой и фактической численности работников. Кроме того, они оказывали помощь в комплектовании кадров, учитывая значимость предприятий и организаций в системе народного хозяйства района, города, края или области. И только после этого принималось решение о целенаправленной публикации в га-

зете или в виде объявления на специальной доске о приеме на работу. Объявления стали публиковаться уже от имени бюро. Новый способ привлечения на работу оказался значительно дешевле. На втором этапе бюро по трудоустройству и информации населения преобразовали в центры по трудоустройству и комплектованию кадров, т.е. в центры распределения и перераспределения трудовых ресурсов [54, с. 87].

Одновременно с реорганизацией управленческих структур специалисты рассматривали и проблемы оптимизации миграционных процессов, хотя тактика оставалось прежней — за счет совершенствования организационных форм управления, в том числе в территориальном перераспределении [56, с. 142]. Одной из главных проблем того периода являлось закрепление трудовых ресурсов на Дальнем Востоке. В Сибирском отделении АН СССР в этой области активно работала лаборатория трудовых ресурсов. Дальневосточную лабораторию (Хабаровск) возглавил Л.Л. Рыбаковский. Она плодотворно сотрудничала с комиссией ВЦСПС по экономическим вопросам. В 1964 г. члены комиссии, основываясь на результатах исследований ученых, разработали и направили документ в правительство. Группа ученых — Е.А. Маневич, В.Ф. Майер, Н.С. Маслова — подала в ВЦСПС на имя В.В. Гришина докладную записку «О состоянии и мерах повышения уровня жизни населения восточных и отдаленных районов РСФСР» [43, с. 108]. Они писали о причинах слабой закрепляемости населения и трудовых ресурсов как на севере, так и в южной части региона.

Опыт объединенных усилий руководства ВЦСПС и ученых оказался успешным. В результате обращения в правительство вышло Постановление Совета Министров РСФСР (№ 370 от 27 мая 1967 г.) и было принято решение Комитета по науке и технике (№ 76 от 7 декабря 1967 г.) организовать при Совете Министров в составе Государственного комитета по использованию трудовых ресурсов центральную научно-исследовательскую лабораторию по анализу привлечения трудовых ресурсов (80 чел.). Ее возглавил кандидат экономических

наук А.Н. Гладышев. На лабораторию возлагались задачи по разработке и подготовке предложений по улучшению использования рабочей силы в отраслях материального производства и в непроизводственной сфере РСФСР [ГАРФ. Ф. 10.005. Оп. 1. Д. 38. Л. 53, 60]. Именно дальневосточным ученым принадлежал приоритет в вопросах создания и реализации региональной социально-демографической политики, в том числе и миграционной.

Деятельность ученых по исследованию формирования постоянного населения на Дальнем Востоке и в других регионах хозяйственного освоения становилась базой для обоснования многих партийно-государственных решений, направленных на закрепление кадров в народном хозяйстве. По мнению ученых, это должно было привести к стабилизации демографической ситуации в стране, и в первую очередь в приграничных районах. Была создана специальная группа экспертов по изучению и упорядочению льгот в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Стремление партийной бюрократии опереться на профессиональные разработки ученых в проведении миграционных мероприятий в восточной части страны можно отметить как особую черту 1960-х гг. Государственные органы управления и региональные плановые учреждения широко использовали результаты научных исследований известных в те времена экономистов Л.Л. Рыбаковского, Д. Валентея и других ученых. Так, 12 июня 1965 г. в Совет Министров СССР поступили предложения Д. Валентея [43, с. 156]. Впоследствии эти материалы были широко использованы во многих партийно-государственных документах, особенно в тех, которые касались дальневосточных районов.

В 1968 г. ученые Хабаровского научно-исследовательского института СО АН СССР направили докладную записку секретарю Хабаровского крайкома КПСС А.П. Шитикову. В ней ученые изложили ретроспективный анализ различий в заселении Северо-Восточного Китая и южной части советского Дальнего Востока, приграничных районов: «...за 1920—1957 гг.

выявились резкие различия в заселении этих территорий. Население южной зоны советского Дальнего Востока в 1920 г. составляло 900 тыс. чел., достигнув к 1957 г. лишь 3,1 млн чел. и даже не сравнялось с численностью населения провинции Хейлунцзян на 1920 г.» (Население провинции Хейлунцзян в 1920 г. составляло 3,5 млн чел., в 1957 г. — 14 млн чел., в Северо-Восточном Китае соответственно 13 и 51,5 млн чел.). Авторы, проанализировав плотность населения, сделали вывод: «В настоящее время даже в китайском Приамурье сформировалась демографическая зона, превышающая наиболее заселенную прижелезнодорожную зону советского Дальнего Востока по площади в три раза и плотности населения минимум в два раза». Ученые прогнозировали, что без принятия в ближайшее время неотложных мер по ускорению заселения южной части Дальнего Востока произойдет ухудшение демографической ситуации советского Приамурья и Приморья по сравнению с Северо-Восточным Китаем [ГАХК. Ф. 33. Оп. 10. Д. 484А. Л. 2]. Фактор опасности огромных различий в демографических показателях с соседними китайскими провинциями стал важнейшим катализатором для принятия многих решений в области переселенческой политики и закрепления трудовых ресурсов.

Управленцы высшего звена в реализации миграционной политики на Дальнем Востоке в 1960-е гг. опирались на стимулирующую роль материальных факторов. В октябре 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР поручил Государственному комитету по вопросам труда и заработной платы, Госплану СССР, Министерству финансов СССР, ВЦСПС с участием Совета Министров РСФСР разработать мероприятия, направленные на закрепление кадров в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока. 22 декабря 1965 г. Госплан СССР отдал приказ плановым комиссиям Дальневосточного экономического региона разработать «предложения по развитию производительных сил». В январе 1966 г. комиссия Госплана РСФСР с участием местных партийных, советских работников уже разрабатывала этот документ. В целях закрепления

трудовых ресурсов в Приморском крае отдел труда и заработной платы Госплана СССР начал ходатайствовать перед Советом Министров СССР о введении для населения Дальнего Востока ряда льгот. В 1967 г. появился документ «О дальнейшем развитии производительных сил Дальневосточного экономического региона и Читинской области», в котором были определены некоторые льготы финансирования Дальнего Востока и меры по привлечению населения. Большая часть северных льгот, отмененных в 1956 и 1960 гг., была восстановлена в конце 1960-х гг.

Действия руководства страны, направленные на «повышение материального благосостояния», нашли свое отражение и в миграционных процессах. В 1970-х гг. был сделан акцент на увеличение денежных доходов различных социально-профессиональных групп дальневосточников. Принятие важного для жителей региона постановления Совета Министров СССР от 26 сентября 1967 г. стало завершающим актом в цепи всех предшествовавших социально-политических событий. Данным документом вводился коэффициент к заработной плате рабочих и служащих легкой и пищевой промышленности, просвещения, здравоохранения. В 1968—1970 гг. повышена заработная плата 350 тыс. жителей Дальнего Востока [43, с. 154—155, 171]. Результаты социальной политики позитивно повлияли и на миграционные процессы 1970-х гг.

В 1960-е гг. развиваются новые исследовательские направления, связанные с урбанизацией. В частности, был выделен блок вопросов, где рассматривалась специфика роста и развития небольших городов. В миграционной политике появилось новое направление, касавшееся закрепления трудовых ресурсов и населения, — это проблемы малых и средних городов.

Ученые Дальнего Востока в своих исследованиях выявили, что производство в регионе размещено нерационально: в крупных городах постоянно ощущался дефицит рабочих кадров, а в малых и средних городах имелся их избыток. Подобная диспропорция в 1968 г. отмечалась в 13 городах Дальнего Востока. В городах Зея, Шимановск, Сковородино Амурской

области, Красногорске Сахалинской области числилось около 200 чел., необеспеченных работой, в Спасске, Имане (Дальнереченск), Лесозаводске, Арсеньеве — от 200 до 500 чел., в Белогорске, Райчихинске Амурской области и в Артеме, Сучане (Партизанск) Приморского края — от 500 до 1000 чел. [ГАРФ. Ф. 10.005. Оп. 1. Д. 38. Л. 91]. Однако проблемы малых и средних городов, осознанные еще в конце 1960-х гг., привлекли внимание управленцев только в 1979 г. [ГАПК. Ф. 510. Оп. 3. Д. 893. Л. 50].

Во второй половине 1950-х — 1960-х гг. шел поиск трудовых ресурсов из дополнительных источников. Традиционно прирост населения происходил за счет более высокой рождаемости у сельских жителей. Однако уже со второй половины 1950-х гг. проявились печальные результаты индустриализации, раскулачивания, освоения целины и т.д., которые привели к фактическому и долевному снижению численности крестьян. Институт экономических исследований ДВО РАН представил следующие данные: если в 1960 г. прирост населения в СССР составлял 22,6 чел. на каждую тысячу человек, то в 1984 г. — 12,6 чел. в СССР и 3,3 чел. — РСФСР. В 1967—1985 гг. ежегодно уменьшалась численность селян в СССР почти на 700 тыс. чел. [57, с. 64—65], в том числе по причине оттока населения из сел и деревень.

Массовое переселение сельских жителей в города активизировало местные власти на противодействие этому процессу.

25—26 декабря 1959 г. в Москве состоялось совещание начальников паспортных отделов управлений милиции МВД РСФСР. Обсуждалась одна из важных проблем — запрет на обмен паспортов лицам, выехавшим на сезонные работы в лес-промхозы и города. В частности, указывалось, что орграбочие, выехавшие по временным паспортам, в колхозы не возвращаются. Предлагалось ввести два вида временных паспортов: те, которые подлежат обмену в других населенных пунктах, и те, которые подлежат обмену только в местах их выдачи [ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1478. Л. 96]. Причиной такого решения было массовое выбытие колхозников.

До конца 1960-х гг. увеличение трудовых ресурсов СССР проходило в условиях, когда за рамками производства всегда имелся резерв рабочей силы. Его составляли преимущественно женщины, занятые в домашнем и личном подсобном хозяйстве. В 1950 г. в домашнем и личном подсобном хозяйстве было занято 26% трудовых ресурсов страны, в 1970 г. этот показатель снизился до 10%. В расчете на 100 чел., незанятых в общественном производстве, в 1950 г. приходилось 165 чел. занятых, в 1960 г. — 156 чел., в 1970 г. — 128 чел. В 1970—1980-х гг. уровень занятости населения практически достиг наивысшей точки [57, с. 191—193, 195].

На Дальнем Востоке в 1970 г. доля трудоспособного населения, занятого в домашнем и личном подсобном хозяйстве, превышала 30% по сравнению с РСФСР. Наибольший удельный вес среди незанятых в общественном производстве составляли женщины в возрасте от 25 до 45 лет (62,3%), среди которых ранее работали на производстве — 81,3% [48, с. 109].

Трудности вовлечения женщин в производство объяснялись отсутствием детских дошкольных учреждений. Например, на Камчатке в 1967 г. 35,5% неработающего трудоспособного населения составляли женщины, занятые уходом за малолетними детьми. Преобладание в регионе предприятий, которые специализировались на использовании мужского труда, также негативно влияло на рост числа работающих женщин. В районах, где доминировали предприятия горнодобывающей, энергетической, металлургической и др. промышленности, мужчины составляли до 70% от числа работавших [38, с. 100].

Наличие дополнительных источников трудовых ресурсов стимулировало развитие детских дошкольных учреждений. Увеличение количества и открытие предприятий, где труд женщин был более востребован (предприятия службы быта, швейное производство, приборостроение), позволили вовлечь в народное хозяйство значительное число женщин. Например, в 1960—1970 гг. в Приморском крае на 20,9% сократилась доля лиц, занятых в домашнем и личном хозяйстве. В результа-

те трудовой резерв составил 48,6 тыс. чел. [58, с. 10]. Однако к концу 1970-х гг. этот источник иссяк.

С началом освоения целины и появлением союзных строек получила развитие разновидность организованного набора рабочих — общественный призыв. Эта форма миграции была направлена на молодежь в возрасте от 18 до 25 лет, носила идеологический характер и подпитывалась эмоционально.

На Дальнем Востоке общественные призывы стали играть важную роль несколько позже, чем в центральных регионах страны. Выход в свет Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» обусловило массовое появление строек союзного и республиканского значения. ЦК ВЛКСМ в 1967—1970-х гг. в порядке общественного призыва направлял на важнейшие стройки и вводимые в действие крупные предприятия региона ежегодно несколько тысяч человек из числа молодежи. В 1968—1971 гг. на Всесоюзных ударных стройках, например в Приморье, трудилось 8 тыс. юношей и девушек, прибывших из многих регионов РСФСР и других республик СССР [38, с. 105].

Политическое руководство страны продолжало поддерживать и другой источник пополнения трудовых ресурсов, хотя и сезонный — студенческие стройотряды, которые появились в стране в конце 1950-х гг. В период летних каникул они прокладывали линии электропередач, трудились на возведении производственных, социально-бытовых и культурных объектов. Этот период студенты до сих пор называют трудовым семестром. В Приморском крае первый такой отряд появился в 1963 г. За счет молодежи численность рабочих стройотрядов увеличилась с 20 чел. в 1963 г. до 2993 чел. в 1968 г. Только в 1968 г. стройотряды приняли участие в строительстве 33 двух- и четырехквартирных жилых домов, 9 коровников, 5 птичников, 2 норкоферм, 50 км оросительных систем, 2 зерноскладов и т.д. Отряд освоил 2305 тыс. руб. [59, с. 61—64]. Стройотряды работали во время путины на Курильских островах. Вклад

Фото 21. Стройотряд на строительстве коровника

студентов в развитие некоторых отраслей Дальнего Востока был значительным, особенно в условиях постоянного дефицита трудовых ресурсов.

В 1960-е гг. правительство обратило внимание на возможность переселить на Дальний Восток имmobileное население Кавказа и Средней Азии [57, с. 64—65]. Сделанный специалистами по заданию правительства анализ степени обеспеченности трудовыми ресурсами регионов страны выявил следующую картину. Наибольший избыток трудовых ресурсов наблюдался в Чечено-Ингушской АССР — 14,7%, Кабардино-Балкарской — 10,6%, Дагестанской — 10,0%, Башкирской — 5,1%, Татарской АССР — 4,8%, Краснодарском и Ставропольском краях — 4,3 и 4,2% соответственно [ГАРФ. Ф. 10.005. Оп. 1. Д. 433. Л. 106]. Но вовлечение в миграционные процессы населения этих республик происходит позже — в 1970-е гг.

Как и в предыдущие годы, для привлечения населения на Дальний Восток широко применялся информационно-агитационный ресурс. В центральных областях издавались листовки, объявления, плакаты по вопросам переселения.

Так, переселенческим отделом Брянской области было издано 19 тыс. объявлений и листовок, Владимирской области — 2,5 тыс., Вологодской области — 6 тыс. листовок и 5 тыс. плакатов и т.д. В то же время из принимающих регионов агитматериалы поступали в ограниченном количестве, что на нет сводило значительную часть работы «вербовщиков». Так, в Липецкую область из Приморского края пришло всего 200 брошюр, в Московскую — 100 шт. Не заинтересованно выполнялась работа по информированию, сколько семей готовы принять область или край вселения. Была информация только по отдельным колхозам Амурской и совхозам Сахалинской областей [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 36. Л. 21, 23].

Однако с 1960-х гг. в этой части миграционной политики происходят некоторые изменения, что было связано с общей установкой правительства оптимизировать расходы на рекламу. В 1959 г. вышел приказ № 14 от 3 марта «О сокращении объема изданий агитационно-справочных материалов», где говорилось о запрете издания «художественных плакатов, многокрасочных клишированных объявлений, специальных выпусков областных, краевых и республиканских газет, фотогазет и брошюр». Согласно этому приказу разрешалось «издавать только обычные объявления, листовки, обращения колхозов, совхозов, райисполкомов вселения и специальные выпуски районных газет»; «объявления о наборе рабочих и переселении населения помещать в местной печати и объявлять по радиовещанию только при наличии в этом необходимости». В результате ограничения финансирования выпуска агитматериалов были прекращены централизованное издание художественных плакатов и объявлений, а также выпуск бюллетеня Главного управления по обмену опытом [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 115. Л. 51]. В данном приказе отразилось не только стремление чиновника высшего звена сократить средства на эту статью расходов, но и сохранить практику дозированной информации о местах вселения.

Для популяризации переселения в многоземельные районы и оргнабора в районы Крайнего Севера и Дальнего

Востока в местной печати размещали квалифицированные статьи, рассказы и очерки. Были случаи, когда редакторы газет отказывались публиковать эти материалы. Бюро Приморского крайкома КПСС обязало редакцию газеты «Красное знамя» выпустить номер, посвященный вопросам переселения рабочих и служащих в колхозы. Однако редактор Федюшов заявил, что делать этого не будет [ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 305. Л. 7]. Как нам представляется, причина отказа редактора, вероятно, заключалась в том, что ему была известна реальная ситуация с обустройством и оттоком мигрантов, а также их качественный состав.

Позицию редактора разделяли и некоторые управленцы, принимавшие участие в обустройстве оргмигрантов, что было реакцией на некачественную работу сотрудников отделов регионов-доноров, которые при подготовке документов на переселение на Дальний Восток грубо нарушали «Инструкцию о порядке переселения в колхозы и совхозы». «В результате, вместо настоящих тружеников колхозного производства, изъявивших желание переселиться в восточные районы, в том числе и в Хабаровский край, отбирались и переселялись во многих случаях семьи, которые не состоят в законном браке, лица без медицинского освидетельствования, не способные к физическому труду, ни в какой степени не связанные с сельским хозяйством, много раз менявшие место жительства, неоднократно уже переселявшиеся, а в отдельных случаях лица, которые использовали органы для переселения для ведения паразитического образа жизни», — писал в 1959 г. руководитель сельскохозяйственного отдела Хабаровского края в Главное управление [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 246. Л. 38]. Такой состав переселенцев не способствовал обеспечению рабочими кадрами колхозов и совхозов Дальнего Востока и формированию стабильного населения.

Другая форма агитации — специально организованные встречи переселенцев на различных мероприятиях, которые были частью идеологии в отношении потенциальных сельскохозяйственных мигрантов. Например, переселенка Прасковья

Гавриловна Настенанина²⁰, выступая на встрече переселенцев Дальнего Востока с экскурсантами ВДНХ, так описывала свое проживание на Сахалине: «Когда мы переехали на Сахалин... получили от государства ссуду. На эти деньги мы приобрели дом, за который заплатили только 50% стоимости... Затем мы купили хорошую корову. На это дают ссуду, а если денег не хватает, то еще помогает колхоз. Колхоз выделил нам приусадебный участок... Живу я хорошо. Если бы я жила в Орловской области, я бы никогда того не имела, что имею, живя на Дальнем Востоке. Мне пришлось без мужа воспитывать и поднимать на ноги 5 детей... В Сахалинской области имеются все возможности для того, чтобы жить хорошо» [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 92. Л. 51—52].

О таких счастливицах писали в газетах, делали радиопередачи, в том числе и в местах их выхода. Агитация предназначалась прежде всего тем, чей уровень жизни по-прежнему оставался низким. Одним из таких способов его улучшения было переселение на Дальний Восток.

На встрече переселенцев с экскурсантами ВДНХ, которая состоялась 20 июня 1958 г.²¹, руководитель Главного управления переселения и оргнабора М.М. Поляков отметил, что переселенцы в колхозах Дальнего Востока составляют 50—90% от общего состава колхозников. Благодаря сельхозпереселенцам, например на Сахалине с 1946 по 1957 гг. появилось ещё 14 совхозов, 61 колхоз, 4 сортоиспытательных участка и др. В Приморском крае 74% колхозных хозяйств в 1956 г. были переселенческими [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 92. Л. 40—44; Д. 181. Л. 34].

С середины 1950-х гг. из-за обозначившегося дефицита «рабочих рук» в селах регионов-доноров произошли

---

²⁰ Прибыла из Орловской области в 1949 г., работала дояркой в колхозе «Труд» Александровского района Сахалинской области.

²¹ 20 июня 1958 г. было опубликовано постановление Пленума ЦК КПСС «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы в МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов», которое оказало положительное влияние на развитие сельского хозяйства. См.: ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 92. Л. 45.

изменения в переселении. По плановому набору прекратили «набирать» семьи, имевшие собственное жилье. Анализ их «обратничества» показал, что те переселенцы, которые в местах выхода жилье не имели, закреплялись значительно лучше. В число переселенцев официально разрешили принимать горожан. Вовлечение в сельхозмиграции городского населения было вызвано фактическим обезлюдиванием сельских местностей. Вопрос обеспечения рабочими кадрами аграрных регионов страны стоял настолько остро, что возникала потребность в восстановлении демографического потенциала в селах, откуда долгое время черпали трудовые ресурсы для регионов освоения. После просьб, приходивших из регионов-доноров, Главное управление сократило планы набора. Так, первоначально в планах отправки на Дальний Восток стояло 2850 семей, но по просьбам местных районных и региональных исполкомов отправили 75,8%. Распоряжениями Совета Министров РСФСР № 1971-р от 15 мая 1957 г. и № 2673-р от 18 июня 1957 г. план переселения из центральных областей РСФСР для работы в лесной промышленности Дальнего Востока был сокращен на 2755 чел., в том числе для Сахалинской области — на 900 семей, Хабаровского края — на 200 семей [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 42. Л. 22].

Во второй половине 1950-х — в 1960-е гг. переселенческие мероприятия проводились так же, как и в послевоенные годы, т.е. через систему оплаты расходов на переезд, выплаты единовременных пособий, кредитование жилищного и бытового обустройства и контроля над деятельностью тех, в чьи обязанности входило оказание содействия в вопросах перехода мигрантов в число постоянных жителей.

В структуре кредитования мероприятий по переселению немалая доля шла на выплату единовременных пособий для переселенцев (табл. 2). Ощутимая разница (в 15 раз) в выплатах пособий между регионами вселения способствовала более активному заселению отдаленных территорий. К концу 1960-х гг. государство увеличило размер выплат единовременного пособия. Для переселенцев, пожелавших переселиться

Таблица 2

**Размеры единовременных денежных пособий для переселенцев
в 1959 г. и 1968 г. (руб.)**

№		1959 г. на главу семьи / на члена семьи	1968 г. на главу семьи / на члена семьи
1	Камчатская область	3000 / 600	
2	Сахалинская область	2000 / 300	
3	Приморский, Хабаровский края, Амурская область	1300 / 275	150 / 30
4	При переселении внутри регио- на и остальной Центральной нечерноземной полосы	200 / 100	

Таблица составлена автором на основе: ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 106. Л. 54; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 30. Д. 547. Л. 158.

в колхозы южной части Дальнего Востока, размер единовременных выплат на главу семьи увеличился на 20 руб. и составил 150 руб., на членов семьи — с 27,5 руб. поднялся до 30 руб.

Согласно Постановлению Совета Министров РСФСР № 83 «О кредитном плане» от 24 января 1959 г. Сельхозбанк предоставлял кредиты на сумму 3820 млн руб., в том числе колхозам на производственные мероприятия — 2710 млн руб., переселенцам на хозяйственное устройство — 426 млн руб., на индивидуальное строительство — 539,5 млн руб. Доля кредитования переселенцев Дальнего Востока в общей структуре расходов, связанных с их обустройством в 1959 г., составила 6,7% от общей суммы (7535,8 тыс. руб.) [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 41. Л. 3].

Размеры долгосрочного кредитования колхозов Дальнего Востока представлены в табл. 3.

В структуре сметы расходы на хозяйственное обустройство переселенцев и жилищное строительство составили 12,5%. Значительная часть средств шла на производственные нужды колхозов. Это свидетельствует о том, что приоритетным

Таблица 3

План долгосрочного кредитования колхозов в 1959 г. (тыс. руб.)

№		Выделено колхозам на производственные нужды	Переселенцам на хозяйственное устройство	На индивидуальное строительство	Итого
1	Амурская область	34 500	24 700	12 640	71 840
2	Камчатская область	3 100	3 200	3 900	10 200
3	Приморский край	23 100	25 000	2 670	50 770
4	Сахалинская область	6 300	7 500	820	14 620
5	Хабаровский край	18 000	8 500	7 790	34 290

Таблица составлена автором на основе: ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 106. Л. 15—17.

направлением в кредитовании был рост экономических показателей в сельском хозяйстве.

Обеспечение жильем являлось одним из главных мотивов переезда на Дальний Восток. В 1957 г. Главное управление переселения и оргнабора планировало отправить из центральных областей РСФСР на Дальний Восток 2850 семей [Там же. Д. 42. Л. 22]. Именно такое количество домов необходимо было подготовить. Для тех, кто переселялся в южную часть Дальнего Востока в 1959 г., на строительство домов отпускаялось 20 тыс. руб., на Сахалине — не более 25 тыс. руб., на Камчатке — до 30 тыс. руб. [Там же. Д. 107. Л. 42]. К концу 1960-х гг. кредит на строительство домов в совхозах составлял 3,6 тыс. руб., для колхозов — 4 тыс. руб. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 30. Д. 547. Л. 158].

В 1962 г. Главное управление переселения и оргнабора на межреспубликанское сельскохозяйственное переселение 3 тыс. семей планировало израсходовать 645,2 тыс. руб., из них на выплату единовременных денежных пособий — 366 тыс. руб., перевозку переселенцев гужевым, железнодорожным, морским и речным транспортом — 258,2 тыс. руб., организационные расходы — 21 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 209. Л. 1].

Переселенческую политику на Дальний Восток советское правительство стремилось увязывать с организацией строительства жилья. В зависимости от времени переезда семей из других регионов определялся график подготовки и строительства домов. Райисполкомы формировали строительные бригады, состоящие из переселенцев. Численность каждой из них должна быть не менее 10—15 чел. На 1 января 1956 г. в Приморском крае имелось 12 строительных бригад, в которых трудились 43 чел. Большие объемы работ по строительству и ремонту жилья не позволяли выполнять планы своевременно. Строителей не хватало, в связи с чем райисполкомы формировали бригады из механизаторов МТС или нанимали рабочих со стороны. Такие бригады получили название «диких». Но и они вместо строительства жилья постоянно перебрасывались на другие работы [ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 305. Л. 6].

Наиболее благоприятная ситуация складывалась на юге Дальнего Востока, что было связано с реализацией распоряжения Совета Министров РСФСР 1954 г., которое обязало Министерство лесной промышленности изготовить на своих заводах и поставить для переселенцев 1955—1957 гг. вселения стандартные дома²²: в Сахалинскую область — 600 домов, Хабаровский край — 8,8 тыс., Приморье — 3 тыс. домов [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 3с. Л. 6]. На 1 декабря 1956 г. на Дальнем Востоке в колхозах вселения было подготовлено 79,9% домов.

Некоторым местным органам удавалось подготовить дома для переселенцев: в Хабаровском крае — на 106,9%, Амурской области — на 114,3% [Там же. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 36. Л. 3—4]. Однако реальная картина была несколько иной. В Приморье при плане 3,5 тыс. домов построили 2598 (74,2%) [62, с. 248]. На Сахалине план постройки домов оказался выполненным на 42,9% (план — 1000 домов, построено — 429 домов), а на

---

²² Стандартный дом до 1960 г. был размером 5,5×6,5 м, состоял из одной комнаты и кухни. В 1960 г. Приморским крайисполкомом утвержден проект дома размером 6×7,2 м, состоявший из 3 комнат, кухни, веранды, с надворными постройками и изгородью. См.: Пискунов С.А. Жилищное строительство... С. 248.

Камчатке — 8% (план — 350 домов, построено — 28 домов) [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 36. Л. 3—4]. В 1959 г. И. Черноплатов, проверяющий готовность жилья для переселенцев Хабаровского края, указывал: «190 лучших домов, построенных для переселенцев, заняты не переселенцами», еще 155 домов находились в стадии незавершенного строительства [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 246. Л. 47]. Сложная ситуация по обеспечению жильем усугублялась из-за слаборазвитой базы строительных материалов.

Руководители колхозов размещали переселенцев «в порядке уплотнения на квартирах местных колхозников». В Гродековском (Пограничном) районе Приморского края к 1958 г. не имели жилья 153 семей переселенцев, приехавших в 1953—1957 гг. [63, с. 117].

Одна из причин недостатка строительства жилья — разница между отпущенным кредитом на строительство и фактически израсходованными средствами. Анализ предшествующего периода показал, что выделенные средства только на 2/3 покрывали расходы на строительство. Стоимость домов при сдаче превышала отпущенные средства на 30—50%.

Дома строились преимущественно подрядным способом. В этом случае часто допускались приписки, завышались объемы и стоимость выполненных работ, что имело место в начале 1960-х гг. Так, в колхозе «Шуфанский ударник» Ворошиловского (Уссурийского) района Приморского края по 6 домам смета была превышена на 8210 руб. Другая организация — Стройуправление «Приморскстрой» — незаконно получила 1793 руб. за накладные расходы и 10 187 руб. сметных начислений. Стоимость каждого построенного «Приморскстроем» дома превысила плановую на 3360 руб. [ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 305. Л. 7]. В колхозе «Коммунар» (Уссурийский район) превышение начислений составило около 11 тыс. руб., в колхозе им. Сталина — 22 тыс. руб. [Там же. Л. 8].

Строительство жилья для переселенцев менялось с развитием строительной индустрии. Введение новых материалов (шлакоблоков) должно было снизить расходы на строитель-

ство жилья переселенцами. Например, стоимость домов, построенных рабочими «Приморскстроя» в конце 1950-х гг., достигала 28,4—30,6 тыс. руб., тогда как стоимость плакоблочных домов, построенных хозяйственным способом, составляла от 18 до 20 тыс. руб. [Там же].

Государство, выделяя средства на строительство жилья, вполне реально определяло их объем. В решении вопросов обеспечения переселенцев домами следует отметить нерациональное использование отпущенных средств и нечестность тех, кто занимался строительством.

Переселенцы делали попытки привлечь внимание руководителей местных райкомов и райисполкомов к решению жилищной и других проблем, используя самые доступные для них средства. В партийные и советские органы поступали жалобы на плохое хозяйственное обустройство, отсутствие жилья, неполную подготовку жилых строений и надворных построек и т.п. В Амурской области 44% от всего количества жалоб были посвящены «жилищному вопросу» переселенцев. Из-за отсутствия хозяйственных построек многие из них птицу и скот держали в домах. В Приморье в 1960 г. 800 семей отказались вселяться в построенные дома [62, с. 248; ГАРФ. Ф.А-518. Оп. 1. Д. 181. Л. 43], поскольку ремонт в них не закончен, отсутствовали надворные постройки. Учитывая крайне низкое материальное положение переселенцев, можно предположить, что собственных денег на достройку и ремонт домов у них не было.

Другой проблемой было качество жилья. Дома, построенные, например, в колхозах Хабаровского края в 1950—1955 гг., к середине 1960-х гг. становились непригодными для проживания, так как строились без учета особенностей дальневосточного климата. Переселенцы отказывались вселяться в полусгнившие дома. Следовательно, кредиты на строительство жилья, взятые колхозами и совхозами, некому было погашать. В результате дальнейшее кредитование новоприбывших переселенцев становилось затруднительным [ГАРФ. Ф. Л-518. Оп. 1. Д. 275. Л. 98].

Таким образом, в селах Дальнего Востока складывалась ситуация, когда, с одной стороны, переселенцы оставались без жилья, хотя часть домов пустовала, с другой — деньги, отпущенные на строительство домов, в которые сельхозмигранты отказывались селиться, вовремя не возвращались в казну государства.

Местные власти понимали, что отсрочка выплаты ссуд по таким домам была нецелесообразна, поэтому обращались в Главное управление по переселению и оргнабору РСФСР с просьбой о списании задолженности. Её размер в 1959 г. составлял 198 тыс. руб. Обращение М.М.Полякова в Государственный банк положительного результата не дало, и он обратился в Совет Министров РСФСР [Там же. Л. 99—100, 102]. Нам не удалось до конца проследить судьбу данного обращения, но можно предположить, что со временем это ходатайство было удовлетворено.

Развитие строительной отрасли на Дальнем Востоке, в том числе и производства строительных материалов, только к началу 1970-х гг. позволило решить жилищную проблему на селе. Мигранты, приезжавшие в это десятилетие, отмечали, что они вселялись в отдельные дома²³. Так, в Приморском крае только 8,2% переселенцев причиной увольнения из совхозов назвали отсутствие жилья, к середине 1970-х гг. этот показатель незначительно увеличился (до 9,9%) [63, с. 135], в то время как в 50-х гг. он составлял 40%.

Обустройству переселенцев управленцы традиционно уделяли внимание в большей или меньшей степени. Но только однажды по данному вопросу состоялось межобластное совещание работников отделов переселения и оргнабора рабочих краёв и областей Сибири и Дальнего Востока, которое проходило 25—26 января 1961 г. в г. Иркутске. На совещании было отмечено, что в 1960 г. колхозы Приморского края за принятых

---

²³ В 2001 г. автор проводила анкетирование мигрантов, прибывших в 1960—1990-е гг. Именно этот факт был отмечен теми, кто прибыл в 1970-х гг.

переселенцев получили льготы по подоходному налогу в сумме 4549 тыс. руб., за счет которых им была оказана материальная помощь. По сравнению с 1950-ми гг. увеличилась продовольственная ссуда. Большинство колхозов выдали зерна на голову семьи 1,5 ц, на каждого члена семьи — по 0,5 ц, картофеля — от 200 до 300 кг. В общем переселенцам выдали 1418 ц зерна, 3348 ц картофеля, 9034 голов птицы, 1238 поросят и денег — 531 615 руб. [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 181. Л. 37].

Но зачастую «помощь», которую оказывали прибывшим переселенцам, была символической. В 1957 г. зам. главного контролера по Приморскому краю А. Мудрецов писал министру А.Л. Дедову, что колхоз «Сталинский путь» Гродековского (Пограничного) района в связи с приемом переселенцев получил льготы по освобождению от уплаты подоходного налога на сумму 77,2 тыс. руб. и от обязательных поставок государству сельхозпродукции на сумму более 325 тыс. руб. Однако материальную помощь никому из переселенцев не оказал. Глава многодетной семьи (6 детей) Н.П. Комаров (прибыл в 1956 г.) большую часть времени был занят на строительстве дома, поэтому заработал всего 48 трудодней. Больше месяца его семья питалась только кукурузой. Правление колхоза отказывало даже в мелких просьбах, например, о выдаче нескольких кур. В материальной помощи в этом колхозе нуждались семьи переселенцев И.А. Ковалева, Н.М. Полякова, Е.М. Игошиной, И.Ф. Илларионова и др.

Колхоз-миллионер «Заря коммунизма» этого же района получил льгот на сумму 552,2 тыс. руб., но при этом продовольственную ссуду в объеме 19,8 ц зерна не выдал 14 семьям. Продовольственная ссуда удерживалась с переселенцев при выдаче аванса на выработанные трудодни, хотя правительством устанавливался трехлетний срок для ее погашения [ГАПК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 305. Л. 12].

Выдача зерна, овощей, картофеля, а также продажа птицы и крупного рогатого скота с 50% скидкой от их стоимости не решали проблемы переселенцев. Потенциальным переселенцам в местах выхода обещали, что им дадут коров и птицу

бесплатно [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 181. Л. 36]. В то же время в совхозах было запрещено продавать переселенцам скот, отпускать фураж, обеспечивать их транспортом. Это приводило к тому, что переселенцы, узнав, что переселились в совхоз (хотя переселялись в колхоз), отказывались вселяться или вселялись, но потом переходили в колхоз [50, с. 48; ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 181. Л. 36].

Обеспечение на местах продссудами и оказание материальной помощи переселенцам были актуальными. Материальная обеспеченность прибывших переселенцев конца 1950-х — начала 1960-х гг. мало чем отличалась от материального положения переселенцев первых послевоенных лет. Так, в семье переселенца П.И. Соколова из 7 чел. была 1 пара изношенных валенок (колхоз «Заря коммунизма» Гродековского (Пограничного) района). Если дочка-школьница ходила в школу, то мать на это время оставалась без обуви. Мальчик школьного возраста школу вообще не посещал, так как не имел зимней одежды [ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 305. Л. 12]. В 1957 г. в колхоз переселилось еще таких 6 семей. Переселение в регионы освоения было для многих единственным способом улучшить материальное положение. И только в 1970-х гг. значимость продовольственной ссуды стала минимальной, поскольку материальное положение переселенцев 70-х гг. значительно отличалось от материального положения переселенцев второй половины 1940-х — начала 1960-х гг.

Если в 1950-х гг. мигранты везли с собой имущество весом до 2 ц, то в 60-х гг. он уже составлял 3 ц, а в 70-х гг. доходил до 2 т. У некоторых переселенцев, прибывших в 1973 г. по сельхозпереселению в г. Артем Приморского края, имелся личный автототранспорт [59, с. 136].

При выборе мест переселения вербовщики использовали информацию о доходах (зарботки, полученные по трудодням), о размерах единовременных выплат, объёмах ссуд и льгот и др. В совокупном доходе учитывались цены, которые существовали в регионе вселения. Таким образом у потен-

циальных переселенцев формировалось представление о более высоких заработках, чем в местах выхода.

П.Г. Настенанина, о которой уже упоминалось, о своих доходах рассказывала с воодушевлением: «...В прошлом году... я получила 10 640 руб. деньгами, 700 кг картофеля и столько же капусты. Большой доход я получаю со своего хозяйства. Мы держим корову, двух кабанов... Доход от моего хозяйства, не считая того, что нам остается (один кабан, яйца, птица) составил 36 тыс. рублей...» [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 92. Л. 51—52]. Однако, чтобы получить такой доход, П.Г. Настенанина прожила на Сахалине около 10 лет.

Переселенцы второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. предпочитали везти коров с собой (см. табл. 4).

Так, самый высокий процент семей мигрантов, переселившихся в Приморский край, которые приобрели коров, зафиксирован в 1964 г. (67,2%), самый низкий — в 1974 г. (2,4%). Социально-экономическое поведение мигрантов в 1964 г. объяснялось возникшими трудностями в приобретении продовольствия, повышением цен на молочные и мясные продукты. В 1965—1967 гг. численность семей переселенцев, имевших коров, составляла в среднем 41,3%, в 1968—1969 гг. — 15,7% (см. табл. 4). Однако дальнейшее сокращение продажи мясо-молочных продуктов и высокая их стоимость заставили переселенцев завести в хозяйстве корову. В 1976 г. уже 47% мигрантов изъявили желание приобрести крупный рогатый скот [63, с. 136].

Улучшение организации переселения и обустройства мигрантов не решало в полной мере проблему их оттока. Высокая доля «обратников» оказывала гнетущее впечатление и на постоянных жителей, формируя психологию временщика, в том числе у тех, кто прожил здесь достаточное количество лет. Проверкой Главного управления переселения и оргнабора рабочих при Совете Министров РСФСР было установлено, что по причине неудовлетворительного хозяйственного устройства из Хабаровского края к концу 1956 г. выбыла

Таблица 4

**Обеспеченность переселенцев жильём, приусадебными участками и крупным рогатым скотом
в Приморском крае (1964—1969 гг.)**

	1964		1965		1966		1967		1968		1969	
	С*	К**	С	К	С	К	С	К	С	К	С	К
Наличие семей переселенцев	1179	1185	1025	1080	1181	908	1038	1116	1708	990	2108	1762
Получили или имели жилье	446	1181	989	1080	894	908	630	1116	1226	750	2088	310
Дома	243	1110	726	991	860	719	567	1116	383	750	2088	310
Квартиры	203	71	263	89	34	189	63	—	843	—	—	—
Имели скот	678	911	636	72	79	680	384	777	248	59	385	394
Получили при-усад. участки	1176	1181	1025	1080	1181	908	991	1116	1708	990	2083	1760

* С — совхозы, ** К — колхозы.

Таблица взята из кн.: Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 136.

431 семья (27,7%), Амурской области — 179 семей (10,8%), Сахалинской области — 100 семей (16,8%) от числа принятых новоселов. Примерно такой же процент выбывающих сохранялся до конца 1960-х гг. (от 25 до 30%) [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 36. Л. 4; 62, с. 248]. Отток сельхозпереселенцев способствовал распространению негативной информации в местах их выхода, что влияло на выполнение планов переселения на Дальний Восток.

В результате проведенных мероприятий по сельхозпереселению на Дальний Восток в 1956—1970 гг. силами управлений и отделов переселения и оргнабора было «завезено» 60 тыс. семей колхозников. В 1960-х гг. объемы набора переселенцев продолжали снижаться: если в первой половине 1950-х гг. в колхозы Дальнего Востока прибыло 37,2 тыс. семей (или более пяти тысяч семей ежегодно), то в 1962 г. в сельскую местность Хабаровского края прибыло 250 семей, Амурскую область — 150 семей, Приморский край — 600 семей. В 1965 г. Амурская область приняла 1950 семей, Приморский край — 1100 семей, Хабаровский — 1150 семей [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 275. Л. 143]. Всего на Дальний Восток в 1956—1970 гг. прибыло немногим более 60 тыс. семей [60, с. 89—90].

Введение во второй половине 1960-х гг. льгот для дальневосточников и развитие социальной инфраструктуры оказали влияние на обеспечение ряда отраслей трудовыми ресурсами. С одной стороны, несмотря на существенное сокращение планов переселения в регионах набора, по-прежнему был недобор плановых мигрантов, а с другой — количество семей, желавших самостоятельно переехать в регион, постепенно увеличивалось. В отличие от первых послевоенных лет теперь каждый второй мигрант прибывал без государственной поддержки. Это явилось результатом проведения мероприятий органами власти по распространению переселенческих льгот не только на тех, кто прибыл организованно, но и переселившихся самостоятельно. При этом у последней категории мигрантов преимуществ в выборе места жительства и отрасли приложения своего труда было больше.

В 1950—1970 гг. в сельские районы приехало 400 тыс. чел., а прирост населения составил только 157 тыс. чел. [50, с. 47]. В рассматриваемое десятилетие из приморских сел уехало более 50,8 тыс. чел., из Хабаровского края — 12,6 тыс., Амурской области — 10 тыс., Сахалинской области — 18,3 тыс. чел. Единственным исключением стала Камчатская область, где приток составил 5,2 тыс. чел. [Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 427]. Динамика сельского населения в Дальневосточном регионе в 1970-е гг. выглядела следующим образом: в 1971 г. здесь проживало (без учета Магаданской области) 1,25 млн чел., в 1981 г. — 1,24 млн, т.е. за 10 лет население сократилось на 10 тыс. чел. Что же касается миграции, то в 1971—1975 гг. убыло 65 тыс. чел., а в 1976—1980 гг. — 16 тыс. [Там же].

Если в первой половине 1970-х гг. отток сельского населения был существенным (65,1 тыс. чел.), то со второй половины начинается его стабилизация. По сравнению с селами РСФСР, где с 1960-х гг. численность ежегодно сокращалась на 700 тыс. чел., в южной части Дальнего Востока достаточно высокий прирост сельского населения сохранялся вплоть до середины 1980-х гг. В 1975—1984 гг. он составлял от 6 до 15 тыс. чел. в год, но обеспечивался ежегодным прибытием и убытием 130—150 тыс. чел. [Там же. Л. 426]. Тем не менее, несмотря на некоторые минусы, с точки зрения миграционных процессов и притока трудовых ресурсов 1970-е гг. оказались самыми благоприятными. Если в 1960-е гг. в структуре изменения численности дальневосточного населения доля миграционного прироста составляла 15%, то в 1970-е гг. — около 40% [61].

На Дальнем Востоке в середине 1950-х—1970-е гг. увеличилось число предприятий, фабрик, заводов и т.д. Привлечение трудовых ресурсов решалось прежними методами — переброской населения из центральных регионов. В 1955—1970 гг. в регион в порядке оргнабора прибыли 231 тыс. рабочих [46, с. 47].

Однако уже с конца 1950-х гг. из-за дефицита трудовых ресурсов в центральных районах возникли определенные труд-

ности в наборе организованных мигрантов. Так, из плана оргнабора на 1957 г. (431 тыс. чел.) исключили общественный призыв молодежи (23 тыс. чел.) [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 42. Л. 2]. Постепенно происходит снижение доли оргнабора в миграциях: в 1953 г. она составила 43,5%, 1956—1960 гг. — 26,5%, в 1966—1970 г. — 20,9%. В первой половине 1960-х гг. доля сельчан, например Приморского края, была менее 30%, а доля сельских жителей в валовой миграции населения по выбытию составляла 33,9% [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 179. Л. 63].

В 1951—1955 гг. около половины оргнабора в стране приходилось на внутриобластной набор рабочей силы, но со второй половины 1950-х гг. оргнабор имел характер межтерриториального перераспределения рабочей силы [64, с. 182]. На Дальнем Востоке картина была иной. Если во второй половине 1940-х гг. доминировало прибытие орграбочих из центральных районов страны, то с 1950-х гг. наблюдался постепенный сдвиг в сторону набора орграбочих из числа дальневосточного населения. Так, если в 1950 г. «завезли» 50 тыс. рабочих, то за пять лет (1955—1960) — 70 тыс. чел. [60, с. 89].

Руководство страны основное внимание уделяло обеспечению трудовыми ресурсами предприятий рыбной промышленности Дальнего Востока. В 1955 г. на Камчатку было направлено 11 тыс. рабочих. Согласно приказу по Главному управлению переселения и оргнабора рабочих от 28 февраля 1959 г. на весенне-летний период этого года плановая численность орграбочих для Камчатки составляла 14 тыс. чел., Сахалина — 4 тыс. чел., Приморского края — 1 тыс. чел., Хабаровского — 1,8 тыс. чел., что равнялось 90,8% от всей численности рабочих, набираемых в рыбную промышленность РСФСР [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 115. Л. 43]. В течение 1960-х гг. шел набор рабочих в Центральном, Волго-Вятском, Центрально-Черноземном и Северо-Кавказском регионах.

На рыбную путину направляли только одиноких мужчин, пригодных к физическому труду [Там же. Л. 40], что было специально оговорено в приложении к вышеназванному приказу. Однако уже с 1961 г. в целях закрепляемости рабочих на новом

месте устанавливался определенный процент рабочих с семьями и женщин [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 179. Л. 65; 52, с. 66—67].

Трудовые договоры с рабочими заключали сроком на 6 месяцев. Для тех, кто направлялся за пределы области, края или республики, единовременное безвозвратное пособие устанавливалось в размере 200 руб., а суточные — 10 руб. Для тех, кто оставался работать в пределах края/области, единовременное пособие составляло 100 руб. При заключении договора отделы набора выплачивали 50% пособия, при направлении рабочих из других местностей в районы Дальнего Востока, Крайнего Севера и в отдаленные местности, приравненные к ним, единовременное пособие выплачивалось полностью при заключении договора. Сезонным рабочим, которые направились на Курильские острова, в Камчатскую, Магаданскую области, Хабаровский и Приморский края, суточные выдавались из расчета времени, которое они находились в пути, и дополнительно еще на 5 дней, так как в дороге возможны были задержки [ГАРФ. А-518. Оп. 1. Д. 115. Л. 40].

Размеры выплаты единовременных пособий зависели не только от отрасли, куда направляли орграбочих, но и от географии их перераспределения. Для организованных рабочих, направляемых в южную часть Дальнего Востока, существовали крайне низкие размеры подъемных — от 30 до 60 руб. Это стало одной из причин снижения количества переселенцев. Так, в 1960—1964 гг. в Приморье из-за его пределов прибыло около 10 тыс. чел., что составило 5% от численности занятых в промышленности края [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 179. Л. 38].

С середины 1950-х гг. участились случаи неявки рабочих к месту сбора. В 1956 г. 79 чел. из Ростовской области, заключивших договоры, не прибыли на соответствующие предприятия и стройки, 34 чел. не явились в аэропорт г. Москвы, 35 чел. сошли с поезда и 2 чел. было арестовано в пути следования. За I—III кварталы 1956 г. отдел переселения и организованного набора Костромской области не обеспечил прибытия 910 чел. (46,6%) [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 8. Л. 19, 31—35; Д. 107. Л. 96; Д. 281. Л. 16]. Органы власти попытались изме-

нить ситуацию через систему выплаты разового пособия. Если раньше денежные выплаты выдавались при заключении договора в течение одного рабочего дня в отделении Госбанка, то согласно приказу Главного управления переселения и оргнабора от 12 марта 1957 г. пособия стали выплачиваться по прибытию рабочего к месту работы. С 1 апреля 1957 г. договоры заключались в двух экземплярах, один из которых оставался на руках рабочего, другой передавался на предприятие; рабочие, нанимавшиеся для работы на рыбной путине, договор заключали в трех экземплярах [Там же. Д. 42. Л. 130].

В «верхах» понимали, что качественный состав рабочих оргнабора имеет немаловажное значение в итоговых результатах миграционной политики. Заведующим, уполномоченным и инспекторам рекомендовалось особое внимание обращать на демобилизованных, «...учитывая, что уволенные в запас военнослужащие являются хорошим контингентом для пополнения рабочими кадрами... для работы в промышленности и строительстве» [Там же. Д. 9. Л. 1—2].

Для реализации заданий по оргнабору устанавливали связи с военкоматами, гор/рай/исполкомами, организовывали массово-разъяснительные работы с демобилизованными воинами, отслужившими срочную службу. В сельсоветах создавались «столы справок», где можно было получить необходимые информационно-справочные материалы об условиях труда, быта, заработной платы различных министерств и ведомств, для которых проводился оргнабор [Там же].

В середине 1960-х гг. участились случаи поступления в Главное управление переселения и оргнабора жалоб от рабочих на то, что некоторые работники отделов в трудовых договорах указывали расходы, не соответствовавшие фактическим.

Принцип планирования вступал в противоречие с реальностью на местах: учитывая текучесть орграбочих, сотрудники отделов направляли их на предприятия и стройки сверх установленного плана, в то время как задания по набору на плановые объекты не выполнялись. В первом квартале 1957 г. в Приморский, Хабаровский края, Амурскую и Сахалинскую

области вместо 2320 чел. отправили 3528 чел., т.е. отправили больше, чем требовалось: в Хабаровский край почти в 5 раз, Сахалинскую область — 2,5 раза, Амурскую область — 1,3 раза. В Приморье превышение составило 4,4%. В 1959 г. зав. отделом переселения и оргнабора рабочих Пензенской области Родин направил на рыбную путину на Сахалин сверхустановленного задания 32 рабочих [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 281. Л. 82; Д. 107. Л. 79, 96; Д. 36. Л. 50].

В 1960-е гг. систему оргнабора стали использовать для трудоустройства лиц, освобожденных условно-досрочно. Так, в 1964 г. в Белогорское стройуправление № 13 в Амурской области прибыло 94 чел. [ГААО. Ф. 1413. Оп. 2. Д. 13. Л. 33]. Использование труда заключенных в строительстве носило массовый характер [65, с. 45], что являлось проблемой, прежде всего для руководителей строек. Отток этой категории рабочих также был высоким.

Слабая закрепляемость приезжавших на Дальний Восток по оргнабору заставляла местных руководителей обращаться в органы по набору рабочей силы. Например, зав. отделом переселения и оргнабора рабочих Приморского крайисполкома А. Даниленко в 1957 г. так оценивал «переброску» орграбочих: «Нам незачем завозить рабочих, учитывая, что в г. Владивостоке очень много рабочих, которые нигде не работают, особенно учащиеся 7—10 классов, вторые и третьи члены семей не могут устроиться на работу, причем рабочие, завезенные на стройки г. Владивостока, очень плохо закрепляются, мы просто переводим государственные средства, а цели не достигаем» [ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 305. Л. 19].

Аналогичная картина наблюдалась и в более поздний период. Например, в 1974 г. в Находкинском рыбном порту при общей фактической численности 2406 чел. по разным причинам было уволено 2120 чел., а принято — 2429 чел., в том числе по оргнабору — 1350 чел. (55,5%). Работники отделов кадров данного предприятия в докладных записках на имя руководителей предприятия, управлений и отделов оргнабора писали: «Это неустойчивый контингент, работающий в среднем

3—4 месяца, а порой и меньше, с низкой трудовой дисциплиной и низкой производительностью труда». Из 1350 орграбочих закрепилось всего 74 чел. (5,5%) [ГАПК. Ф. 68. Оп. 54. Д. 326. Л. 49—51].

О том, что на «переброску» рабочей силы тратились огромные средства, и которые на 90% расходовались впустую, понимали и первые лица государства. В замечаниях по результатам поездки членов правительства Н.С. Хрущева, А.И. Микояна и Н.А. Булганина по Приморскому краю 5—13 октября 1959 г. Н.С. Хрущев сказал: «Дураков переселяться нет. Переселяются только в погоне за длинными рублями — придут, получают подъемные, немного поживут и уезжают обратно и снова вербуются. Поэтому решение вопроса с рабочей силой надо искать в механизации. Вы отстали, товарищи» [ГАПК. Ф. 26. Оп. 30. Д. 6. Л. 1]. Таким образом, в «верхах» осознавали, что переселяется определенный контингент. Рациональным решением проблемы дефицита трудовых ресурсов в регионе был путь быстрой механизации производства, но хозяйственный механизм тех лет не позволял осуществить в сжатые сроки этот процесс.

В 1968—1970 гг. в связи с введением дальневосточного коэффициента обозначились трудности в обеспечении рабочими добывающих отраслей промышленности, особенно в лесной и горнодобывающей. Размер коэффициента стал одинаков для всего работающего населения региона. В результате увеличения заработной платы во всех отраслях народного хозяйства рабочие добывающих отраслей были уравнены в доходах с теми гражданами, которые работали в менее тяжелых условиях. Рабочие стали возвращаться в города и рабочие поселки. Особенно трудное положение сложилось в золотодобывающей и полиметаллической промышленности. В 1968 г. секретарь Приморского крайкома А. Гульченко, обращаясь в вышестоящие органы, писал: «Ранее существовавшая заинтересованность трудящихся Иманского прииска потеряла значение. Началась массовая текучесть работающих». Отток рабочих с прииска достигал 80%. На смену им прибывали

неподготовленные рабочие, на обучение которых требовались значительные расходы [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 3. Д. 28. Л. 2—3].

Во второй половине 1960-х гг. возможности оргнаборов практически иссякли. В 1968 г. не был выполнен план общественного призыва Хабаровского края (на 500 чел.), в 1969 г. из планируемых 1,3 тыс. чел. на стройки края прибыло всего 600 чел. [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 96. Д. 145. Л. 50]. И все же государство сохраняло этот вид перераспределения трудовых ресурсов.

Особым направлением в политике распределения трудовых ресурсов стала деятельность по выявлению потребностей в специалистах. В 1955—1965 гг. для предприятий Министерства цветной металлургии в регионе требовалось со средним специальным и высшем образованием 12 974 чел. (8086 чел. и 4888 чел. соответственно) [ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 14. Д. 19. Л. 16—47]. И правительство изыскивает возможности направить молодых специалистов на восток.

В 1960 г. на предприятия, стройки и в организации Сахалинской области получили направления 1,2 тыс. молодых специалистов [ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 181. Л. 82], в 1962 г. в промышленность Приморского, Хабаровского краёв и Камчатской области — 63 чел. В рыбную промышленность региона направили 403 специалиста, в том числе капитанов и штурманов дальнего и малого плавания, старших механиков и радиооператоров — 179 чел., а также 149 инженеров и 347 техников. Таким образом, полностью были удовлетворены просьбы предприятий о направлении специалистов в Хабаровский и Приморский края, Сахалинскую, Амурскую Камчатскую и Магаданскую области [Там же. Д. 209. Л. 12]. Однако система распределения молодых специалистов была несовершенной и в условиях политической либерализации начала давать «сбой». Новое поколение специалистов считало, что оно имеет право на выбор места жительства. На практике это выражалось в нарушении планов по распределению.

В 1960-х гг. по сравнению с 1950-ми гг. увеличивается количество молодых специалистов, не прибывших по распределению к месту работы. На предприятия, стройки и в организа-

ции Сахалинской области в 1960 г. не явилось более половины специалистов, получивших направление (690 чел.), в том числе имевших высшее образование — 173 чел. (25%), среднее специальное — 337 чел. (48,8%) [Там же. Д. 181. Л. 82]. В 1963 г. по плану на предприятия и стройки Дальнего Востока необходимо было направить 250 чел., фактически — 232 чел. (92,8%). К месту направления прибыло 183 чел. Однако и они не все приступили к работе (170 чел.) [Там же. Д. 239. Л. 89]. Более детальную информацию о распределении выпускников можно рассмотреть на примере Приморского края (см. табл. 5).

Таблица 5

Численность выпускников вузов Приморского края в 1959—1968 гг.

Наименование вузов	Всего выпускников	В том числе набранных на Дальнем Востоке	Направленные на Дальний Восток из числа его жителей	Направленные на Дальний Восток из др. районов СССР
ДВГУ	3253	3103	3085	3160
ДВПИ (ДВГТУ)	4101	3779	3623	3983
ДВИИ (ДВ Академия искусств)*	190	146	136	161
ДВВИМУ (МГУ им. Г.И. Невельского)	1749	1441	1381	1689
ДВИСТ (ТГЭУ)**	168	164	137	140
Дальрыбвтуз	1903	1770	1433	1514
ВМИ (ВГМУ)***	1336	1081	1056	1252
ПСХИ (ПАСХ)	2144	1962	1960	2005
УГПИ	2009	2009	2009	2009
ИТОГО	16853	15455	14820	15913

* Данные на 1966—1968 гг., ** данные на 1964—1968 гг., *** данные на 1962—1968 гг.

Таблица составлена авторами на основе: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 3. Д. 28. Л. 7.

На распределение специалистов оказывало влияние развитие системы высшего образования в регионе. С ростом числа высших учебных заведений на Дальнем Востоке увеличилось количество выпускников-дальневосточников. В 1959—1968 гг. девять вузов Приморского края выпустили 16 853 специалистов, в том числе 15 455 чел. (91,7%) были жителями Дальнего Востока. Распределение в регион получили 14 820 чел. (87,9%). Технократическая и рационалистическая система распределения привела к тому, что за пределы региона отправлялось 12% молодых специалистов, а из других районов страны прибывало 4,7%.

Количественный рост служащих и интеллигенции, а также более высокий образовательный уровень в 1960-е гг. не сразу проявились при занятии более высоких должностей. В советской системе подбора кадров многие должности специалистов по-прежнему оставались за практиками. В промышленности удельный вес практиков (инженеров, мастеров, начальников цехов) варьировал от 45 до 51%. Значительная часть специалистов, подготовленных для сельского хозяйства (агрономы, ветеринары и т.д.), предпочитала работать в других отраслях экономики [49, с. 81]. В середине 1960-х гг. в Амурской области и Хабаровском крае доля практиков среди бригадиров, управляющих, бухгалтеров и др. составляла от 50 до 63% [50, с. 56—57].

В 70-е гг. XX в. на востоке страны развернулось новое железнодорожное строительство — появился проект Байкало-Амурской магистрали. Именно на этой «стройке века» Государственный комитет по использованию трудовых ресурсов при Совете Министров СССР провел широкомасштабную работу по привлечению трудовых ресурсов, используя разные формы: индивидуальные приглашения работников, трудовые договоры в рамках оргнабора, направления на работу молодых специалистов, обучение на курсах, перевод работников в связи с передислокацией предприятия (строительно-монтажные поезда). Такие передвижные «коллективы» формировались заранее из работников, имевших подготовку по определенным

специальностям и достаточно продолжительный срок работы в данной области производства. Этот вид занятости осуществлялся вахтовым методом и применялся только в определенный период. БАМ стал последней попыткой масштабного освоения дальневосточных территорий в советский период.

Формирование системы территориального перераспределения трудоспособного населения как части миграционной политики сдерживалось из-за слаборазвитой социально-бытовой сферы. Традиционно не хватало жилья: из прибывших в 1960 г. на Дальний Восток предприятие жильем не обеспечило 19 чел. (10,3%). «Специфическое» отношение руководителей предприятий к молодым кадрам также способствовало их оттоку [49, с. 83].

Таким образом, в миграционной политике середины 1950-х — 1970-е гг. произошли изменения. Изменился структурный состав мигрантов, прекратил существование «принудительный труд» как для собственных граждан, так и иностранных (военнопленные, интернированные и мобилизованные). Однако, что касается добровольных внутренних мигрантов, то здесь миграционная политика развивалась на базе достижений первых послевоенных лет. Либерализация всех сторон жизни способствовала увеличению числа мигрантов, часто менявших место жительства и занимавшихся трудоустройством без участия государства. Отмечалось ухудшение качественного состава сельхозпереселенцев и орграбочих. При распределении молодых специалистов часть из них предпочитала самостоятельно выбирать место работы и жительства независимо от государственно-плановых органов.

По сравнению с предшествующим периодом акцент был смещен в сторону закрепления населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке. Этому способствовали совместные действия управленцев и ученых, открытие в рамках Дальневосточного научного центра СССР (ныне — Дальневосточное отделение Российской академии наук) академических научно-исследовательских центров — Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Института

географии и Института экономических исследований. Коэффициент, введенный к заработной плате, не только увеличил доходы дальневосточников, дав возможность определенной части жителей перейти в категорию стабильного населения, но и повысить привлекательность региона. Однако любые изменения не позволили управленцам улучшить качественный состав организованных мигрантов.

2.3. Итоги миграционной политики на Дальнем Востоке

После структурных перестроек системы, занимавшейся организованными миграциями, начались подвижки в миграционных процессах в стране. Происходят постепенные изменения в соотношении между организованными и стихийными миграциями в пользу последних. Советским гражданам была предоставлена свобода выбора места жительства и сферы приложения своего труда, чему в немалой степени способствовали паспортизация колхозного крестьянства и рост доходов населения.

На протяжении рассматриваемого периода влияние на миграционное поведение потенциальных мигрантов оказывали различные факторы, один из которых — возможность улучшить свое материальное положение. Как и в предшествующие годы, это достигалось благодаря гарантиям государства в области повышения материального уровня организованных мигрантов. Для этих целей использовалась система льгот (выплата единовременного пособия, провоз багажа, получение жилья, введение новых материалов строительства и т.д.) и более высокая заработная плата по сравнению с местами их выхода.

В этих условиях в определенной степени компенсируется фактор неблагоприятных природно-климатических условий [66, с. 39; 63, с. 130].

Первое место в миграционных связях Дальнего Востока в период между переписями 1959 г. и 1979 г. занимала РСФСР — 70—80% прибывших [64, с. 73]. Второе место принадлежало Украине (в некоторых статистических документах указывается вместе с Молдавией). Доля Украины в числе прибывших равнялась 9,1%, а выезжавших — 10,4%. По числу выезжавших (на каждые 100 чел.) Украина занимала третье место после Северного Кавказа и Прибалтики (соответственно 130 чел. и 118 чел. при 99 чел. в целом). Некоторое объяснение этому факту можно найти в национальном составе СССР. Например, в Приморье украинцев в структуре населения было больше, чем в любом другом районе Дальнего Востока, и больше, чем в среднем по РСФСР в 4,5 раза, что объясняется историческими предпосылками. В первой половине XX в. традиционные связи Дальнего Востока с Украиной послужили основой для обмена населением.

Если рассматривать значение той или иной территории для Дальнего Востока по интенсивности миграции, то важную роль в этом процессе играла Восточная Сибирь, за которой следовала Западная Сибирь: из каждых 100 чел., приехавших из Восточной Сибири, 82 чел. уезжали обратно, в то время как на 100 чел., прибывших из Западной Сибири, обратно возвращались 105 чел. против 97 чел. по РСФСР. Следовательно, при определении интенсивности миграционных связей близость районов не влияла на результаты миграции, скорее всего большее значение имел фактор экономического развития районов [67, с. 42—43].

Проведенные сибирскими и дальневосточными учеными исследования показали, что приезжее население попадало в непривычные условия, которые существенно отличались от мест выхода. Поэтому переселенцы, часто не успев адаптироваться, возвращались обратно [52, с. 47]. В 1960-е гг. свыше 10% прибывших на Дальний Восток по плановому переселению возвратились обратно [ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 17, Л. 46, 53, 58, 84]. Удаленность от родственников также влияла на отток населения. Для поездки в отпуск в западные и южные

районы страны жители Дальнего Востока тратили огромные средства: такая поездка на одного члена семьи «съедала» до 1/3 части годовой зарплаты. Данные выборочного обследования, проведенного в 1964 г. лабораторией трудовых ресурсов СО АН СССР (г. Хабаровск), показали, что 83,2% опрошенных не выезжали на отдых за пределы края или области, выезжали в другие районы Дальнего Востока — 4%, за его пределы — 12,7% [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 179. Л. 45].

Другим фактором являлось географическое положение районов вселения относительно районов выхода мигрантов. Здесь большую роль играли транспортные связи. Рассматривая это обстоятельство с точки зрения технического прогресса в транспортной отрасли, можно сказать, что действие и влияние транспорта менялось во времени. Строительство железной дороги и возможность воздушных перевозок существенно сокращают время переселения. Еще в конце XIX — начале XX в. из районов европейского центра до Дальнего Востока переселенцы добирались год—полтора, в 1940—1950-е гг. временные затраты составляли от 14 дней до 1,5 месяцев, в 1960—1980-е гг. с использованием воздушного транспорта — всего несколько часов [48, с. 46]. С открытием в 1959 г. линий воздушных сообщений и появлением новых типов самолетов роль воздушных перевозок возросла [36, с. 153—154, 157]. С начала 1960-х гг. орграбочих на Дальний Восток из центра страны стали доставлять самолетами.

Немаловажным фактором, влияющим на выбор регионов вселения, был национальный состав населения. Исследования, проведенные в первой половине 1960-х гг. Сибирским отделением АН СССР, показали, что на интенсивность миграционных связей коренного населения национальных республик влияла степень их близости с культурой принимающего сообщества [52, с. 46].

На Дальнем Востоке в 1959—1979 гг. преобладали представители русского этноса: в 1959 г. здесь проживало 3 702 902 (89%) русских, в 1970 г. — 4 579 255 чел. (87%), т.е. увеличилось на 876 353 чел. (23,6%). На втором месте, но с большим

отрывом, находились украинцы (около 10%), на третьем, также с большим отрывом, — поволжские народы (менее 3%). Постепенно стали возвращаться корейцы (до 1%). В течение 20-летнего периода увеличивается доля представителей сначала кавказских, а затем и среднеазиатских республик. Изучение журнала переселенцев, прибывших в Приморский край во второй половине 1960-х гг., дает основание предположить, что из северокавказских республик в регион приезжали семьи, в которых глава семьи, как правило, был русским, реже украинцем [63, с. 131].

К результатам миграционной политики в 1950-е гг. можно отнести меры по организации набора кадров для предприятий Сахалина, Камчатки, севера Хабаровского края. С каждым последующим десятилетием значение организованных форм переселения уменьшалось. Если в 1950-е гг. в регион «завезли» 45,8% оргмигрантов, то в 1960-е гг. — 43,8%, в том числе по оргнабору — 14,4 и 10,5%, сельскохозяйственному переселению — 3,6% и 2,3% соответственно [60, с. 89—90, 97]. В 1960-е гг. в порядке оргнабора прибыло 100 тыс. рабочих и 33,4 тыс. семей по сельхозпереселению.

Одновременно увеличивалась численность людей, прибывавших самотеком, что также отразилось на соотношении принимаемых предприятиями работников. Если в конце 1950-х гг. предприятия региона приняли 20% орграбочих, то к началу 1970-х гг. — 8,2%. С началом строительства БАМа приток рабочих к 1980 г. увеличился до 15%. На остальных предприятиях приток орграбочих не превышал 10% [38, с. 103].

В 1970 г. из каждой тысячи переселенцев в регионе оставалось жить 166 чел. [63, с. 131]. В 1970-х гг. миграционный прирост оказался самым высоким за всю послевоенную историю Дальнего Востока.

В обеспечении кадрами северных районов Дальнего Востока, где преобладали лесная, горная, рыбная отрасли промышленности, организованные миграции играли большую роль, чем в южных. Например, на Камчатке в середине

1960-х гг. доля организованных форм переселения составила 77,6% [60, с. 94]. В Приморье в первой половине 1960-х гг. завезли 10 тыс. чел., или около 30% организованных мигрантов [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 178. Л. 17].

На Дальнем Востоке рост населения отмечался в основном в городах. В то же время вопросы дефицита трудовых ресурсов продолжали решаться путем привлечения их из других регионов. Характерным примером является строительство БАМа. Основную часть приехавших составили выходцы из РСФСР, Украины. В первые годы строительства ведущую роль играл общественный призыв (половина мигрантов приехала по призыву). Основная часть мигрантов — это выходцы из Восточной Сибири и Дальнего Востока. В период строительства БАМа среднегодовые темпы прироста населения на этой территории достигли 3,2%. В г. Тында около половины населения — молодежь 16—29-ти лет. Число лиц в возрасте 20—24 лет в Тындинском районе увеличилось в 22 раза, а 25—29-летних — в 31 раз [61].

В последующие годы доля молодежи в общем составе трудовых ресурсов зоны БАМа существенно снизилась. Причина тому — издержки общественного призыва — ориентация молодежи на временную работу. В период строительства меры по закреплению молодежи на БАМе практически не принимались. Поэтому большая часть ее, отработав положенный срок, уехала учиться, переселилась в города. У трети прибывших по общественному призыву отсутствовали строительные профессии.

Социальная политика советского государства не способствовала закреплению семейных орграбочих. Молодые семьи покидали стройку, где не было инфраструктуры, соответствующей возрасту, традиционным видам приложения женского труда.

Но несмотря на многие издержки в организации миграционных мероприятий, миграции способствовали увеличению работающего населения, занятого в народном хозяйстве. Если с 1959 г. по 1970-й г. его численность работающего насе-

ления в регионе увеличилась на 48,4%, то в РСФСР эти показатели составили всего 15,6% [68, с. 162—163].

Высокий процент прироста трудовых ресурсов в регионе был неравномерным: если в 1976 г. обеспеченность рабочей силой составила 98,7%, то в 1979 г. — 93,7%, а дефицит рабочей силы соответственно 40 тыс. и 96 тыс. [Архив ИЭИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1461. Л. 331].

Ориентация решения проблемы дефицита рабочей силы только в рамках миграционной политики давала, можно сказать, «точечный» результат. Миграционная политика должна была подкрепляться улучшением условий труда, например, внедрением механизации. Дальний Восток относился к регионам, где уровень механизации производства был низким, что увеличивало текучесть рабочих кадров. В 1970 г. в Хабаровском крае, как показали результаты одного социологического опроса (опрошено 2634 чел.), по некоторым видам работ ручной труд превышал 80% [ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 2358. Л. 164].

Результаты миграционной политики оказались не всегда положительными и по другим причинам, например, из-за ошибочного прогнозирования. Так, в Приморском крае в конце 1960-х гг. потребность в трудовых ресурсах в сельском хозяйстве оказалась на 15—20% меньше плановых расчетов за счет привлечения лиц пенсионного возраста. В 1969 г. дефицит сельскохозяйственных кадров в Хабаровском крае составлял 4%. Не хватало специалистов «кадровых профессий» — доярок, скотников, механизаторов. Но, как правило, дефицит компенсировался за счет подготовки кадров из числа не имевших специальности или за счет переселенцев [ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 2358. Л. 150].

В 1950-х—1960-х гг. в результате новаций в организации переселения изменилась структура переселенцев — значительно увеличилась доля горожан. Из прибывших в 1968—1969 гг., например, в Амурскую область каждый второй в прошлом был городским жителем, в Хабаровском крае этот показатель несколько ниже — 40% [ГАХК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 430]. Согласно переписи 1970 г. в Приморье за два предшествующих

года прибыло 106 257 чел., из них 36,4% отдали предпочтение сельской местности, хотя ранее в селах и деревнях проживало только 15,1% от числа переселившихся в край [ГАХК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 447; ГАПК. Ф. 131. Оп. 11. Д. 33. Л. 10, 13].

Дефицит рабочих кадров в сельском хозяйстве сказывался на интенсификации труда. Так, в 1969 г. при среднегодовом фонде на одного работающего приходилось 290 дней. Каждый четвертый, занятый в животноводстве, отработал по 100 и менее дней, а 50% работали сверхурочно [Там же. Л. 163]. Среди опрошенных работников сельского хозяйства юга Дальнего Востока 3/4 респондентов высказывали неудовлетворение напряженностью труда, продолжительностью рабочего дня, особенно в летние месяцы, отсутствием в течение 2—2,5 месяцев выходных, а летом — отпусков [Архив ИЭИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 448]. Однако такая ситуация была характерна не только для отдаленных регионов, какими являлись Приморский, Хабаровский края и Амурская область. Подобная ситуация наблюдалась и в центральных регионах РСФСР [ГАРФ. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 778. Л. 14—15].

Тяжелые условия труда формировали непрестижность работы в сельском хозяйстве. В составе «будущих» крестьян все чаще оказывались люди, не обремененные семьей и, как правило, с девиантным поведением. С 1960-х гг. преобладали работники, чьи установки на приезд в регион объяснялись «охотой к перемене мест». За пять лет, предшествующих переселению, большинство из них переходили с одного места работы на другое от двух до четырех раз, пять и более раз — 15%. Установка выполнить планы переселений любой ценой способствовала развитию подобного деструктивного элемента.

В конце 1960-х гг. среди переселенцев все чаще стали встречаться лица ранее судимые. Дефицит трудовых ресурсов в сельском хозяйстве заставлял руководителей совхозов и колхозов Дальнего Востока прибегать к нетрадиционному источнику — привлекать лиц, недавно освободившихся из мест заключения. Негативной стороной трудоустройства данной категории работников была возросшая криминноген-

ность. В Михайловском районе Приморского края в 1966 г. по сравнению с 1965 г. преступность увеличилась на 57,7% (с 80 до 127 случаев). Аналогичная ситуация наблюдалась и в Дубининском картофелеводческом совхозе, который шефствовал над ИТК-10 и многих освободившихся принимал на работу [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 6. Л. 31]. В дальнейшем значительная их часть увольнялась за пьянство и прогулы. Так «вчерашние» переселенцы-«девиантники» становились рабочими оргнабора. Но эта сторона организации в меньшей степени тревожила тех, кто отвечал за набор рабочей силы.

Изменения в составе прибывших работать на Дальнем Востоке проходили не только под влиянием миграционной политики, но и всей социальной динамики в СССР. Это касалось прежде всего повышения профессионального состава мигрантов. Если в 1950-х гг. плановые переселенцы в графе «специальность» чаще всего указывали «разнорабочий», «скотник» или «дойрка», то в 1960—1970-х гг. стали называть профессию механизатора. Из 18 652 механизаторов, приехавших в 1960-х гг. в совхозы юга Дальнего Востока, в Амурскую область прибыло 8874 чел. (47,5%), в Приморье — 6178 чел. (33,1%) и Хабаровский край — 3600 чел. (19,3%) [52, с. 83].

Население, приезжавшее по плановому сельскохозяйственному переселению, стремилось обосноваться в районах, благоприятных для ведения сельского хозяйства, где можно было за короткое время решить и жилищный вопрос. Большую роль в определении места жительства играли органы планового переселения, которые ориентировали людей на обустройство в пограничных районах. В 1960-е гг. до 40% мигрантов, прибывших по плановому сельскохозяйственному переселению в Приморье, начинали хозяйственную деятельность и бытовое обустройство в Пограничном, Хасанском, Ханкайском районах.

В середине 1950—1960-х гг. правительство пересматривает размеры выплат единовременных пособий. Из 19 законодательных актов, в которых устанавливались эти выплаты, значительная их часть была издана еще в 1949—1955 гг.,

и составляла от 30 до 60 руб. Во второй половине 1960-х гг. дифференцированный принцип установления заработной платы по отраслевому признаку распространялся и на размеры единовременных пособий для рабочих оргнабора. Например, в 1968—1970 гг. рабочим, направляемым на лесозаготовительные предприятия Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР, единовременное пособие устанавливалось в размере 200 руб., а рабочим, прибывавшим на предприятия такой же специализации Министерства транспортного строительства — в размере 30 руб. [52, с. 75—76].

К одному из положительных результатов миграционной политики 60—70-х гг. можно отнести учет государством мотивов переселения, для чего проводились социологические опросы. Один из таких опросов состоялся в 1969 г. среди рабочих оргнабора на стройках Сибири и Дальнего Востока. Выяснилось, что основная масса прибывших (до 80%) причину приезда по оргнабору называли желание улучшить свои жилищные условия [52, с. 75; Архив ИЭИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1717. Л. 22]. Однако, несмотря на развернувшееся государственное жилищное строительство, вопрос получения жилья в городах региона оставался не решенным в полной мере. Среднегодовые темпы выбытия ветхого жилья составили 6%, в то время как темпы роста населения — 1,6%. Масштабы строительства не соответствовали потребностям в жилье старожилов и приезжавших. На предприятиях по этой причине наблюдалась текучесть кадров. Так, в организации «Приморскуголь» в 1963—1964 гг. 50% рабочих и 70% ИТР уволились по причине отсутствия жилья [43, с. 187].

Крайне неблагоприятно обстояло дело с предоставлением жилья и в Дальневосточном пароходстве, где на 1 января 1963 г. в очереди стояли 5580 чел. Ежегодно горисполком не добавал до 10 тыс. кв. м жилой площади, в результате очередники могли рассчитывать на получение отдельной квартиры не раньше, чем через 10 лет. Порой квалифицированные кадры шли на все, вплоть до систематического нарушения трудовой дисциплины, лишь бы добиться увольнения или пе-

ревода в пароходство другого морского бассейна. В итоге на судах не хватало 24 старших, 45 вторых и 194 четвертых механиков, 45 электромехаников и 96 радистов. Очереди на получение жилья для вновь приехавших «растягивались» от 4—5 лет в небольших городах до 18—20 лет в краевых центрах (Владивосток и Хабаровск).

Среди других причин, заставлявших людей менять место жительства, была потребность в улучшении материального положения, на что указывали 11% приехавших в 1968—1969 гг. на новостройки Дальнего Востока [52, с. 75]. Действительно, уровень заработной платы на Дальнем Востоке был выше, чем в центральной части страны, но проживание — значительно дороже (индекс стоимости прожиточного минимума, например, в Приморье, составлял 126% к среднесоюзному, а фиксированная заработная плата — 109%) [43, с. 187]. Быстрое осознание реального уровня жизни в регионе, более низкого, чем в центре России, снижало степень приживаемости рабочих, прибывших по оргнабору, и усиливало их отток.

На отток рабочих в не меньшей степени влияли крайне тяжелые условия труда. Механизация производства на Дальнем Востоке в отличие от центральной части страны осуществлялась крайне медленно. По данным единовременного учета ЦСУ РСФСР на 1 августа 1959 г., в местной промышленности 57% рабочих выполняли работу ручную, в угольной, сланцевой, лесной отраслях доля ручного труда достигала 60—70%. Процесс внедрения в производство более совершенных машин и технологий начался в конце 1950-х—начале 1960-х гг. [50, с. 5]

Отток трудовых ресурсов влиял на выполнение плана по выпуску продукции. На примере работы строительной отрасли видно, что дефицит строителей сказывался на своевременной сдаче жилья. Подсчитано, что в Приморье переход рабочего на другое предприятие приводил к потере в среднем 18 чел./дней. При текучести кадров в среднем 29% (при условии, что в промышленности и строительстве в 1960 г. было занято 152,5 тыс. чел.) потери рабочего времени составили

800 тыс. чел./дней, что эквивалентно 2900 рабочим, которые при средней выработке 6,6 тыс. руб. на одного человека могли дать валовой продукции на 20 млн руб. [ГАПК. Ф. 510. Оп. 3. Д. 807. Л. 59].

В г. Хабаровске в 1978 г. фонд рабочего времени использовался следующим образом: в промышленности — на 90,5%, в строительстве — на 92,7%, в 1979 г. соответственно на 90,2% и 93%. Общие потери рабочего времени в этих отраслях хозяйства составили 131 089 чел./дней, что равноценно недоиспользованию условно 516 чел. в течение года. Такие огромные потери связаны с текучестью кадров. Так, в 1978 г. текучесть составила в промышленности 29,6%, в строительстве — 36,2%, в 1979 г. соответственно 28,5% и 32,7%. За 1974 г. было зарегистрировано 2536 случаев прогула с потерей рабочего времени 6073 чел./дня [ГАХК. Ф. 904. Оп. 10. Д. 1539. Л. 44; ГАПК. Ф. 68. Оп. 54. Д. 326. Л. 49—51].

Отсутствие жилья, низкий уровень жизни и другие отрицательные факторы, снижавшие степень закрепления мигрантов, способствовали тому, что на освободившиеся места приходили рабочие со специфическими характеристиками. Прежде всего стоит отметить, что дефицит трудовых ресурсов заставлял руководство страны и хозяйства искать новые источники пополнения трудовых ресурсов. С одной стороны, продолжалось использование труда осужденных. Например, в пос. Большой Камень (ныне город) в 1964 г. была открыта исправительно-трудовая колония, которая специализировалась на строительстве гражданских объектов. Аналогичная картина была и в Спасске-Дальнем, где на строительстве цементного завода трудились осужденные, отбывающие наказание в ИТК [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 6. Л. 31]. Кроме того, обязательное привлечение к труду распространялось и на лиц, отбывающих наказание условно, о чем свидетельствовал Указ, вышедший 12 июня 1970 г. [70, с. 358—360]. С другой стороны, в обществе была категория лиц, «уклонявшаяся от общественно-полезного труда». С этим явлением правительство боролось с помощью указов, постановлений и про-

чих подзаконных актов, направленных на его искоренение. Вводилось обязательное трудоустройство, которое достаточно часто реализовывалось через систему оргнабора. Если такого не происходило, то эта категория граждан привлекалась по 198 и 209 статьям Уголовного кодекса РСФСР 1961 г.

Наличие таких орграбочих крайне негативно сказывалось на криминогенной ситуации тех мест, куда они прибывали. Так, в 1960 г., с началом массового жилищного строительства во Владивостоке, по сравнению с предшествующим годом на 20% возросла преступность, в том числе увеличилось количество разбойных нападений (на 31,2%), тяжких телесных повреждений (на 42,1%), изнасилований (14,6%). Особенно участились кражи на государственных объектах: в первом полугодии 1957 г. — 57 случаев, за аналогичный период 1959 г. — 278 и в 1960 г. увеличились на 20,1%. Случались и вопиющие случаи. 14 и 22 августа 1960 г. произошли массовые драки (участвовало около 100 человек), зачинщиками которых были строители, недавно прибывшие во Владивосток [Архив УВД Приморского края. Ф. 2. Оп. 1. Д. 293. Л. 178; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 50. Л. 1—8].

По данным М.М. Бабаева, в 1960-х гг. зафиксирована статистическая зависимость между интенсивностью оргнабора и ростом преступности в Хабаровском крае и Сахалинской области. Но эту ситуацию нельзя считать особенностью Дальнего Востока. Она имела место и в Сибири, в частности, в Красноярском крае, Иркутской и других областях, где доля преступлений, совершенных лицами, прибывшими по оргнабору, в общей преступности в 2—4 раза превышала долю этих лиц [71]. Выборочные исследования показали, что 70% людей, не имевших жилья и работы²⁴, прибыли в регион по оргнабору.

Чтобы не допустить дальнейшего роста преступности, регулярно проводились проверки паспортного режима, так как

---

²⁴ В советский период лицам, трудившимся на предприятиях, администрация предоставляла место в общежитии.

многие районы Приморского и Хабаровского краёв, Амурской, Сахалинской и Камчатской областей относились к режимным территориям. Кроме того, Дальний Восток является пограничным регионом, здесь расположены объекты, имеющие стратегическое и оборонное значение. Поэтому тех, кто прибывал сюда, на прежнем месте жительства должны были проверять с особой тщательностью, чего, конечно же, не делалось ввиду массовости процесса. Часть работы, которую должны были выполнить правоохранительные органы в местах выхода мигрантов, уже в регионах вселения выполняли местные милиционеры. Так, в первой половине 1966 г. в Приморском крае было проведено 20 мероприятий по проверке паспортного режима с участием более 12 тыс. сотрудников милиции, внештатных работников и дружинников. В результате было выявлено 2960 правонарушителей, в том числе нарушителей паспортного режима — 643 чел., бродяг — 224 чел., тунеядцев — 90 чел., 20 уголовных преступников и 71 неплательщик алиментов. Арестовано и привлечено к уголовной ответственности по статьям 198 и 209 УК РСФСР 1961 г. 16 чел. [Архив УВД Приморского края. Ф. 12. Оп. 2. Д. 8. Л. 180—181]. Стоит отметить, что такие «акции» были не частыми и кратковременными.

В начале 1980-х гг. Институт экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск) провел обследование 500 чел., образ жизни которых в той или иной степени характеризует тип «бича»: 300 чел. опрошены в приемнике-распределителе, 200 чел. — на улице, из них 195 чел. в возрасте 30—49 лет. Большую часть опрошенных составляли мужчины — 456 чел., женщины — 44 чел., из них 29 чел. были в той же возрастной группе. В составе обследованных на долю мигрантов приходилось около 60%. Из 300 чел. ранее были судимы 200 чел., в том числе прибыли уже имея судимость 105 чел., 35 чел. осуждены после прибытия на Дальний Восток. Большинство из них утратили семейные связи.

Было опрошено 162 сезонных рабочих, из них 115 чел. трудились на Хабаровском лесоустроительном предприятии,

47 чел. заняты на летней путине в низовьях р. Амура. Социальные характеристики этой категории опрошенных совпадают с теми, которые получены при опросе в приемнике-распределителе. Интервьюеры выявили, что активность мигрантов была направлена на то, чтобы как можно больше заработать любыми способами. Они предпочитали трудиться на высокооплачиваемой работе, причем такой, которая давала бы возможность частых и продолжительных перерывов. Стремление заработать как можно больше денег они не связывали с конкретными целями. И только 20% из них финансовое накопление подчиняли целям переезда в другие районы, приобретения жилья, воспитания детей и т.д. [Арх. Института экономических исследований ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 432—439].

Конечно, нельзя говорить, что все мигранты были асоциальными. У значительной части прибывших изначальные установки на переезд были связаны с оседлым образом жизни в регионе, хотя из тех, кто прибыл, менее 20% перешли в категорию стабильного населения.

С 1960-х гг. происходит увеличение количества прибывших по направлению или служебному переводу. Всесоюзная перепись 1970 г. показала, что, например, в Приморье из других регионов путем перевода прибыло 9,7% мигрантов [ГАПК. Ф. 131. Оп. 11. Д. 33. Л. 13]. В рассматриваемый период обустройство военных, работников управлений внутренних дел и руководителей в ранге «номенклатуры» проходило под «патронажем» государства. Для них не стояла задача поиска работы, сравнительно быстро решался жилищный вопрос. Как правило, военнослужащие гарнизонов жилье получали сразу. В таких населенных пунктах, как г. Уссурийск, поселки Большой Камень, Фокино Приморского края ведомственные квартиры выделяли в течение двух-трех лет. Но процесс перехода в категорию постоянных жителей, например у военных, проходил труднее. Довольно частые переезды с одного места на другое не позволяли военным ощущать себя постоянными жителями региона, им мешало чувство «временщика».

Большие расходы государство несло при направлении молодых специалистов к месту работы, хотя прямые расходы были небольшими. Например, в 1963 г. они составили 197,25 руб. В структуре расходов, связанных с их обустройством, наибольшая доля приходилась на выплату единовременных денежных пособий в размере двухмесячных средних зарплат по РСФСР.

Формирование миграционной политики шло с учетом оценки расходов и потерь, например, при снижении производительности труда в местах выхода и в районах вселения во время подготовки к выезду и адаптации на новом месте. Если в 1927—1936 гг. затраты на переселение одного человека в среднем составляли 200—220 руб., то в 1950-е гг. — 150 руб., а «стоимость» одного прижившегося была в среднем 450 руб. В начале 1960-х гг. затраты на одного организованного переселенца в 1,2—1,5 раза превышали среднюю заработную плату в регионе, а затраты на прижившегося новосела превосходили ее в 3,5—4 раза.

В 1970 г. на переселение одной семьи в южную часть Дальнего Востока государство выделяло около 7 тыс. руб. [Арх. Института экономических исследований ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 447], в то время как средняя месячная заработная плата в Приморском крае составляла 153,7 руб. [43, с. 176—177], по РСФСР — 126,1 руб. [74, с. 340]. Информация об этом способствовала созданию видимости некоторого материального благополучия в регионе.

Результаты миграционной политики Советского государства на Дальнем Востоке представлены в табл. 6. Во второй половине 1950-х—1970-е гг. в основе новшеств миграционной политики стали изменения в соотношении организованных и самостоятельных миграций. Правительство, наконец-то сняло ограничения на перемещение крестьян. Были учтены и другие факторы: льготы предоставлялись не только тем, кто прибыл по оргнабору или сельхозпереселению, но и тем, кто прибыл самостоятельно. В конце 1960-х гг. дальневосточные коэффициенты, распространявшиеся на всех работавших, стимулировали миграционный поток в регион.

Таблица 6

**Динамика численности и прироста населения Дальнего Востока
(тыс. чел.)**

	Численность населения на начало периода	Изменения за период			Численность населения на конец периода
		общий прирост	естественный прирост	миграционный прирост	
1959—1970	4832,0	948,1	804,8	143,3	5780,1
1970—1979	5780,1	1065,0	645,3	419,7	6845,1

Источник: Население Дальнего Востока // URL: <http://09403.khstu.ru> (дата обращения: 1.07.2010).

Однако миграция на протяжении рассматриваемого периода обеспечивала прирост населения и трудовых ресурсов неравномерно. В долевых и абсолютных показателях население быстрее росло в 1956—1960 гг.; если учитывать территориально, то в долевых показателях — на севере, а в абсолютных — на юге Дальнего Востока. Переселение в южную часть региона продолжалось уже почти 100 лет (за исключением периода Гражданской и Великой Отечественной войн), а на севере — долгое время доминировали принудительные миграции. И только с середины 1950-х гг. стали развиваться добровольные переселения.

Север и юг Дальнего Востока по характеру заселения отличались в зависимости от поставленных государством задач: на юге — демографическое укрепление приграничной с КНР полосы, на севере — обеспечение трудовыми ресурсами добывающих отраслей. Поэтому в Приморье, Хабаровском крае и Амурской области среди организованных форм преобладали сельхозпереселения, чему в немалой степени способствовал и благоприятный по сравнению с северной частью региона климат. На Сахалин и Камчатку направлялись в основном промышленные кадры.

2.4. Советский опыт привлечения иностранных рабочих на Дальний Восток

В середине 1950-х гг. на Дальнем Востоке в связи с возросшими потребностями СССР в добыче леса и других природных ресурсов советское руководство вновь обратилось к практике привлечения рабочих из социалистических стран. Трудоиспользование иностранных рабочих в некоторых отраслях экономики СССР было вызвано не только экономическими соображениями (дефицит трудовых ресурсов на Дальнем Востоке), но и идеологическим фактором — во всех странах все должно быть так, как в СССР (демонстрация советских фильмов, социалистические соревнования на производстве и т.д.).

В 1954 г. Мао Цзедун предложил переселить китайских рабочих численностью до 10 млн чел. в районы Сибири и Дальнего Востока [74, с. 216]. Советская делегация, учитывая свои возросшие потребности в рабочей силе, но критически оценивая предложение руководства КНР, а также политический аспект китайской инициативы, согласилась пригласить китайских рабочих на предприятия СССР на определенный срок, но в значительно сокращенных масштабах. Первоначально общая их численность должна была составить 80 тыс. чел. [ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1404. Л. 191].

В 1955 г. в Сибирь и Забайкалье прибыла первая группа китайских рабочих — 2100 чел. [75, с. 10—11]. На Дальний Восток планировалось направить 5,5 тыс. рабочих, в том числе в Приморский край — 2,7 тыс. чел., Хабаровский — 1 тыс. чел., на Сахалин — 1,8 тыс. чел. [ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1404. Л. 194, 216—217]. Однако в силу ряда обстоятельств на Дальний Восток, впрочем как и в другие районы СССР (кроме Сибири и Забайкалья), китайские рабочие не прибыли.

Предусматривалось, что они будут использоваться «компактными группами» в районах, определяемых советскими хо-

зяйственными организациями в зависимости от потребности в рабочей силе. С точки зрения советской стороны таковыми были глубинные северные территории — районы лесоразработок и горнодобывающих рудников.

В 1957 г. между КНДР и СССР были подписаны соглашения о том, что на территории Хабаровского края для народного хозяйства КНДР корейские рабочие в течение 1957—1962 гг. будут вести заготовку леса (объем добычи по договору составил 20 млн куб. м леса хвойных пород) [ГАХК. Ф. 1663. Оп. 43. Д. 53. Л. 18].

Одним из важнейших условий соглашения была заготовка леса не только для себя, но и для СССР: за 1 куб. м древесины для КНДР 1,33 куб. м отгружался для нужд СССР. Иностранные рабочие обязаны были вести заготовку леса строго по ГОСТам, действовавшим в СССР, в соответствии с правилами рубок леса и требованиями ведения лесного хозяйства, в том числе проводить лесовосстановительные работы на вырубленных площадях, соблюдать правила противопожарной безопасности в местах добычи леса [Там же. Д. 95. Л. 14—22; Д. 55. Л. 18].

25 июля 1957 г. в Хабаровский край прибыло 3550 чел., основная часть которых (3454 чел.) была направлена в Комсомольский и Селихинский леспромхозы [76, с. 107—108]. Их распределяли по следующим видам работы: лесозаготовка — 909 чел., строительство жилья (для собственных нужд) — 778 чел., подготовительные работы при заготовке леса — 457 чел., ремонт механизмов — 120 чел., погрузка вагонов — 102 чел., обслуживание дорог — 256 чел., иные работы — 524 чел. Еще 36 чел. были отправлены на курсы для приобретения специальности. Из привлеченных северо-корейцев 90 чел. заняли должности технических рабочих и служащих.

Всего в 1957—1958 гг. в Хабаровский край приехало 4897 чел. [ГАРФ. Ф. А-612. Оп. 1. Д. 286. Л. 10, 11, 14, 98]. Число леспромхозов, где работали корейцы, увеличилось до

четырёх — к вышеназванным прибавились Хормулинский и Шелиховский.

В 1967 г. корейская сторона пролонгировала договор сроком на 10 лет, но фактически граждане КНДР здесь работали до конца советского периода. Хозяйственными партнерами Корейской народно-демократической республики в СССР в 1967—1979 гг. были Всесоюзное лесопромышленное объединение «Дальлеспром» (Хабаровск), а на местах — Производственные лесозаготовительные объединения «Ургаллес» (пос. Чегдомын) и Амурлес (г. Благовещенск) [Там же. Д. 260. Л. 157]. Древесину, которую заготавливали корейцы для советской стороны, поставляли на экспорт в Японию.

В 1967 г. в Хабаровском крае началось строительство лесозаготовительных предприятий с комплексом промышленных объектов. К 1973 г. их численность достигла десяти. Строительство осуществлялось по принципу районного административного деления: вокруг центрального поселка (пос. Чегдомын) располагались остальные предприятия.

Первоначально на строительство и лесодобычу прибыло 7668 корейских граждан. В октябре 1975 г. в Верхнебуреинском районе работало 15 129 граждан КНДР, в том числе более 800 чел. были заняты работой в административном аппарате (см. табл. 7).

Таблица 7

Миграция рабочих из КНДР в Хабаровском крае в 1967—1974 гг. (чел.)

	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974
Прибыло	7 668	4 438	3 360	3 093	3 712	5 941	6 436	4 229
Убыло	90	751	894	3 979	3 447	5 426	4 611	6 302
Количество корейских рабочих на конец года	7 578	11 265	1 3731	12 848	13 110	13 623	15 448	13 323

Источник: ГАРФ. Ф. А-612. Оп. 1. Д. 260. Л. 103.

Таким образом, с 1967 по 1974 г. численность рабочих из КНДР в Хабаровском крае увеличилась в 2 раза. Неравномерно шло их убытие по окончании срока договора. В 1967—1969 гг. и 1971—1973 гг. доминировало прибытие корейцев. В 1970 и в 1974 гг., наоборот, преобладало выбытие. Это связано с тем, что у большинства из них заканчивался срок действия договора.

В начале работы корейских граждан в Хабаровском крае в строительство предприятий советская сторона инвестировала 79,9 млн руб., было освоено строительно-монтажных работ на сумму 33 млн руб., введено 53,4 тыс. кв. м жилой площади, 7 клубов, 16 столовых, 5 больниц и т.д. Столь значительные средства, выделенные для временного обустройства корейских рабочих, были направлены на более продуктивную их работу и повышение их жизненного уровня.

По окончании срока действия двусторонних соглашений на лесозаготовительные предприятия планировалось привлечь советских лесорубов. Подготовленная социальная инфраструктура (наличие жилья, столовых, больниц и клубов) позволила бы сразу приступить к работе, не привлекая дополнительных ресурсов (финансовых, трудовых) на обустройство быта. Однако корейская сторона в целях экономии трудовых ресурсов не строила даже такие объекты, без которых невозможна нормальная производственная деятельность, в частности ремонтно-технические мастерские, системы водоснабжения и канализации, пожарные водоемы и т.д.

Аналогичная ситуация складывалась в жилищно-бытовом устройстве рабочих. Корейская администрация игнорировала даже минимальные требования. В общежитиях, где проживали корейские рабочие, нормы жилой площади не соблюдались²⁵, поселки не благоустраивались. Осознание правительством КНДР, что пребывание корейских рабочих в СССР — это

---

²⁵ Согласно санитарным нормам на одного человека должно приходиться не менее 6 м² жилой площади. У корейцев эти нормы не достигали 3 м².

временно²⁶, а также северокаорейский менталитет в вопросах хозяйственного обустройства формировали соответствующее отношение к месту, где они проживали в течение периода работы.

В целях экономии заработанных средств обеспечение продовольствием корейцы решали специфическим способом. По просьбе граждан КНДР в Верхне-Буреинском районе были выделены 2 тыс. га пахотных земель, сельскохозяйственная техника и инвентарь. В подсобных хозяйствах корейцы выращивали картофель, овощи, занимались животноводством. Полученные овощи и продукты животноводства поставлялись в столовые леспромхозов, где они трудились.

Трудоиспользование корейских граждан было сопряжено с различными трудностями. Организация их работы на Дальнем Востоке вызывала много претензий с советской стороны. Корейские рабочие систематически нарушали сроки погрузки леса, в результате производственное объединение «Ургаллес» ежегодно выплачивало штрафы до 300 тыс. руб.

Другой проблемой являлась некачественная погрузка леса в вагоны. Корейская администрация стремилась не допускать советских специалистов на погрузку, так как рабочие из КНДР скрывали брак и недостачу лесопродукции, достигавшую 4—5%. Отсутствие контроля приводило к тому, что советская сторона получала финансовые санкции за поставленный брак. Корейская сторона, экономя время и трудовые ресурсы, категорически отказывалась выполнять предъявляемые к погрузке требования. Древесина не сортировалась, что отражалось на качестве поставляемой продукции. Следовательно, когда она доходила до заказчика, цена оказывалась ниже запланированной. Это приводило к недополучению Дальлеспромом валютной прибыли.

Попытки усилить контроль со стороны советских специалистов вызывали напряженность во взаимоотношениях с ко-

---

²⁶ В общей сложности рабочие из КНДР работали в Хабаровском крае 13 лет.

рейскими специалистами. В ряде случаев с ведома корейской администрации создавались конфликтные ситуации, вплоть до недружественных действий по отношению к советским специалистам.

Изменить отношение корейцев к выполнению своих обязанностей пытались различными способами. Особое место отводилось контактам корейских граждан с советскими партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями в рамках советско-корейской дружбы. Среди корейских рабочих распространялись советские издания на корейском языке: газета «По ленинскому пути» (Сахалинская область), «Ленинское знамя» (Казахстан), «Ленин кичи» (Узбекистан), журналы «Советский Союз» и «Советская женщина». В поезде Хабаровск—Чегдомын для корейских граждан велись передачи на корейском языке. В местах лесозаготовки ежегодно демонстрировалось более 100 советских фильмов и концертов, которые посетили около 18 тыс. чел. [ГАРФ. Ф. А-612. Оп. 1. Д. 260. Л. 103—107, 157—161; Д. 286. Л. 33—39, 71; Д. 376. Л. 5—7, 10].

Анализ трудовой деятельности иностранных рабочих помог выявить особенности их пребывания в СССР. К ним относятся различные виды нарушений. Условно эти правонарушения можно разделить на пять групп.

1. Экологические. Самовольные рубки леса в неотведенном лесосечном фонде и водоохранных зонах. Значительные площади вырубленных лесосек не очищались от порубочных остатков. Это приводило к их захламлению, повышенной пожароопасности и трудностям лесовосстановительных работ; без согласования с советской стороной оборудовались заправочные станции на берегах рек и ключей. Варварское отношение к природе приводило к тому, что водоемы загрязнялись нефтепродуктами.

2. Массовая и бесконтрольная замена рабочих-механизаторов. По закону к механизаторской работе допускались рабочие только после получения удостоверения на право

управления транспортными средствами. Однако корейская сторона к вождению техники допускала лиц, не имевших водительских удостоверений, тем самым нарушая правила дорожного движения. На смену квалифицированным рабочим приезжали новички, не имевшие навыков работы в лесозаготовительных предприятиях. В результате этого увеличивалось количество аварий, травм, наблюдался преждевременный износ транспорта, перерасход горюче-смазочных материалов, что приводило к убыткам для советской стороны.

3. *Текущность кадров.* Поскольку привлечение иностранных лесорубов производилось по принципу организованного набора рабочих в СССР, то и проблемы были схожие. Среди них — высокая текучесть рабочих. Исходя из того, что постоянно осуществлялась массовая замена квалифицированных рабочих на неквалифицированных, многие объекты хозяйственно-бытового назначения так и не были построены. Кроме того, можно предположить, что проблема дефицита рабочих рук существовала и для корейской стороны.

4. *Уголовные преступления.* По данным Управления внутренних дел Хабаровского края, отмечался ежегодный рост совершаемых иностранцами преступлений. Если в первые годы (1967—1968) имели место единичные случаи правонарушений, то в последующие число тяжких преступлений увеличивается. С 1967 г. по 1974 г. корейскими гражданами было совершено 84 преступления, в том числе кражи государственного и личного имущества, покушение на изнасилование, разбойное нападение на продовольственный магазин, грабежи. Например, в 1969 г. было совершено 6 преступлений, а в 1974 г. — 49 [ГАРФ. Ф. А-612. Оп. 1. Д. 260].

Рост числа совершаемых преступлений был вызван многими факторами. Среди тех, кто приезжал в СССР на «заработки», не все являлись законопослушными гражданами. Если рассматривать эту ситуацию на примере оргнабора, то эта форма миграции являлась для отдельных лиц способом избе-

жать наказания²⁷. С другой стороны, сравнивая количество совершенных преступлений рабочими оргнабора и иностранными рабочими, видим, что среди рабочих стран СЭВ эти показатели значительно ниже.

Появление граждан Корейской Народно-Демократической Республики в Хабаровском крае вызывало протест местных жителей. В частности, они были недовольны как самим участием иностранных рабочих в лесозаготовках, так и их поведением. Ответственность за различные негативные проявления в районе местное население возлагало только на иностранцев. Например, в 1974 г. пять советских граждан в пос. Тырма беспричинно избили граждан КНДР, а в 1975 г. был убит Ким Бен Ын. При оценке преступных действий в отношении иностранных граждан отделы общественной безопасности занимали позицию смягчения вины советских граждан.

5. Нарушения, связанные с правилами пребывания и передвижения иностранцев в СССР. Среди корейских граждан постоянно совершались побегі с места работы и жительства. В 1967—1974 г. самовольно оставили работу и выехали за пределы района 261 чел., 244 были задержаны и переданы корейскому представительству, а в отношении 17 чел. велся розыск. Количество побегов ежегодно увеличивалось: в 1967 г. — 5 чел., в 1974 г. — 56 чел. Корейская администрация факты побегов своих рабочих скрывала.

В 1974—1975 гг. по инициативе УВД Хабаровского края проводились встречи с корейской администрацией по названным проблемам. Однако ситуация не менялась. И только в 1979 г., когда истек срок действия соглашений, произошло некоторое снижение числа совершаемых корейцами противоправных действий. Уменьшилось количество побегов, преступлений, фактов спекуляции товарами ширпотреба и самогоном.

---

²⁷ В документах центральных и региональных архивов с середины 1950-х гг. среди организованных мигрантов отмечается ежегодный рост асоциальных лиц.

Особое беспокойство у советской стороны вызывало браконьерство корейских граждан, которое приняло такой размах, что промысловому хозяйству в Верхне-Буреинском районе был нанесен ощутимый урон, особенно фонду ценных животных (лось, северный олень, изюбр, косуля, кабарга и др.). В 1975 г. в местах лесозаготовки было снято более 3 тыс. браконьерских петель, обнаружено 40 погибших копытных животных (лось, изюбр). Обращения советской стороны в корейскую администрацию по вопросам браконьерства не находило поддержки, виновных не наказывали. Лишь в 1975 г. решение нарсуда Верхне-Буреинского района ответчиком было выполнено добровольно.

Корейские рабочие хоть и проживали общинно, а их контакты с советским населением были минимальными, но на какое-то время они становились частью общества принимающего государства.

В середине 1970-х гг. недостаток «рабочих рук» наблюдался в большинстве краёв и областей РСФСР. Партийное руководство все чаще стало использовать экспорт «рабочих рук». В 1976 г. на территории 16 областей, краёв и автономных республик РСФСР в соответствии с межправительственными соглашениями работали специалисты и рабочие из Болгарии, КНДР, Чехословакии и Польши в количестве 41 125 чел., в том числе на предприятиях Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР (25 801 чел.), Министерства строительства нефтяной и газовой промышленности СССР (7330 чел.), Министерства тяжелой индустрии СССР (6194 чел.), Министерства промышленного строительства СССР (1800 чел.). Следует отметить, что ежемесячная заработная плата, например, у болгарских строителей, работавших в 1976 г. в г. Старый Оскол Московской области, составляла 300—320 руб. и была в два раза выше, чем у советских граждан, работавших на тех же строительных объектах и имевших одну и ту же квалификацию [ГАРФ. Ф. А-612. Оп. 1. Д. 286. Л. 10, 11, 14, 98].

В октябре 1980 г. в г. Хабаровске состоялся советско-вьетнамский симпозиум «Участие районов советского Дальнего Востока в развитии торгово-экономических связей СССР и СРВ», организованного Институтом экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР, Институтом востоковедения АН СССР, Институтом экономических исследований ДВНЦ АН СССР (ныне — ИЭИ ДВО РАН). В работе симпозиума приняли участие сотрудники внешнеторговых и местных партийных и хозяйственных органов Приморского и Хабаровского краёв, Сахалинской и Амурской областей, чиновники Ханоя, Хайфона и Хошимина. Одним из основных вопросов являлось привлечение вьетнамской рабочей силы на предприятия Дальнего Востока [Там же. Д. 397. Л. 3, 6], что было реализовано через 1,5—2 года.

Следует обратить внимание на географию использования труда иностранных рабочих. Если в таких субрегионах, как Хабаровский край, Амурская, Архангельская и другие области, считавшиеся трудодефицитными, использование иностранной рабочей силы было необходимостью, то их привлечение в трудоизбыточные регионы (Волгоградская, Саратовская, Ростовская области, Чечено-Ингушетия) дает основание предполагать, что государство стремилось формировать миграционное поведение у жителей этих областей и республик, «мягко выдавливая» русскоязычное население в районы освоения. Так, в Волгоградской и Ростовской областях (на 01.06.1976 г.) работали 2495 граждан Чехословакии, в Краснодарском и Ставропольском крае, Чечено-Ингушетии и Саратовской области — 1478 граждан Болгарии. По архивным документам, всего в трудоизбыточных районах находилось около 4 тыс. рабочих стран СЭВ. В частности, проведенный анализ географии прибытия мигрантов в Приморье в 1970-е гг. свидетельствует, что в этот период из вышеназванных регионов прибыли сельскохозяйственные переселенцы, чего не было в середине 1940—1960-х гг. [Там же. Л. 10—11, 14; 59, с. 128—129].

1. Экономическая жизнь СССР: Хроника событий и фактов. 1917—1959 / гл. ред. С.Г. Струмилин. М.: Советская энциклопедия, 1961. 780 с.
2. История СССР: С древнейших времен до наших дней. В 12 т. Т. 11. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945—1961. М.: Наука, 1980. 653 с.
3. Отношения Советского Союза с народной Кореей (1941—1980): Документы и материалы. М.: Наука, 1981. 424 с.
4. Кожевников В.В. Вопрос остался открытым... Сан-Францисский мирный договор и советско-японские отношения // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 3. С. 10—23.
5. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. В 2 т. Т. 1 (1945—1957 годы). М.: Изд-во «Мысль», 1978. 297 с.
6. Жуков Е.М. Современные империалистические противоречия на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. М., 1972. № 2. С. 3—12.
7. Павловский В.В. СССР — за коллективную безопасность в Азии. М., 1975.
8. История Дальнего Востока СССР. Кн. 10. Владивосток, 1979.
9. Кадымов Г.Г. Индокитай во внешней стратегии империалистических государств // Проблемы Дальнего Востока. 1972. № 2. С. 82—89.
10. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945—1995). М.: Коверт-МОНФ, 1997.
11. Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру: (Индокитайские проблемы в свете междунар. права). М.: Междунар. отношения, 1977. 296 с.
12. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. В 2 т. Т. 2. М., 1978
13. Правда. 1975. 14 мая.
14. История Дальнего Востока СССР. (От эпохи первобытных отношений до наших дней). В 4 т. Кн. 11. Советский Дальний Восток в период дальнего развития и совершенствования социалистического общества в СССР (1971—1979 гг.). Макет. Владивосток, 1979.
15. База Камрань // <http://www.agentura.ru> (дата обращения: 21.08.2009).
16. Соборов Б.А. Маоистский миф о «сверхдержавках» // Проблемы Дальнего Востока. 1972. № 4. С. 48—49.
17. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. М., 1974.

18. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953—1985 гг.): Свидетельство современника. М.: Междунар. отношения, 1991. 398 с.
19. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х годов: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. 283 с.
20. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. (1945—1977 гг.). М., 1977.
21. История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1978.
22. Правда. 1951. 15 окт.
23. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
24. Правда. 1973. 11 окт.
25. <http://www.rus21.ru> (дата обращения: 20.08.2009).
26. Пыжиков А.В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 26—37.
27. Костяев И.Ф. Логика истории и «социализм» в СССР (проблемы переходной экономики). Иркут. гос. ун-т, 1998. 157 с.
28. Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике постсталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4. С. 103—115.
29. Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9.
30. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: Ин-т российской истории РАН, 2001.
31. Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х—60-е гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997. 157 с.
32. Коловангин П.М., Рыбаков Ф.Ф. Экономическое реформирование России в XX веке (политико-экономическое исследование). СПб.: Петрополис, 1996. 238 с.
33. Зубкова Е.Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 годов // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4.
34. Разуваева Н.Н. Экономическая политика КПСС в 60-е — первой половине 80-х годов: противоречия и трудности развития // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9.
35. Народное хозяйство РСФСР в 1961 г.: стат. ежегодник. М.: Госстат, 1962. 572 с.
36. Деревянко А.П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия (1858—1998). Владивосток, 1999. 445 с.
37. Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959.

38. Дальневосточный отряд рабочего класса СССР (1961—1980 гг.). В 2 ч. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1987. Ч. 1: Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и изменения в составе рабочих. Деп. В ИНИОН 18.04.1987, № 1014.
39. Большаков И. Приморье сегодня и завтра. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1968. 119 с.
40. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов за 50 лет. В 5 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1968. 751 с.
41. Карамышева Л.Д. Социалистическое соревнование среди труженников дальневосточной деревни в послевоенные годы (сентябрь 1945 г. — 1958 г.) // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (советский период). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981.
42. Лазарева С.И. Руководство местных советов развитием сельского хозяйства на Дальнем Востоке СССР в 1953—1958 гг. // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (советский период). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981.
43. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 211 с.
44. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. М.: Госстат, 1966. 616 с.
45. Народное хозяйство РСФСР в 1970 году. М.: 1971. 488 с.
46. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М., 1976.
47. Нестеренко А.Д. Продовольственный комплекс Дальнего Востока. Хабаровск, 1972.
48. Гладышев А.Н. и др. Проблема развития и размещения производительных сил Дальнего Востока. М.: Мысль, 1974. 215 с.
49. Герасимова Л.А. Сельскохозяйственное переселение на юг Дальнего Востока, 1970—1980-е годы // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 2.
50. Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР (40—60-е годы). Препр. Владивосток: ДВО АН СССР, 1991. 63 с.
51. Пискунов С.А. Центральные и дальневосточные переселенческие органы: 1950-е — середина 1960-х гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке: науч.-теорет. журнал. Хабаровск, 2005. № 4(8). С. 117—126.
52. Миграция населения РСФСР: сб. статей М.: Статистика, 1973. 167 с.
53. Верт Н. История советского государства. 1900—1991. Пер. с фр. 2-е изд. М.: Прогресс-Академия, 1995. 544 с.

54. Система трудоустройства населения в СССР и пути ее совершенствования. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989.
55. Котляр А.Э., Трубин В.В. Проблема регулирования перераспределения рабочей силы. М., 1978.
56. Литвинова Г.И. Право и демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1987. 189 с.
57. Население СССР за 70 лет. М., 1988.
58. Народное хозяйство Приморского края за 1966—1970-е годы. Владивосток, 1971.
59. Деревянко А.П. Трудовое комсомольское лето студентов: (Из истории движения в Приморье в 1963—1969 гг.) // История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1971. Т. 8. С. 61—64.
60. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 168 с.
61. Население Дальнего Востока // <http://09403.khstu.ru> (дата обращения: 1.07.2010).
62. Пискунов С.А. Жилищное строительство для переселенцев на Дальнем Востоке в 50—60-е годы вв. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.). Благовещенск, 2004.
63. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 224 с.
64. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 200 с.
65. Герасимова Л.А., Великанова У.Б. Девиантное поведение мигрантов, 1990-е годы: На примере Приморского края // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 4.
66. Народное хозяйство РСФСР в 1956 г. Стат. ежегодник. М., 1957.
67. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. В 7 т.
68. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1963.
69. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 5: Распределение населения СССР по общественным группам, источниками средств существования и отраслям народного хозяйства. М., 1973.
70. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1968—1970 гг. М.: Известия депутатов трудящихся, 1971. Т. 3.
71. Бабаев М.М. Теоретические основы криминологических исследований социально-демографических процессов в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.

72. Дальневосточный отряд рабочего класса СССР (1961—1980). В 2-х ч. Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1987. Ч. 2. Социальная активность рабочих-дальневосточников и рост их благосостояния. Дел. в ИНИОН № 30387 от 20.04.87. С. 162—163.
73. Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюз. переписи населения 1989 г. М.: Республ. информ.-издат. центр, 1990.
74. Население СССР 1987: стат. сборник. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 8, 22—23.
75. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М.: Наука, 368 с.
76. Вапук А.С., Крушанова Л.А. Мобилизационные формы пополнения трудовых ресурсов в СССР. 1945—1950 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 1. С. 5—13.
77. Крушанова Л.А. Иностранцы рабочие в лесной промышленности в СССР в 1967—1970-е годы // Девятая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток: ДВО РАН, 2006. С. 102—112.

Заключение

Миграционная политика СССР второй половины XX в. унаследовала общее стратегическое содержание переселенческой политики первой половины столетия, являясь связующим звеном в решении социально-экономических задач и обеспечении безопасности. Потребности государства и общества в природных ресурсах (лес, уголь, редкие и цветные металлы) Дальнего Востока и введение их в хозяйственный оборот путем сокращения дефицита трудовых ресурсов на протяжении исследуемого периода определяли характер миграционной политики советского типа, отличительная черта которой — преобладание неэкономических инструментов привлечения населения в регион в послевоенный период, что обеспечивалось сталинскими политическими решениями. В то же время государство использовало и определенные «льготы», которые в советской системе ценностей стимулировали движение населения на восток. Неэкономические рычаги привлечения населения в регион делали миграционную политику в течение всего послевоенного десятилетия (до середины 1950-х гг.) преимущественным способом решения поставленных государством задач. Но со сменой экономических и внешнеполитических условий менялись и методы решения двудеиной стратегической линии — укрепление демографического потенциала на востоке страны и обеспечение приоритетных отраслей региональной экономики рабочей силой.

Хотя в документах 1940—1960-х гг. отсутствует сам термин «миграционная политика», тем не менее все принимавшиеся решения и поддерживаемые государством формы миграции, а также финансовые, организационные и административные ресурсы, вложенные в переселение и закрепление населения на востоке страны, отражают современное понимание этого приоритетного и сложного направления советской внутренней политики.

Основу реализации миграционного процесса составляло идеологическое, организационное и финансовое обеспечение переброски населения из одной части страны в другую. Принимая во внимание размеры Советского Союза, задача была архисложной, и решалась она в рамках централизованной системы управления. Партийное руководство страны постоянно уделяло большое внимание органам управления по перемещению населения на восток, что отражалось в реструктуризации управленческих органов разных уровней. Правительство регулярно то увеличивало, то сокращало штаты переселенческих отделов.

Переселение на Дальний Восток обеспечивалось финансированием даже в трудное послевоенное десятилетие, но при этом не всегда получался тот результат, на который рассчитывала власть, что подтверждалось обратничеством. Однако последствия Второй мировой войны, эпоха холодной войны, длившаяся до конца советского периода, оказались мощными императивами и заставляли советское правительство придавать дальневосточной миграционной миграции первостепенное значение.

В истории миграционной политики на советском Дальнем Востоке в рассматриваемый период можно выделить три этапа развития: первый (1945—1955) связан с необходимостью ликвидации последствий Второй мировой и Великой Отечественной войны; для второго (1956—1966) характерно упорядочение территориального перераспределения населения, вызванного сокращением трудовых ресурсов; третий этап (1967—1970-е) — время новых организационных кампаний по перераспределению населения и трудовых ресурсов, связанных с привлечением профессиональных кадров.

В 1945—1955 гг. реализация миграционной политики имела знаковый и в то же время неоднозначный для советской эпохи результат. Политика правительства способствовала решению многих важнейших задач послевоенного времени, в том числе возвращению миллионов людей на родину из числа беженцев, принудительно угнанных и пленных. Ре-

патриация стала возможностью вернуться на родину эмигрантам первой волны, оказавшихся в Китае, судьба которых сложилась по-разному в силу сталинской идеологии. В эти годы государство смогло задействовать политические институты и решить задачи восстановления демографического баланса. Благодаря миграционной политике осуществлялась замена состава населения на Сахалине и Курилах, создавались все демографические предпосылки для хозяйственного освоения новой области. На территории Приморского и Хабаровского краёв, в Амурской и Камчатской областях за счет механического прироста обеспечивалось решение проблемы сокращения дефицита трудовых ресурсов. Так, например, организованное колхозно-совхозное производство пополнялось за счет переселенцев (механизаторы, шофера, доярки), лесное хозяйство за счет лесорубов, экскаваторщиков, рыбная — рыбаками, горнорудная отрасль — прибытием инженеров, шахтеров. Происходило экстенсивное развитие этих территорий. Хозяйственный результат достигался ценой огромных бюрократических и организационных ресурсов на вербовку людей.

В организационном арсенале советских управленцев прежде всего определялись территории, конкретные отрасли и предприятия, которые могли предоставить потенциальных мигрантов. Существовал детальный план территорий, предприятий, колхозов и совхозов принимающих мигрантов в дальневосточном регионе. В числе главных инструментов управления — постоянный контроль партийных и советских органов за ходом принятия и обустройства переселенцев на местах, а также идеологическое воспитание кадров в духе «положительного отношения» к новоселам. В целом миграционная политика была органически связана с мобилизационной экономикой послевоенного времени при поддержке тоталитарного политического режима.

Однако в деятельности органов, отвечавших за выполнение политических решений по переселению на Дальний Восток, существовали проблемы, отражавшие плановую

экономику советского типа. В числе их было выполнение переселенческими структурами плана набора людей любой ценой, ведомственная разобщенность, которая стала отражением ответственности в обустройстве мигрантов, в том числе прибывших по оргнабору. Послевоенное руководство в условиях демографической катастрофы ориентировало местные власти и хозяйственных руководителей на использование труда спецпоселенцев в добывающих отраслях и строительстве.

Мобилизационные формы использования военнопленных в чистом виде нельзя определить как направление миграционной политики, тем не менее в решении общей задачи поиска дополнительных трудовых ресурсов советское правительство продемонстрировало свой прагматизм и способы идеологического воздействия. Так, в 1946 г. впервые на работу были привлечены северокорейские рабочие.

Растущие потребности в природных ресурсах не только СССР, но и зарубежных стран стали определяющими для дальнейшего продолжения миграционной политики на Дальнем Востоке, но уже с учетом многих изменений, в том числе либерализации социальной политики в СССР. Учитывался также внешнеполитический фактор: в Тихоокеанском регионе развивалось экономическое сотрудничество СССР и Японии и ухудшались советско-китайские отношения. Перечисленные факторы определили главную цель региональной миграционной политики. Хозяйственное освоение региона способствовало обеспечению его рабочей силой, одновременно демографически укреплялись приграничные территории.

Отличительная черта внутренней политики второй половины 50—60-х гг. — решение задачи рационального распределения трудовых ресурсов. Были задействованы организационные инструменты — перестройка переселенческих структур. В 1956 г. центральные органы, занимавшиеся сельхозпереселением и организованным набором, объединялись с целью не допустить массового выбытия населения из регионов-до-

норов. На короткое время это отчасти решило проблему, но уже в начале 1960-х гг. перестало отвечать государственным потребностям, поскольку численность трудовых ресурсов оказалась меньше, чем требовалось экономике.

Для обеспечения Дальнего Востока трудовыми ресурсами государство опиралось на тот же механизм по привлечению населения в регион, который был разработан в послевоенные годы. Прежде всего были выделены формы перераспределения населения, укреплялись структуры, отвечавшие за набор и переселение мигрантов. Среди форм миграции советское государство широко использовало сельхозпереселение, оргнаборы рабочих, промышленное переселение и направление молодых специалистов после окончания учебных заведений к месту работы, но приоритетной стала активизация добровольного переселения на Дальний Восток.

Механизм переселения на добровольной основе был разработан в довоенный период, под влиянием которого долгие годы формировалось миграционное поведение потенциальных переселенцев. Это — ориентация трудового населения на льготы, в которых учитывались потребности в товарах первой необходимости (продукты питания, одежда и т.д.). Для привлечения сельхозпереселенцев и организованных рабочих правительство укрепляло «модель» выплат единовременных пособий (для южной зоны Дальнего Востока 30 руб. на члена семьи и 150 руб. на главу семьи), в виде продссуд (выдавалось зерно, мука, картофель), льготного проезда и провоза багажа, возможности приобретения жилья (половину стоимости оплачивало государство), коровы и т.д. Чем менее была освоена территория (район), тем больше размеры выплат.

Плановый характер миграционной политики в СССР дополнялся мощным агитационным ресурсом. Газеты писали о принимающих территориях, о земляках и их обустроенности. «Вербовщики» рассказывали о заработках рабочих в местах вселения, льготах мигрантам, в том числе о снятии всех недоимок с крестьянских семей, решивших переехать на Дальний Восток. Немаловажное значение имели и гарантии

государства (в случае невозможности погасить кредит за дом или корову сельхозпереселенца и его семью не оставят без жилья и питания). Однако при самовольном (несанкционированном) покидании места вселения или места работы взыскивалась сумма, связанная с переселением. В договоре этот пункт также оговаривался, что являлось дополнительным стимулом перехода «пришлого» населения в категорию постоянных жителей.

В 1950—1960-х гг. происходили изменения в источниках пополнения мигрантов. Если в середине 1940-х — первой половине 1950-х гг. переселенческие потоки складывались в основном из крестьян, демобилизованных воинов, рабочих и репатриированных, то в середине 1950—1960-х гг. произошло сокращение этих источников, а в 1970-х гг. существенно сократилась численность населения, особенно в регионах-донорах, в том числе за счет стирания различий между центром и периферией. Это негативно отразилось на экономике Дальнего Востока. Поэтому государство вынуждено было изыскивать новые источники пополнения трудовых ресурсов для предприятий Дальневосточного региона. Параллельно советское правительство обратилось к практике привлечения иностранных рабочих (северных корейцев в лесную отрасль Дальнего Востока).

Для более рационального распределения трудовых ресурсов перестройке подвергались переселенческие структуры. Власть инициировала организацию бюро по трудоустройству, которые централизованно приглашали на работу, перераспределяли, трудоустраивали и осуществляли переподготовку кадров.

Исторический опыт показал, что осуществление миграционной политики в СССР в 1950—1960-х гг. сопровождалось «разбуханием» органов управления по переселению. Это происходило отчасти из-за введения дополнительных функций, отчасти — из-за включения новых структур. Но с увеличением числа управленцев сокращалась численность организованных мигрантов. Таким образом, можно сделать вывод о затратном

механизме миграционной политики 60-х гг., что осталось «родовой» чертой и в последующее десятилетие.

Отношение к своим обязанностям у сотрудников переселенческих структур менялось со временем. Если в сталинский период они стремились выполнить план любой ценой, то в хрущевскую эпоху степень жестких требований снизилась, а при Брежневе понятие «план набора» и вовсе уходит из бюрократического лексикона. На смену ему приходит термин «плановые потребности рабочей силы».

Руководство страны контролировало деятельность чиновников, более того, боролось со всякого рода нарушениями. Если в середине 1940—1960-х гг. самым распространенным нарушением было невыполнение инструкции по переселению (переселяли семьи и лиц, которые не могли стать сельхозпереселенцами или рабочими оргнабора согласно инструкциям и распоряжениям), то в 1970-х гг. выделенные финансовые средства часто расходовались не только неэффективно, но и расхищались.

С середины 1950-х гг. на Дальнем Востоке увеличились капиталовложения в социальную сферу (строительство жилья, детсадов и т.д.), что благоприятно отразилось на закрепляемости дальневосточников. Социальная политика явилась дополнительным стимулом прибытия на Дальний Восток стихийных мигрантов, для которых важную роль играла океаническая направленность региона (моряки, рыбаки).

Третий этап (вторая половина 1960-х гг. до конца советского периода) — время стимулирования движения на восток с помощью монетарных инструментов — увеличения доходов в регионе. В результате увеличивалось количество самостоятельных прибытий на Дальний Восток, в том числе из соседней Сибири и центральных регионов страны. Внутри региона началось перемещение населения. Мигранты, отправлявшиеся на Сахалин, Курилы, Камчатку, Чукотку, в Магаданскую область, пользовались помощью государства, но мигранты, приезжавшие из северных районов в южную часть региона, рассчитывали на собственные силы.

Главным результатом реализации миграционной политики на Дальнем Востоке стало увеличение численности населения до 6845,1 тыс. чел. в 1979 г., т.е. с 1939 г. почти в 2 раза. Благодаря социальным мероприятиям (рост доходов, строительство жилья для переселенцев, выплата «подъемных» и проездных) значительная часть дальневосточников перешла в категорию стабильного населения (прожившие в регионе от 10 и более лет). Выросло население Дальнего Востока и за счет естественного прироста. В структуре численности населения 1959—1979 гг. доля естественного прироста составила 72%. Рост населения частично позволил решить задачу обеспечения безопасности Дальнего Востока и страны в целом, т.е. демографического укрепления приграничных районов.

Специфической чертой дальневосточной миграционной политики являлось постоянное присутствие в регионе иностранных рабочих. За период с 1945 г. по 1970-е гг. на Дальнем Востоке работало более 150 тыс. иностранцев, преимущественно граждан Японии, Китая и КНДР.

Таким образом, за счет миграционной политики в значительной степени решалась проблема пополнения трудовых ресурсов в наиболее развитых отраслях региона (транспорт, сельское хозяйство, рыбная, деревообрабатывающая и дереводобывающая, горнорудная). В разные районы Дальнего Востока за исследуемый период прибывало от 40 до 60% рабочих.

Сборники документов, монографии, статьи:

1. Абдрашитов Э.В. Отношение к военнопленным в России / СССР в первой половине XX в. // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 2002. № 1. С. 92—101.
2. Аблажей Н.Н. Миграционный обмен России (СССР) и Китая: основные этапы и тенденции развития в XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002 г. Вып. 3. С. 300—308.
3. Алин Ю.Ю. Организация деятельности денежно-кредитной системы Южного Сахалина в переходный период (1945—1946 годы) // Краеведческий бюллетень: Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. Южно-Сахалинск, 2000. № 2. С. 127—141.
4. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953—1985 гг.): Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991. 398 с.
5. Бабаев М.М. Теоретические основы криминологических исследований социально-демографических процессов в СССР: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1975. 38 с.
6. Безбородова И.В. Иностранные военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1945—1953) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 165—173.
7. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945—1995). М.: Конверт — МОНФ, 1997. URL: http://militera.lib.ru/research/bogaturov_ad/index.html
8. Большаков И.И. Приморье сегодня и завтра. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1968. 119 с.
9. Бондаренко Е.Ю. Военнопленные. Формирование и деятельность управления по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР на Дальнем Востоке России (30—50-е годы XX в.) // России и АТР. Владивосток. 2003. № 4. С. 52—61.
10. Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914—1956). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 224 с.
11. Бондаренко Е.Ю. Трудовые интернациональные связи дальневосточников с народами зарубежных стран в период строительства

- социализма в СССР (1938—1960 г.). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1987. 22 с.
12. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения: 1945—1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.
  13. Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР (40—60-е годы). Препр. Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1991. 63 с.
  14. Боффа Дж. История Советского Союза: в 2 т.; Пер. с итал. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1994. Т. 2: От отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941—1964 гг. 632 с.
  15. Букин С.С. Немецкий этнос в Сибири (русский вариант). URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>
  16. Вапук А.С. Борьба с космополитизмом в СССР и решение еврейского вопроса на Дальнем Востоке (1946—1950-е гг.) // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций: Сб. статей. Владивосток: Дальнаука. 2004. С. 144—155.
  17. Вапук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука. 1998. 211 с.
  18. Вапук А.С., Крушанова Л.А. Мобилизационные формы пополнения трудовых ресурсов в СССР в 1945—1950 гг. // Россия и АТР. Владивосток. 2006. № 1. С. 5—13.
  19. Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 5.
  20. Верт Н. История советского государства. 1900—1991. Пер. с фр. 2-е изд. М.: Прогресс-Академия, 1995. 544 с.
  21. Внешняя политика Советского Союза и современные международные отношения: Сб. документов. М.: Междунар. отношения, 1974. 183 с.
  22. Всемирная история. В 10 т. М.: Мысль, 1965. Т. 10. М.: Мысль, 1965. 726 с.
  23. Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 115—123.
  24. Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 66—78.
  25. Гапоненко К. Вслед за ушедшим днем: Очерки о сахалинских переселенцах. 1946—1952 годов. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 1998. 327 с.
  26. Герасимова Л.А. Проблемы сельскохозяйственных переселений на юге Дальнего Востока во второй половине 1940-х — 1950-е го-

- ды // Восьмая Дальневосточная конференция молодых историков: Сб. материалов. Владивосток, 26—29 апреля 2004 г. Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 44—52.
27. Герасимова Л.А., Великанова У.Б. Девиантное поведение мигрантов, 1990-е годы: На примере Приморского края // Россия и АТР. Владивосток. 2003. № 4. С. 41—45.
28. Гладышев А.Н. и др. Проблема развития и размещения производительных сил Дальнего Востока. М.: Мысль, 1974. 215 с.
29. Гладышев А.Н., Можин В.П. Территориально-производственные комплексы СССР (проблемы развития и формирования). М.: Политиздат, 1982. 80 с.
30. Голод и государственная политика (1946—1947 гг.): Вступ. статья В.П. Попова // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 33—47.
31. Горбачев О.В. Организованная миграция из сел Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. 38—148.
32. Дальневосточный отряд рабочего класса СССР (1961—1980 гг.). В 2 ч. Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1987. Ч. 1: Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и изменения в составе рабочих. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, 1987. Деп. в ИНИОН АН СССР № 31014.
33. Дальневосточный отряд рабочего класса СССР (1961—1980 гг.). В 2 ч. Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1987. Ч. 2: Социальная активность рабочих-дальневосточников и рост их благосостояния. Деп. в ИНИОН АН СССР № 30387.
34. Денисенко М.Б. и др. Миграциология. М.: МГУ, 1989. 96 с.
35. Деревянко А.П. Аграрная политика КПСС и ее реализация на Дальнем Востоке в период развитого социализма (1959—1975 гг.) // Крестьянство Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 3—23.
36. Деревянко А.П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия (1858—1998). Владивосток: Дальнаука, 1999. 445 с.
37. Деревянко А.П. Трудовое комсомольское лето студентов: (Из истории движения в Приморье в 1963—1969 гг.) // История, социология и филология Дальнего Востока. Т. 8. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1971. С. 61—84.
38. Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы (1946—1950). Новосибирск: Наука, 1972. 212 с.

39. Ермакова Э.В. Рабочий класс Дальнего Востока в послевоенные годы: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1967.
40. Жуков Е.М. Современные империалистические противоречия на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. М., 1972. № 2. С. 3—12.
41. Жуковский Н.И. О единой тарифной сетке оплаты труда в колхозах и совхозах Дальнего Востока // Проблемы сельского хозяйства Приамурья. Хабаровск: кн. изд-во. 1966. Т. 1. С. 333—335.
42. Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х — 60-х гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997. 157 с.
43. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: Институт российской истории РАН, 2001. 305 с.
44. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10—27.
45. Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940—1950-х годах // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 4—19.
46. Земсков В.Н. Рождение второй эмиграции (1944—1952). URL: <http://www.historytuad.nsk.ru>
47. Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике постсталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4. С. 103—115.
48. Зубкова Е.Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 годов // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4. С. 74—88.
49. Известия, 1953. 20 сент.
50. Там же. 1955. 31 мая, 8 сент.
51. Там же. 1958. 17 мая, 31 дек.
52. Там же. 1959. 18 марта.
53. Там же. 1965. 5 июня.
54. История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. Т. 11: Поражение милитаристской Японии, окончание второй мировой войны. М.: Воениздат, 1980. 495 с.
55. История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. Т. 12. Итоги и уроки Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1982. 495 с.
56. История Дальнего Востока СССР. (От эпохи первобытных отношений до наших дней. В четырех томах. Кн. 10: Советский Дальний Восток в период совершенствования развитого социалистического общества в СССР (1959—1970 гг.). Макет. Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1979. 290 с.

57. История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977. Хабаровск: кн. изд-во, 1978. 552 с.
58. История СССР. С древнейших времен до наших дней. В двух сериях в двенадцати томах. Т. 9. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945—1961. М.: Наука, 1980. 653 с.
59. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.
60. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. . В 7 т. Т. 5. М.: Статистика, 1973. 303 с.
61. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. В 7 т. Т. 7. М.: Статистика, 1974. 455 с.
62. Карамышева Л.Д. Социалистическое соревнование среди труженников дальневосточной деревни в послевоенные годы (сентябрь 1945 г. — 1958 г.) // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (советский период), Владивосток: ДВНЦ АН СССР. 1981. С. 42—58.
63. Карамышева Л.Д. Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства Дальнего Востока в послевоенные годы (1946—1950) // Крестьянство Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. С. 60—68.
64. Кожевников В.В. Вопрос остался открытым... Сан-Францисский мирный договор и советско-японские отношения // Россия и АТР. Владивосток. 1995. № 3. С. 10—24.
65. Коловангин П.М., Рыбаков Ф.Ф. Экономическое реформирование России в XX веке (политико-экономическое исследование). СПб.: «Петрополис», 1996. 238 с.
66. Костяев И.Ф. Логика истории и «социализм» в СССР (проблемы переходной экономики). Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1998. 157 с.
67. Костяшов Ю.В. На колхозном собрании: Штрихи к истории заселения Калининградской области в 1946 году // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 132—138.
68. Крушанова Л.А. Отношение принудительных мигрантов Дальнего Востока к своему статусу в 1946 — начале 1950-х гг. // Дальний Восток: наука, образование. XXI век: IV Крушановские чтения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 сентября 2005 г.). В 3 т. Т. 1. Комсомольска-на-Амуре: Изд-во «Комсомольского-на-Амуре гос. пед. ун-та», 2005. С. 147—155.
69. Крушанова Л.А. Сельскохозяйственное переселение на юге Дальнего Востока. 1970—1980-е годы // Россия и АТР. г. Владивосток. 2005. № 2. С. 78—89.

70. Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. М.: Наука, 1997. 301 с.
71. Кузин А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Документально-исторический очерк. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, Сахалин. отд-ние. Литературно-издат. объединение «Лик», 1993. 368 с.
72. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945—1956 гг.). Иркутск: Центр международ. исслед. ИГУ, 1997. 259 с.
73. Кузьмина М.А. Плен. Комсомольск-на-Амуре, 1996. 154 с.
74. Лазарева С.И. Руководство местных советов развитием сельского хозяйства на Дальнем Востоке СССР в 1953—1958 гг. // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (советский период). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. С. 58—72.
75. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х годов: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука. 1998. 283 с.
76. Литвинова Г.И. Право и демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1987. 189 с.
77. Лунева И.А. Феномен «невозвращенцев» в пропагандистской войне СБОНР против Советского Союза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. Политология. Международные отношения. 2003. Вып. 1. С. 55—63.
78. Материалы XXIII съезда КПСС. М.: «Политическая литература», 1966. 429 с.
79. Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1971. 598 с.
80. Материалы внеочередного съезда XXI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1959. 338 с.
81. Материалы по истории русского освободительного движения: сб. статей, документов и воспоминаний / Под общей редакцией А.В. Огорокова. Вып. 4. М.: Архив РОА, 1999. 586 с.
82. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. В 2 т. Т. 1. (1945—1957 годы). М.: Изд-во: Мысль, 1978. 297 с.
83. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. В 2 т. Т. 2. (1957—1976 годы). М.: Изд-во: Мысль, 1978. 286 с.
84. Миграция населения РСФСР: Сб. статей. М.: «Статистика», 1973. 167 с.
85. Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру (Индокитайские проблемы в свете международного права). М.: Междунар. отношения, 1977. 296 с.

86. Молодова И.Ю. Проверочно-фильтрационные дела в Госархиве документов новейшей истории Калужской области // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 49—56.
87. Народное хозяйство РСФСР в 1956 г. Стат. ежегодник. М.: Стат. управление РСФСР, 1957. 295 с.
88. Народное хозяйство РСФСР в 1961 г.: Стат. ежегодник. М.: Госстат, 1962. 572 с.
89. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. М.: Госстат, 1966. 616 с.
90. Народное хозяйство РСФСР в 1970 году. М., Госстат, 1971. 488 с.
91. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Стат.ежегодник. М.: Статистика, 1976. 439 с.
92. Население СССР. 1987. Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1988. 439 с.
93. Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюз. переписи населения 1989 г. М.: Республ. информ.-издат. центр, 1990. 377 с.
94. Нестеренко А.Д. Экономические проблемы сельского хозяйства Дальнего Востока: Дальневост. кн. изд-во, 1972. 372 с.
95. Отношения Советского Союза с народной Корей (1941—1980): Документы и материалы. М.: Наука, 1981. 424 с.
96. Оцу С. Советский рынок труда. Анализ японского специалиста / Пер. с японского. М.: Мысль, 1992. 431 с.
97. Павловский В.В. СССР — за коллективную безопасность в Азии. М.: Знание, 1975.
98. Пашков А.М. Калмыки-спецпереселенцы на Сахалине: Политические и демографические аспекты // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: История, экономика, культура: Третьи Крушановские чтения. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 437—438.
99. Переговоры в Москве осенью 1955 г. и освобождение немецких военнопленных. Вступительная статья В.Б. Конасова // Отечественные архивы. 1998. № 1. С. 61—65.
100. Пискунов С.А. Жилищное строительство для переселенцев на Дальнем Востоке в 50—60-е годы XX в. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.): Матер. междунар. науч. конф. Благовещенск: БГПУ, 2004. С. 244—252.
101. Пискунов С.А. Организация учета плановых переселенцев дальневосточными советскими органами в 50-е — середине 60-х гг. XX в. // Аграрное развитие Дальнего Востока: итрия и современность:

- Матер. регион. науч.-практич. конф., посвящ. 150-летию первого сплава по Амуру под руководством Н.Н. Муравьева-Амурского. Благовещенск: ДАЛЬГАУ, 2005. С. 124—134.
102. Пискунов С.А. Переселенческие льготы и особенности реализации на юге Дальнего Востока России в 1950-х — середине 1960-х гг. // Девятая Дальневосточная конференция молодых историков: Сб. матер. Владивосток: ДВО РАН, 2006. С. 139—149.
103. Пискунов С.А. Центральные и Дальневосточные переселенческие органы: 1950-е — середина 1960-гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Научно-теоретический журнал. Хабаровск. 2005. № 4(8). С. 117—126.
104. Полян П. Вестарбайтары. Интернированные немцы на советских стройках // Родина. 1999. № 9. С. 21—28.
105. Полян П. Интернированные немцы в СССР // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 113—123.
106. Поршнева О.С. Повседневность плена: иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле (1943—1949 гг.) // Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия: История России. 2003. № 2. 126—134.
107. Почтарев А.Н. Из истории советско-корейских отношений в 20—50-е годы // Новая и Новейшая история. 1999. № 5. С. 36—46.
108. Правда. 1951. 15 окт.
109. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 594 с.
110. Промышленность и рабочий класс СССР. 1946—1950: Документы и материалы. М.: Наука, 1989. 388 с.
111. Пыжиков А.В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопросы истории. 2000. № 2. 26—37.
112. 58/10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Аннотированный каталог. Март 1953—1991. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 944 с.
113. Разуваева Н.Н. Экономическая политика КПСС в 60-е — первой половине 80-х годов: противоречия и трудности развития // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 123—138.
114. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. В 5-ти т. Т. 3. М.: Политиздат, 1968. 751 с.
115. Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. — М.: ОГИ, 2005. 816 с.

116. Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35—49.
117. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 200 с.
118. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 168 с.
119. Савельева Е.И. От войны к миру (гражданское управление на Южном Сахалине. 1945—1947 гг.) // Сахалин, Курилы: на рубеже веков. Южно-Сахалинск, 2002. С. 26—31.
120. Селезнева Е.Ю. Особенности формирования трудовых ресурсов Дальнего Востока в период 30-х—начала 50-х годов // Российский рынок труда: новации, проблемы, перспективы развития: Сб. материалов: 2-я междунар. науч.-практ. конф. Пенза: РИО ПГСХА.
121. Система трудоустройства населения в СССР и пути ее совершенствования / Э.Р. Саруханов, В.Г. Мысник, Е.П. Павленко и др. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 192 с.
122. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М.: Наука, 1977. 368 с.
123. Смыкалин А.С. Иностранцы военнопленные на территории Урала в 1942—1956 гг. // Российский исторический журнал. 2001. № 1. С. 28—38.
124. Соборов Б.А. Маоистский миф о «сверхдержавах» // Проблемы Дальнего Востока. 1972. № 4. С. 47—58.
125. Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сб. документов. В 6 т. Том 4: Крымская Конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. 302 с.
126. Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М.: Наука, 1978. 142 с.
127. СССР и германский вопрос. Под ред. Кынина ГЛ. и Лауфера Й. В 3-х т.: Т. 1. М., 1996. 784 с.
128. Тегеран — Ялта — Потсдам. Сб. документов. М.: Междунар. отношения, 1967. 416 с.
129. Ткачева Г.А. Принудительный труд в дальневосточном регионе 1941—1945 гг. // Россия и АТР. Владивосток. 2003. № 4. С. 29—40.
130. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. Пер. с англ. Е.С. Гессен. М.: Русский путь, 1996. 542 с.

131. Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Наука, 1969. 415 с.
132. Христофоров В.С. Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отечественные архивы. 2001, № 6. С. 11—17.
133. Чернолуцкая Е.Н. Российская реэмиграция из Китая // Россия и АТР. Владивосток. 1996. № 2. С. 74—81.
134. Чичканов В.П. Дальний Восток. Стратегия экономического развития. М.: «Экономика», 1988. 248 с.
135. Шитиков А.П. Наш орденосный Хабаровский край. Хабаровск: кн. изд-во, 1967. 239 с.
136. Шубин А.В. Социальная структура СССР в канун перестройки // Отечественная история. 1997, № 4. С. 131—146.
137. Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСИЭПиИ, 2002. 149 с.
138. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов 1917—1959. / Гл. ред. С.Г. Струмилин. М.: Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1961. 780 с.
139. Эмиграция и репатриация в России / Ионцев В.О., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.В. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 439 с.
140. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 224 с.
141. Ямада Кацуэси. Японские интернированные как иностранные рабочие в Сибири // Мост через Амур. Внешние миграции, иммигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. матер. междунар. исследоват. конф. М. — Иркутск, 2002. С. 97—102.
142. Японский милитаризм (военно-историческое исследование). М.: Наука, 1972. 376 с.

Фотоиллюстрации

1. Остарбайтеры 1943—1945 гг. (Фотография сделана немцами). URL: <http://www.polk.ru> (дата обращения: 20.08.2009)
2. Советские военнопленные. Фотографии делали солдаты Вермахта. URL: <http://www.polk.ru> (дата обращения: 20.08.2009)
3. Уполномоченный по делам репатриации начальник ГРУ генерал Филипп Голиков. URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 20.08.2009)
4. Уполномоченный по делам репатриации К.Д. Голубев. URL: <http://www.generals.dk> (дата обращения: 20.08.2009)
5. А.Я. Вышинский. В 1949—1953 гг. — министр иностранных дел СССР. URL: <http://www.rasty.kiev.ua> (дата обращения: 20.08.2009)
6. Листок учета советского военнопленного. URL: http://www.polk.ru/pl/_photoarchive (дата обращения: 20.08.2009)
7. Переселиться из приемного пункта (вверху) в собственную квартиру (внизу — семья, вернувшаяся в СССР из Франции) удавалось немногим репатриантам. URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 20.08.2009)
8. Джаз-оркестр О. Лундстрема. URL: <http://www.photodom.com> (дата обращения: 20.08.2009)
9. На юг — обживать новые места (Северный Сахалин, 1945 г.). URL: <http://3colors.sakh.com/Yuzhno-Sakhalinsk> (дата обращения: 20.08.2009)
10. Сахалинские переселенцы в 1948 г. // Гапоненко К. Вслед за ушедшим днем: Очерки о сахалинских переселенцах. 1946—1952 гг. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 1998. С. 13.
11. Эвакуация в тыл пленных японских генералов Квантунской армии советскими войсками. URL: <http://www.klopp.ru> (дата обращения: 18.08.2009)
12. Японские военнопленные по пути следования в Чань-Чунь. URL: <http://www.klopp.ru> (дата обращения: 18.08.2009)
13. Раздача риса японским военнопленным. URL: <http://www.klopp.ru> (дата обращения: 18.08.2009)
14. Японцы на Сахалине. Личный архив Л.А. Крушановой.
15. Заседание Южно-Сахалинского управления по гражданским делам: (справа налево): начальник управления Д.Н. Крюков, заместитель начальника по политической части П.А. Богачев и заместитель начальника по торговле В.Г. Яковлев. 1945 г. URL: <http://3colors.sakh.com/Yuzhno-Sakhalinsk> (дата обращения: 20.08.2009)
16. 1 мая 1946 г. (Сахалин). URL: <http://www.3colors.sakh.com/Yuzhno-Sakhalinsk> (дата обращения: 20.08.2009)
17. Начальник Южно-Сахалинского областного управления по гражданским делам Д.Н. Крюков (слева направо), его жена и первый заместитель А.О. Емельянов. Тоёхара, 1945 г. URL: <http://3colors.sakh.com/Yuzhno-Sakhalinsk> (дата обращения: 20.08.2009)
18. Сахалинские рыбаки. URL: // <http://www.tambov.su> (дата обращения: 21.08.2009)
19. Памятная табличка. URL: // <http://www.transsib.ru/Photo/Ayam/ayam0399.jpg> (дата обращения: 21.08.2009)
20. Порт Восточный (современный вид). URL: <http://www.russia-today.ru>) дата обращения: 11.07.2010)
21. Стройотряд на строительстве коровника. URL: <http://www.tambov.su> (дата обращения: 21.08.2009)

Приложение 1

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР

С рабочим, переселяющимся в Сахалинскую область для работы на предприятиях Министерства Лесной и бумажной промышленности С.Охот.
(указать наименование Министерства и предприятия)

Место подписания договора С.Игара 17 апреля 1947

Гражданин Маркинцев Михаил Иванович
(фамилия, имя, отчество) постоянно

проживающий Красноярский край, Канский р. о. В. И. И.
(указать подробный адрес, в т. ч. Угроз, сельсовет, район, область, край или АССР)

предъявивший паспорт № 41572818 от 15-19 выданный Ленинград

до 15 переселяющийся со своей семьей в нижеследующем составе:

№ п/п.	Фамилия, имя, отчество (полностью)	Год рож.	Родственное отношение к нанимаемому	Трудоспособность (со слов)
1.	<u>Маркинцев Михаил</u>			
	<u>Михаилов</u>	<u>1895</u>	<u>отец</u>	<u>Да</u>
2.	<u>Маркинцев</u>			
	<u>Надежда Григорьевна</u>	<u>1923</u>	<u>жена</u>	<u>Да</u>
3.	<u>Марцин. Тамара Кирил.</u>	<u>1942</u>	<u>дочь</u>	<u>Нет</u>

Заключает настоящий договор с Красноярский край, Канский район
(наименование предприятия) лице

Уполномоченного Министерства Лесной и бумажной промышленности С.Охот.
(наименование Министерства)

тов. Акимов Павел П. Фр.
(фамилия, имя, отчество) действующего на основании

доверенности от _____ 194 г. № _____ в следующем:

1. Обязательства переселяющегося

Гражданин Маркинцев Михаил Иванович
(фамилия, имя, отчество) обязуется:

Трудовой договор.

№ 1-101: С.Ох. Лес. Пром. 1947 - 101

Приложение 2

Примечание: Схема составлена на основе: ГАРФ, ф. А-10.005. Оп. 1 (Предисловие к описи). Л. 1.

Научное издание

Л.А. Крушанова

Миграционная политика СССР
на Дальнем Востоке
(середина 1940-х — 1970-е гг.)

Монография

Редакторы
Г.И. Суббот
В.К. Форостовская

Подписано в печать 20.05.2014 г.
Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 13,23.
Тираж 300 экз. Заказ № .

ООО «Издательство Дальневосточного университета»
690091, Владивосток, ул. Фонтанная, 47

Отпечатано в Отделе информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН.
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Тел.: (423) 222-05-07. E-mail: ihae@eastnet.febras.ru.